

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

**Политический ландшафт
стран Восточной Европы
середины 90-х годов**

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Ю.Ф. Зудинов

Москва 1997

Работа выполнена в Отделе современной истории и социально-политических проблем при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Редколлегия

доктор исторических наук Б.Й. Желицки
кандидат исторических наук Ю.Ф. Зудинов
доктор философских наук Ю.С. Новопашин

Рецензенты

кандидат исторических наук Е.П. Серапионова
кандидат исторических наук Н.М. Чалая

ISBN 5-7576-0058-6

© Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1997

ВВЕДЕНИЕ

После антитоталитарных революций 1989 – 1991 гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы политический ландшафт этих стран резко изменился. В дореволюционный, коммунистический период их развития, длившийся четыре с половиной десятилетия, этот ландшафт имел весьма своеобразный вид: практически вся общественная жизнь оказалась огосударствленной, а "несущую конструкцию" государственной системы составляли партийная номенклатура и ее аппарат. Поэтому-то, кстати сказать, и существовало в западной политологии понятие "партии-государства", с помощью которого характеризовалось политическое устройство СССР и всех других стран так называемой мировой системы социализма. Идеологически подобное устройство оправдывалось марксистско-ленинской догмой о руководящей и направляющей роли коммунистов в социалистическом строительстве, заменить которых на этом поприще не дано никому. Как подчеркивал в свое время один из большевистских вождей М.П. Томский, "в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две и три и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата"¹.

Иными словами, политическая система общества была, во-первых, жестко моноцентричной (идея плюрализма отвергалась как атрибут буржуазных порядков, которому нет места в условиях нового строя), а, во-вторых, о самом обществе в виде чего-то более объемного и многообразного, чем государственная машина, говорить почти не приходилось, ибо контроль власть предержащих, употребляя слова другого большевистского вождя, "повелительно охватывал жизнь граждан со всех сторон"², т.е. носил всепроникающий, поистине тоталитарный характер.

Можно в связи с этим заметить, что понятие "политическая система" применительно к бывшим социалистическим странам выглядело весьма условным, ибо подлинно политические функции являлись прерогативной только властно-управленческой структуры "партия—государство". Что же касается, например, Советов, профсоюзов, различных общественных организаций (культурно-просветительских, спортивных, молодежных, женских и т.п.), они были низведены до декоративных, чисто вспомогательных для коммунистической номенклатуры, до уровня, как метко и совершенно точно определил однажды Сталин, "обслуживающих органов и приводных ремней"³ к механизму партийной диктатуры.

Не вдаваясь особо в рассуждения о непродуктивности подобного подхода, который профанировал, уродовал общественную жизнь, согласимся с М. Джиласом, что история, помимо порядков советского типа, не знает иных, "когда-либо вызывавших столь глубокое и широкое неприятие. Похоже, — писал он в своей книге "Новый класс", — чем закрепощеннее сознание и ограниченнее возможности организованных действий, тем с большей силой нарастает глухой, мрачный ропот низов. Коммунистический тоталитаризм ведет к тотальному негодованию, в котором сгорают все нюансы чувств, остаются голос отчаяния и ненависть. Стихийное сопротивление, ежечасный, восплаемый "мелочами" протест миллионов — это форма отпора, которую коммунистам не удалось задушить"⁴. Добавим к этому, что глухой, мрачный ропот низов неоднократно приводил к острым, кровавым конфликтам, а глубокое и широкое неприятие гражданами восточноевропейских стран навязанной им "системы народовластия" стало одной из главных причин сокрушительного краха в регионе коммунистического тоталитаризма на рубеже 80—90-х годов. Постреволюционная действительность являет собой совершенно иную картину.

Политическая система посттоталитарных обществ стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как говорится, вернула себе свое подлинное, т.е. сугубо политическое, содержание. Переход исключительно во всех этих странах к модели парламентарной плюралистической демократии чрезвычайно оживил общественную жизнь, самостоятельность граждан по созданию различных движений и партий, которые отражали бы интересы тех или иных слоев населения, не всегда

и не во всем, разумеется, совпадающие, в том числе и на уровне властных институций. Счет этим движениям, партиям идет в каждой стране на многие десятки и даже сотни. Прорисовываются "левые" и "правые" фланги этого политического многоцветья. Антикоммунистический лагерь демократов праволиберальной направленности за минувшее пятилетие успел уже побывать у рычагов власти, начать нелегкий перевод бывшей "командной экономики" на рельсы рыночного хозяйствования, хотя почти во всем регионе (исключение составляют лишь Албания и Чехия) он стал жертвой трудностей переходного периода и уступил в настоящее время место у кормила власти бывшим коммунистическим силам, которые именуют себя в духе времени социалистическими, социал-демократическими и прочими левого толка партиями.

Разумеется, многочисленность всякого рода мелких политических объединений — это и реакция населения (особенно городского) на односторонность предшествовавшего периода, в течение которого некоммунистическая активность и самостоятельность подавлялись силовыми средствами, всех несогласных и просто сомневающихся власть пыталась запугать, согнуть в бараний рог. Ныне же бывшие запреты стали уже достоянием истории, политическая панорама охватывает пространство от крайне националистических (иногда просто фашистских) взглядов, программ и партий через демократический праволиберальный центр до левого фланга наследников коммунистов, т.е. социалистических сил, которые теперь активно отрешиваются от большевистско-коминтерновского наследия и тоже усиленно рядятся в демократические одежды.

Если остановиться несколько подробнее на приходе к власти почти во всех восточноевропейских странах левых, социалистических сил, то главная причина их сегодняшнего успеха, как уже говорилось, в негативной реакции населения на трудности переходного периода к многоукладной экономике. Реальностям этого перехода, когда мало кто знает, что ждет его в будущем, пока успешно противостоит долгое время создававшийся коммунистами имидж общества братства и равенства, в котором индивидуум был защищен от безработицы и превратностей повседневной жизни, ибо государство заботилось о нем, давало жилье и образование, предоставляло медицинское обслуживание, обе-

спечивало личную безопасность. В современных же условиях конкуренции и растущей преступности, углубляющихся неравенства и разобщенности людей, положение быстро ухудшается и все чаще становится просто угрожающим именно для слабых, малообеспеченных, а их в любом обществе гораздо больше, чем сильных и процветающих. Естественно, что марксистско-ленинская утопия опять начинает обретать свои права, хотя в возвращение таких ее устрашающих атрибутов, как полицейско-чекистское подавление и советское господство, уже мало кто верит.

Потом надо, конечно, учитывать и такой момент, как длительность коммунистического периода: почти полвека в восточноевропейском регионе и три четверти века в самом Советском Союзе. Специфическая политическая система этого периода имела совершенно особые последствия. Ведь партноменклатура, владевшая монополией не только на власть, но и на образование, продвижение по социальной лестнице, на информацию, подчинила себе всю сферу формирования элит. Вне компартии, ее норм и требований никто не мог занять какой-либо политически ответственный пост или подготовить некие структуры для смены режима. Этим и объясняется тот очевидный факт, что, хотя свободомыслящие деятели, отличающиеся исключительным мужеством, смогли возглавить движения, которые одержали шесть лет назад верх над тоталитарной системой, они оказались, как правило, неподготовленными к осуществлению политической и экономической власти. За несколько лет сформировать новые кадры для квалифицированного управления страной антикоммунисты не смогли. Тем более, что, как справедливо заметил президент организации "Фридом хауз" А. Каратничек, "в большинстве стран бывшего советского блока не было официального процесса декоммунизации, сопоставимого с денацификацией Германии после второй мировой войны. Одно из последствий этого — сохранение ряда институтов, имеющих корни в коммунистической системе, как, например, профсоюзы и спортивные ассоциации. Продолжают свою деятельность многие бывшие коммунистические руководители преимущественно благодаря контролю с их стороны над предприятиями, теперь частично приватизированными, которые некогда были оплотом власти партии. Они используют уцелевшие политические структуры для сохранения своих властных позиций"⁵.

За плечами коммунистов в этом деле длительная традиция политической борьбы в оппозиции и осуществления власти. Другие же партии в гораздо худшем положении, ибо были в течение полувека лишены корней, просто запрещены. После такого перерыва адаптироваться к задачам текущего момента не так-то просто. Создание жизнеспособных политических организмов, способных завоевать массовые симпатии избирателей, требует времени и опыта. К тому же коммунисты, имеющие здесь несомненное преимущество, проявили достаточно мудрости, чтобы приспособиться к посттоталитарному периоду: они теперь во всех восточноевропейских странах защищают идеи реформ, открытости по отношению к Западу и даже к НАТО. А эта перелицовка коммунистами своих революционных одеяний на социал-реформистские имеет положительный эффект, ибо социал-демократия ассоциируется прежде всего с обществами социальной защиты Северной Европы. Если бывшие коммунисты, опять оказавшиеся у государственного кормила, будут проводить реформистский курс, сумеют удержаться от неконституционных попыток расширить базу своей власти, беря, в частности, под контроль средства массовой информации и все ответственные посты, то докажут тем самым, что их обращение в социал-демократов суть реальность, которая в перспективе может найти еще более широкую поддержку, чем сейчас.

Можно в завершение этого сюжета привести еще суждение члена Французской академии, известного специалиста по восточноевропейскому региону Э. Каррер д'Анкокс, опубликовавшей в начале декабря 1995 г. в парижской печати статью "Коммунисты возвращаются?" В чем-то идеи этой статьи перекликаются с мнением А. Каратничека, но не только. «Разрыв 1989 года, — пишет она, — не был подлинной революцией постольку, поскольку он нигде не сопровождался тем, к чему приводят революции: отстранением тех, кто прежде осуществлял власть и занимал ответственные посты, и заменой их новыми элитами. Поскольку эти новые элиты не успели (о чем уже говорилось выше. — *Ю.Н.*) сформироваться, постольку воспоминания об ужасном прошлом заставляли всех желать социального мира и примирения, не происходило, как правило, чисток и смены одного правящего класса другим. Разрушение системы не сопровождалось отстранением людей на всех

уровнях. Эта стабильность политических и экономических кадров, исключая саму верхушку системы, в значительной мере содействовала утверждению мысли, что, поскольку демократии нечего опасаться со стороны бывших коммунистов, их можно вновь поставить и во главе государства. Для избирателей, проголосовавших за коммунистов или социал-демократов, это был выбор персоналий, а не выбор системы. Они в целом убеждены, что коммунизм мертв, хотя коммунисты и правят страной. Будущее покажет, — заключает французская исследовательница, — было ли их решение мудрым, или это стало результатом "обмана зрения" » 6.

Будущее, разумеется, многое прояснит, но и в нынешних хистро-сплетениях политической жизни в восточноевропейских странах надо разбираться, хотя это и не так легко сделать. От коммунистической "простоты" дореволюционной политической жизни не осталось и следа; все находится в движении, не совсем или совсем еще не устоялось — "левые" легко превращаются в "правых", а последние — наоборот. Однако знать российскому гражданину, особенно общественведу или государственному деятелю, обо всем этом надо, ибо восточноевропейский регион объективно существует, был, есть и будет нашим западным партнером, с которым к тому же весь послевоенный период нас связывало много общего. Как представляется, одна из важных проблем дальнейшего устойчивого развития Российской Федерации — разработка и проведение эффективной внешней политики в отношении этого региона, восстановление с ним сильно сократившихся в последние годы связей.

Конечно, не в одних нас дело. Военно-коммунистический истеблишмент СССР превратил страны этого региона из буферной зоны в стратегическое предполье — пространство, во-первых, для развертывания советских войск, огромная концентрация которых должна была нейтрализовать научно-техническое преимущество НАТО; во-вторых, — для соответствующих акций в отношении внутреннего режима в данных странах. Именно это было стержнем советской послевоенной политики в регионе (и вторжение 500-тысячной армады в Чехословакию в августе 1968 г. преследовало в первую очередь цель создания Центральной группы советских войск и только во вторую — подавление

"пражской крамолы"). И именно в таких рычагах советской политики, как Варшавский договор и СЭВ, давно уже видели в восточноевропейских странах механизм идеолого-политического и социально-экономического контроля за их развитием, а потому упомянутые организации и были в конце июня – начале июля 1991 г. бесповоротно упразднены. У бывших сателлитов СССР до сих пор наблюдается боязнь "непредсказуемого восточного соседа", растут и подчас проявляются во внешней политике антироссийские настроения.

Вряд ли в связи с этим можно принять на веру следующее заявление заместителя российского министра иностранных дел С. Крылова, курирующего проблематику восточноевропейского региона: "Ни с одним бывшим социалистическим государством политические отношения не ухудшились, хотя и произошло ослабление экономических связей"⁷. Дальше, правда, он, противореча сам себе, признает, что в политической области "наши интересы разошлись очень далеко, может быть, за исключением Болгарии, да и там не все так просто, учитывая разные позиции правительства и парламента"⁸.

Получается интересная картина: нынешние политические интересы России и стран Центральной и Юго-Восточной Европы разошлись очень далеко, но межгосударственные отношения, долженствующие отражать эти интересы, не ухудшились. Так, конечно, не бывает, если уточнить, о ком конкретно идет речь. А мы ведем ее о двенадцати странах – Албании, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Македонии, Польше, Румынии, Словакии, Словении, Союзной Республике Югославии (объединяющей Сербию и Черногорию), Хорватии и Чехии. Отнюдь не со всеми из перечисленных стран политические отношения у Российской Федерации урегулированы и договорно оформлены, не преодолена с рядом из них известная натянутость в международных делах. Есть, кстати, и определенные этно-территориальные проблемы, ни одной из которых бывшие коммунистические власти не решили, а просто придавливали их кованым сапогом своих репрессивных "органов".

Теперь все это оказалось на поверхности политической жизни, стало предметом спекуляций многих партий и движений как в России, так и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Хотя "сильными" выражениями и с нашей стороны, и с противоположной

ничего изменить нельзя. Поправить положение можно только посредством повседневной и кропотливой работы, включая изучение современного положения в соответствующих странах, активизацию контактов на всех уровнях, терпеливое разъяснение существа национально-государственных интересов России в этом регионе. Дело пойдет на лад лишь при последовательном отстаивании наших интересов в доброжелательной, если нужно компромиссной, форме, но отнюдь не за счет нажима, силовых телодвижений. Отрицательное наследие коммунистического периода таково с точки зрения общественного сознания и общественной психологии, что оно тут же сработает против нас, если усилия в указанном направлении будут хоть в какой-то мере оправдывать поговорку о неуклюжем "русском медведе".

Так что реалистические представления о политическом ландшафте в странах Центральной и Юго-Восточной Европы – залог продвижения вперед на этом направлении российской дипломатии. Не говоря уже об изучении современной истории восточноевропейского региона как таковой, ибо впервые в новейшее время совершается переход от коммунистической системы к демократической, который, по справедливым словам Ж. Желева, "оказался не таким простым, как мы его представляли вначале. Гораздо проще перейти к демократии от фашизма, чем от сталинизма, потому что во втором случае надо менять не только "политическую шапку", но и всю экономическую базу. Ни Муссолини, ни Гитлер, ни Франко не затронули частную собственность, поэтому переход к демократии после них был гораздо проще. Кроме того, – подчеркнул болгарский президент, – мы не сумели правильно оценить проблему безопасности. На первом этапе мы поставили главную задачу: гарантировать людям личную свободу. Но в действительности этим воспользовались, в первую очередь, мафия и организованная преступность. Простой гражданин от этого ничего не получил и стал тосковать по той безопасности на бытовом уровне, которую в состоянии гарантировать тоталитарные режимы"⁹.

Очевидный уклон влево как восточноевропейского, так и российского электората, укажем в скобках, произошел в числе других и по той причине, на которую сослался Ж. Желев. Об отечественных избирателях здесь сказано, конечно же, в связи с выборами в Государственную думу, состоявшимися 17 декабря 1995 г., на которых больше

всех голосов получили российские коммунисты. В целом же в задачу настоящего издания не входило рассмотрение политического ландшафта нашей страны. О последнем один остроумный человек заметил, что это "не многопартийность, а какая-то сыпь на теле бледной демократии. Уже букв не хватает для названий этих блошиных блоков..."¹⁰.

Пожалуй, можно согласиться с такой характеристикой, а что касается предлагаемого читателю сборника, то в нем предпринята попытка обрисовать политический ландшафт стран Центральной и Юго-Восточной Европы в середине 90-х годов. К сожалению, не весь регион представлен в этой работе, которая, помимо настоящего введения, включает статьи по Болгарии, Венгрии, Польше, Сербии, Хорватии, Словакии и Чехии. Авторы – сотрудники Института славяноведения и балканистики РАН доктора исторических наук Б.Й. Желички, Э.Г. Задорожнюк, доктор философских наук, профессор Ю.С. Новопашин, кандидаты исторических наук А.Б. Едемский, Ю.Ф. Зудинов, О.Н. Майорова, В.В. Мирошников, С.А. Романенко, Г.Ю. Харциева.

Примечания

¹ Цит. по: *Кирилина А.* Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб., 1993. С. 132.

² *Троцкий Л.* Соч. М., 1934. Т. XII. С. 161.

³ *Сталин И.* Соч. М., 1953. Т. 8. С. 35.

⁴ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 256.

⁵ Цит. по: *Moffitt G.* Communists in the countries of exsocialist camp // *The Christian Science Monitor.* 1995. 18. XII.

⁶ *Carrere d'Encausse H.* «Les communistes reviendrent?» // *Le Figaro.* 1995. 8.XII.

⁷ Деловые люди. 1995. № 62. С. 32.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: *Голяев А.* Президент Желю Желев: "Болгария после 1989 г. взяла ориентир на Запад" // Вести Европы (Вестник ИТАР – ТАСС). 1995. 9. XII. С. 16.

¹⁰ *Мишин М.* Принесенный с "Красной стрелой" // Московский комсомолец. 1995. 9.XII.

БОЛГАРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРВОГО ПОСТТОТАЛИТАРНОГО ПЯТИЛЕТИЯ

В первой половине 90-х годов, оценивая внутривнутриполитическое положение в Болгарии, отдельные местные и зарубежные политики и публицисты употребляли термин "остров стабильности" на Балканах. Подобную характеристику можно признать справедливой, если, например, иметь в виду ситуацию в бывшей социалистической Югославии¹. Да и свержение тоталитарного режима в Болгарии произошло относительно безболезненно. На пути от тоталитаризма к демократии Болгария, как правило, решала свои проблемы не печально известным "балканским", а вполне цивилизованным "европейским" способом. В этом смысле у болгарского президента Ж. Желева были основания утверждать, что переход к демократии и рыночной экономике осуществлялся мирно, без эксцессов. В марте 1995 г. Ж. Желев заявил о своей гордости, как главы государства, тем фактом, что Болгария является свободной страной по всем европейским и мировым стандартам, выразил уверенность, что болгарский народ будет и впредь самостоятельно распоряжаться собственной судьбой².

Не оспаривая в принципе оправданности приведенных оценок, нельзя не отметить их во многом общий, весьма относительный характер. В политическом лексиконе посткоммунистической Болгарии, как и других восточноевропейских государств, активно используются понятия "гражданский мир" и "гражданское согласие". На бытовом уровне, в массовом сознании они иногда воспринимаются как идентичные, смешиваются, особенно у людей, не искушенных в философских, политологических и иных "высоких" категориях. Но по своему

сущностному содержанию эти понятия, отражая как данное состояние общества, так и одну из главных целей его развития, далеко не равнозначны. Первое предполагает прежде всего отсутствие таких форм политического противостояния, как "огнестрельные" баррикады, всеобщая политическая стачка, стремление к устранению (в крайнем случае – физическому) политических оппонентов и т.п. Второе понятие означает наличие так называемого "общественного договора" относительно главных ориентиров, целей развития, использование цивилизованного диалога для преодоления различий в выборе средств, методов их реализации. Что касается "мира", то, как уже говорилось, в Болгарии он во многом уже обеспечен, хотя некоторые "мины" здесь еще не совсем обезврежены. Но по поводу достижения "согласия" положительные утверждения кажутся преждевременными. В пользу такой точки зрения можно привести немало суждений, основанных на реальных фактах. В начале обозначим некоторые из них, с последующей конкретизацией и иллюстрацией.

Внутриполитическая ситуация в Болгарии развивалась достаточно бурно, противоречиво. Она определялась (и определяется) наличием в стране множества острых, прежде всего социально-экономических проблем и различными, иногда прямо противоположными подходами к их решению. Эти расхождения получили многоканальный "рупор" для своего озвучивания. В стране в полной мере проявил себя плюрализм – только в 1993 г. было зарегистрировано свыше 20 новых общественно-политических формирований; их общее количество достигло примерно 150, и процесс их создания продолжается³.

Однако, как отмечалось в газете "Дума" (орган социалистов), большинство нынешних болгарских партий не имеют социальной основы, и, следовательно, они никого не представляют и ни перед кем не несут ответственности. Но они служат ширмой для анонимной, но всемогущей партии государственных чиновников и их частных компаньонов по эксплуатации "общенародной собственности"⁴ (естественно, такие "партии" официально не регистрируются). Подобное утверждение может показаться излишне категоричным, односторонним и даже "обидным" для многих партий. Можно, однако, привести другое, более выдержанное в "академическом духе" мнение политолога Р. Димитро-

ва, который считает, что возникшие в стране политические партии являются "не выразителями массовых интересов, а сословными корпорациями по самопроявлению культурно-политических элит"⁵.

Реальная жизнь показывает, что немало молодых болгарских партий являют собой так называемые партии – "фантомы", которые возникают, исчезают, объединяются, дробятся и т.д. – и все это сравнительно за короткие промежутки времени, не оставляя заметного следа на политическом небосклоне, не оказывая существенного влияния на основные общественные процессы, хотя и превнося в политическую повседневность определенный, в какой-то мере даже "экзотический" колорит. Разумеется, отдельные мелкие партии или их коалиции, создаваемые чаще всего в период очередной избирательной кампании, способны привлекать на свою сторону какую-то часть электората. Но и в этом случае нельзя говорить, по крайней мере в настоящий момент, о наличии у них солидной и устойчивой социальной базы – ведь даже такой один из традиционных "китов" болгарской партийной системы, как Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), распался примерно на десяток самостоятельных организаций, каждая из которых претендует на представительство интересов работников аграрного сектора⁶.

В орбиту политической борьбы оказались втянуты профсоюзы, другие, казалось бы, аполитичные по своей сути общественные организации. Подобные явления в известной мере нейтрализуют, превращают в формальность нормативные акты о деполитизации и департизации государственных учреждений, о запрете создания партийных организаций по месту работы. Отсутствие последних частично компенсируется наличием здесь профсоюзных или иных организаций.

Тот факт, что деятельность профсоюзов и других общественных формирований активно политизируется, объясняется и открывшимися новыми возможностями заявить о себе, и необходимостью в нынешние нелегкие для значительной части населения времена использовать различные средства для защиты интересов тех или иных социальных групп и слоев. В частности, когда главным собственником, пусть и номинальным, остается государство, профсоюзы, представляющие интересы основной массы лиц наемного труда, должны конфликтовать

или сотрудничать с властными структурами, вообще выступать "за" или "против" находящихся в данный момент у власти политических сил, взаимодействовать с одними и бороться с другими партиями, т.е. так или иначе "окунается" в политику.

Таким образом, гражданам сегодняшней Болгарии предоставлены широкие институционализированные и иные, предусмотренные современными демократическими нормами, возможности для проявления общественной активности, выражения своих идеологических и политических привязанностей или антипатий. Среди этих возможностей одна из основных – существующая на практике многопартийность. Выбор здесь действительно богат и одновременно довольно затруднителен для не особо "избалованных" демократией людей. К тому же большинству партий и движений пока отведена на политической арене роль аутсайдеров, младших партнеров и т.п., да и жизнеспособность некоторых из них вызывает сомнения.

В силу определенных объективных и субъективных условий и традиций на политическую жизнь Болгарии в нынешний переходный период в решающей степени воздействует острое, во многом конфронтационное соперничество между Болгарской социалистической партией (БСП), являющейся преемницей компартии и антикоммунистическим Союзом демократических сил (СДС). Главным образом благодаря противостоянию этих антиподов, в болгарском политическом спектре явно преобладают два цвета: "красный", под знаменами которого выступают сторонники социалистического выбора (в основном – в варианте "демократического" или "обновленного" социализма) и "синий", олицетворяющий приверженцев либеральных ценностей.

Необходимо подчеркнуть, что данное двухцветное деление отнюдь не абсолютно. Внутри многих партий имеют место свои конфликты, противоречия; здесь есть и "более красные", и "недостаточно синие" и т.д. В политическом спектре присутствуют самые разные оттенки, которые представляют националистов, монархистов и др. Большинство партий и движений не играют, как уже отмечалось, существенной самостоятельной роли на политической сцене, но "списывать", игнорировать их при оценке социально-политической ситуации было бы ошибочным хотя бы потому, что за них голосует в совокупности примерно треть избирателей, принимающих участие в голосовании и которые по разным причинам не доверяют "гигантам" – БСП или СДС.

Но роль малых партий и движений на сводится только к участию в "дележе" электората, что само по себе не так уж и мало. Вполне очевидно, что привлекая к себе часть избирателей они, даже не преодолев установленный четырехпроцентный барьер и, соответственно, не проведя непосредственно своих представителей в парламент, тем не менее косвенно формируют его состав, ибо отданные им голоса могут обернуться решающей потерей для кандидатов других партий. Здесь, однако, встает весьма актуальная проблема – потери нередко несут сравнительно близкие по "духу", по идеологии и, напротив, выигрывают принципиальные противники, в результате чего углубляются разногласия среди потенциальных союзников.

Некоторые из малых партий, выступая в качестве партнера какой-то одной ведущей политической силы, получают депутатские мандаты; другие добиваются их самостоятельно или же создают избирательные блоки, коалиции из себе подобных, получая тем самым возможность влиять на формирование органов власти и ее практическое осуществление. Более того, когда ни у БСП, ни у СДС нет подавляющего преимущества друг перед другом (конкретнее – квалифицированного большинства в парламенте), может, как показала практика, возникнуть ситуация, при которой определенная третья политическая сила, многократно уступая им в "весе", приобретает роль своеобразного балансира, способного склонить чашу весов в ту или иную сторону.

Соотношение между организованными политическими силами, степень их представительства в органах власти отражает состояние электората, который в основном также оказался расколотым на два крупных полярных лагеря при наличии значительной доли колеблющихся, мечущихся, разочаровавшихся, пассивных и др. Характерно при этом, что пока не находят массовой поддержки в обществе партии и движения, претендующие на роль политического центра. Проблема заключается как в многочисленности и взаимном противостоянии этих претендентов, в различиях в толковании ими соответствующих "центристских" ценностей, так и, что важнее, в неразвитости, отсутствии массовости так называемого "среднего класса" – главной социальной опоры центризма.

Думается, однако, что двухполюсная конфигурация в расстановке политических сил Болгарии не дает достаточных оснований говорить о формировании в стране двухпартийной системы западного образца (США, ФРГ, Англия), когда у власти находятся периодически сменяющие друг друга "гиганты", а другим политическим силам отводится место "подыгрывающего" партнера, или же они служат своеобразным "клапаном" для выпуска энергии недовольства проводимой правящими кругами политикой. Такая система, по распространенному мнению, подтвержденному мировой практикой, способна обеспечить общественно-политическую стабильность, незыблемость основ социально-экономического строя, известную преемственность главных направлений политики, не исключая, конечно, ее корректировки. Одновременно эта система предполагает, что ведущие политические силы исповедуют основные принципы центризма, избегают крайностей, экстремизма. Они имеют во многом схожую социальную базу, в которой различные отряды среднего класса являются важнейшими элементом.

В Болгарии отсутствуют и традиции, и многие необходимые предпосылки, и условия для оформления, "наладки" и нормального функционирования механизма двухпартийности. Для их создания необходимо, помимо всего прочего, время и одним из первых шагов в этом направлении было бы существенное сближение противоположных политических лагерей. В принципе такое сближение не исключено, но на практике в близкой перспективе оно вряд ли возможно. Слишком велики и нередко весьма демонстративны различия между главными политическими силами страны в оценках прошлого и настоящего, в видении будущего, в самооценках и в характеристиках оппонентов. Первичное, самое общее и вместе с тем широко распространенное в массовом сознании и активно используемое отдельными представителями политических верхов разграничение этих сил по признаку "коммунисты" – "антикоммунисты" не допускает "по идейным соображениям" открытую взаимную констатацию совпадения точек зрения по каким-то конкретным вопросам. Возможности для конструктивного диалога между соперниками сужают взаимные обвинения, нежелание уступок, различные некорректные, мягко выражаясь, высказывания, подобные прозвучавшему в выступлении одного из функционеров БЗНС на митинге

в Софии: "Коммунисты необходимы нам, как в жизни человека нужны паразиты – вши, блохи, чтобы напоминать ему о необходимости мыться и переодеваться..."⁷. Таким образом, если Болгарии и суждено обрести какую-либо разновидность двухпартийной системы, то для создания соответствующих объективных и субъективных условий и факторов потребуется немало усилий. Представляется также, что в Болгарии вряд ли будет предпринята попытка использования новейшего российского опыта строительства двухпартийной системы "сверху".

Что касается рядовых болгарских граждан, то для формирования их политических пристрастий стратегические программы, идеология, конечные цели, декларируемые различными партиями, движениями, коалициями и т.д. отнюдь не всегда имеют решающее значение, тем более, что противоборствующие стороны в своих лозунгах зачастую используют одну и ту же, во многом клишированную терминологию: "правовое государство", "гражданское общество", "благоденствие и процветание народа и государства" и т.п. Симпатии или антипатии сегодняшнего избирателя в немалой степени зависят от сиюминутного имиджа данного политического лидера и возглавляемой им организации, от наличия или отсутствия массовой веры в их способность эффективно, быстро и социально приемлемо решить наиболее острые текущие проблемы, от соотношения между словом и делом политиков, находящихся у власти. При этом общество нередко проявляет и "короткую память", и "социальное нетерпение", и другие подобные социально-политические феномены в самых различных сочетаниях. Оно становится с течением времени все более плохо восприимчивым к ссылкам (оправданиям) на тяжелое наследие, доставшееся от предшествующих режимов и правительств, к призывам типа "необходимо потерпеть" и т.д.

Разумеется, не способствуют укреплению политической стабильности имеющие место и становящиеся достоянием гласности противоречия, трения во взаимоотношениях между высшими властными структурами – парламентом, президентом и правительством, так и внутри этих структур. В принципе в этом нет ничего экстраординарного – в условиях плюралистической демократии отдельные лидеры различной политической ориентации вполне естественно могут иметь и выражать

собственное, не совпадающее с другими видение проблем, которые тем не менее необходимо решать совместными усилиями. Но нередко эти различия в ущерб здравому прагматизму излишне политизируются, идеологизируются, односторонне (но по-разному) интерпретируются средствами массовой информации, что затрудняет поиск оптимальных решений и в конечном счете отрицательно воздействует на эффективность деятельности этих структур, подрывает их авторитет, будоражит общественное мнение. Как следствие – возникновение новых факторов, усиливающих политическое противостояние, усугубляющих раскол общества. Данные явления в современной Болгарии можно отнести к разряду обычных.

Если судить о внутривнутриполитической обстановке по таким показателям, как стабильность персонального состава высших органов власти, реальная, по сравнению с нормативной, продолжительность сроков их функционирования, то и в этом отношении Болгария отнюдь не является примером "тихой гавани". Так, в период 1990–1994 гг. в стране трижды проводились выборы в высший законодательный орган – Народное собрание. Это означает, что по крайней мере первые два состава парламента досрочно сложили свои полномочия, а использует ли полностью свой мандат (согласно Конституции РБ – 4 года) нынешний депутатский корпус – вряд ли можно объективно и уверенно утверждать. По поводу жизнеспособности нового парламента звучат самые различные мнения, пророчества общественно-политических деятелей, публицистов, специалистов-политологов и т.д. Однако соотношение оптимизма и пессимизма во всех этих суждениях зависит не только от компетентности, но и от идейно-политической заангажированности их авторов.

Чуть ли не перманентный процесс кампаний парламентских выборов является, бесспорно, важной характеристикой политической жизни. Но, думается, еще большего внимания заслуживает то обстоятельство, что каждый раз выборы влекли за собой серьезные принципиальные изменения в расстановке политических сил в Народном собрании, в других властных структурах. В данном случае необходимо помнить о той роли, широких функциях, которыми обладает Народное собрание в управлении страной, ибо по Конституции Болгария – парламентская

республика и данное положение Основного закона – отнюдь не декларация. К сказанному можно добавить, что в эти годы и состав местных органов представительной власти менялся в персональном и партийно-политическом отношении довольно существенно.

В целом итоги избирательных кампаний заметно трансформируют весь политический ландшафт. Они свидетельствуют о реальном повышении или, напротив, вынужденном отступлении различных политических сил и их лидеров, представляют большие шансы или же отодвигают на обочину тех или иных деятелей с их программами, амбициями и т.д. В этой связи один из важных вопросов заключается в том, надежно ли застрахованы победители от "головокружения от успехов", чтобы проводить трезвую, взвешенную политику, и способны ли неудачники извлечь необходимые уроки; смогут ли одни избежать стремления "добить" соперника, а другие – непременно и в первую очередь "отомстить обидчику", не проявляя особой разборчивости в выборе средств. Болгарский опыт показывает, что не всем, не всегда и не во всем это удается.

За указанный период трижды избирался и президент Болгарии (дважды эта процедура осуществлялась парламентом и один раз – путем всенародного голосования). Эти кампании также стимулировали оживление политической жизни в самых различных, включая и неприглядные, ее проявлениях: массовые альтернативные митинги и другие подобные акции, публичные дебаты, "война" в средствах массовой информации, формирование блоков и расколы, взаимные обвинения и подчеркивание чужих грехов, в том числе и с помощью исторических экскурсов и "вынесения сора", "разгребания грязи", закулисные соглашения и др.

Еще большей динамикой отличались подвиги в верхнем эшелоне исполнительной власти. В названные годы в стране сменилось пять правительственных кабинетов, причем если говорить о их партийно-политической опоре, то амплитуда этих подвижек была впечатляющей. Отдельные кабинеты возглавляли и социалисты, и радикальные либерал-демократы (из СДС); были кабинеты и коалиционный, и надпартийный, и служебный. Наконец, в январе 1995 г. правительство вновь возглавили социалисты, включив в его состав представителей своих нынеш-

них союзников и беспартийных. Указанная чередой сменяющихся друг друга кабинетов также свидетельствует о подъеме или снижении влияния различных политических сил.

Процесс перемен не обошел, естественно, стороной и многие политические партии, движения и т.д., он коснулся и персонального состава их руководства, и определенных программно-целевых установок. В частности, в БКП (затем – БСП), СДС и ряде других организаций появились новые лидеры. В основе этого процесса лежат как объективные, так и субъективные причины. Не все политические деятели, даже стоявшие у истоков демократических преобразований в стране, оказались готовыми к испытаниям переходного периода, к тем разнообразным и глубоким коллизиям, которые сопутствуют ломке старых общественно-политических и социально-экономических структур. Некоторые переоценили свои возможности и способности, другие довольно скоро убедились в несовпадении своих замыслов, прогнозов с реальной направленностью и динамикой перемен в важнейших сферах жизни общества. В итоге в течение сравнительно короткого срока ряд лидеров "первого демократического призыва" как бы отошел в тень, уступив дорогу молодым, более энергичным и "современным". Разумеется, не все "старики" пошли на это добровольно, равно как не всегда амбиции молодых реализовывались на основе "всеобщего удовлетворения". Имели место и трудно достигаемые компромиссы, и личностные конфликты, и размежевания по линии "догматики", "консерваторы", с одной стороны, и "реформаторы", "новаторы" (они же, по терминологии оппонентов – "отступники", "перебежчики") – с другой. Эти и им подобные характеристики, высказываемые, может быть, в более мягкой форме, не всегда являются "сотрясением воздуха", выражением полемического запала или митинговых страстей, но в ряде случаев выглядят вполне обоснованными; одновременно они свидетельствуют и об определенных чертах политической культуры.

Иными словами, в современной политической жизни Болгарии можно найти немало примеров, когда вчерашние союзники, единомышленники (будь то отдельные деятели, или же целые организации) превращаются в соперников, причем иногда использующих в борьбе между собой не только "джентельменские способы". Это можно наблюдать и

среди тех, кто уже находится (или находился) у власти, и тех, кто стремится "войти" в нее. Такие явления в большей или меньшей степени присущи и другим посткоммунистическим странам и, очевидно, они неизбежны, особенно в период глубокого общественного перелома. Но вместе с тем они в известной мере оправдывают те нелестные характеристики, которыми определенная часть общества "награждает" политику как сферу человеческой деятельности. Однако, с другой стороны, отмеченные явления – это лишь одна и далеко не самая главная сторона сложного процесса формирования новой политической элиты – важного элемента общественной структуры.

Комплекс разнообразных, сложных и противоречивых проблем, создает и подпитывает почву и для парламентских и правительственных кризисов, разногласий между ветвями власти, и для возникновения новых политических формирований, противоборства или сотрудничества между ними, выдвижения множества альтернативных программ, проектов, рецептов по преодолению кризисных явлений в обществе и т.д. Все это составляет как бы внешнюю оболочку радикальных качественных изменений общественной системы в целом, их отражение в различных формах политической борьбы.

Разумеется, социально-политические процессы оказывают неоднозначное воздействие на жизнь современного болгарского общества, отдельных его отрядов. Соответственно и результаты этих процессов воспринимаются и оцениваются по-разному, нередко – с противоположным знаком. Это зависит не только от степени доступности материальных и иных жизненно важных благ, хотя для большинства населения этот фактор является определяющим. Вместе с тем для значительной части граждан, особенно общественно активных, немалую роль играют здесь собственные идейные воззрения, принадлежность (пусть лишь только духовная) к правящим или оппозиционным кругам и т.п., что и определяет их отношение к данной политике и конкретным политикам. Конечно, многие из этих оценок независимо от обуславливающих их факторов весьма субъективны и далеко не всегда справедливы, хотя они могут выражаться не только "рядовым обывателем", но и профессиональным политиком. Но это также является одной из черт политической жизни и борьбы.

Опыт Болгарии подтверждает наличие неразрывного диалектического, пусть и не всегда непосредственного взаимодействия и взаимовлияния между различными сферами общественной жизни, как и их относительную самостоятельность. Это, естественно, касается и политики, ее различных организационных форм – партий, движений и др. Оптимальный вариант – это не только поступательное и однонаправленное, но и синхронное развитие всех общественных сфер, но на практике такое встречается нечасто, а на переходных этапах (каковой переживает сегодня Болгария) вообще вряд ли достижимо. Какие-то процессы протекают более динамично, где-то наблюдается отставание, застой. Различие в темпах во многом обусловлено спецификой отдельных сфер, но если оно выходит за допустимые рамки, то, как опять-таки показывает болгарский пример, создается почва для обострения общественных противоречий и конфликтов, которые могут неблагоприятно отразиться не только на отстающих, консервативных, но и сравнительно благополучных, в смысле динамизма, сферах (к числу последних относится политика).

Нынешний политический спектр Болгарии – продукт посттоталитарного развития страны со всеми его плюсами и минусами. Вместе с тем он не только отражает состояние общества в данный отрезок времени, но и позволяет судить об его возможных перспективах, существующих здесь альтернативных вариантах. С этой точки зрения представляется обоснованным интерес к ретроспективному освещению вопросов формирования названного спектра, его прямых и обратных, непосредственных и косвенных связей с другими сферами общественной жизни, что позволит полнее и объективнее оценить его созидательный и разрушительный потенциал.

* * *

При всей противоречивости общественных процессов, протекавших в Болгарии в первой половине 90-х годов, и неоднозначности их прак-

тических результатов к наиболее значимым позитивным переменам следует, бесспорно, отнести формирование каркаса демократической политической системы, возникновение и укрепление неотъемлемых атрибутов демократии: многопартийность, свободная пресса, независимые общественные организации и др. В этом смысле даже такие явления, как досрочные парламентские выборы, отставка правительства и т.п., которые в определенных аспектах вполне справедливо можно расценивать как негативные, все же в первую очередь свидетельствуют о наличии реальной, а не фиктивной политической демократии. При желании применительно к последней можно назвать немало сопутствующих ей отрицательных явлений: например, не секрет, что в политику, помимо прочих, пошли и амбициозные, но некомпетентные, и даже нечистоплотные в морально-нравственном плане люди; отдельные деятели, организации, часть голосов избирателей продаются и покупаются; печатные издания свободны в смысле отсутствия политической цензуры, но они или являются органом какой-то организации или, не приспособившись к рыночным условиям, ищут спонсоров, т.е. почти всегда присутствует тот, кто "заказывает музыку", что соответствующим образом отражается на качестве, объективности публикуемой информации.

Перечень подобных примеров можно продолжить. Они нередко указывают на действительно существующие теневые стороны процесса демократизации. Но они в значительной мере порождены преходящими причинами, и вопрос заключается в сроках и методах их устранения. Например, возможности, предоставляемые демократическими преобразованиями в различных сферах человеческой деятельности, не всегда очерчены достаточно четкими и строгими юридическими рамками, а уже существующая правовая база не работает должным образом. Для многих граждан, и не только для "рядовых обывателей" демократия еще не ассоциируется с законностью, а для некоторых она вообще стала едва ли ни синонимом вседозволенности. К сожалению, определенная часть власть предержащих, громкогласно вещающих о своей приверженности демократии, правовому государству, отнюдь не является образцом законопослушания.

Иногда к демократии предъявляют явно завышенные, можно сказать, идеализированные требования, не сообразованные с очевидным фактом, что декларируемая демократия неизбежно и весьма существенно отличается от реальной, и это отличие тем более велико, если последняя находится на начальной стадии своего становления. К тому же даже самая развитая демократия (в том виде, в каком она сегодня функционирует в традиционно демократических государствах) отнюдь не является панацеей от всех недугов общества. Более того, по сравнению с другими типами общественного устройства она более отчетливо обнажает многие из этих недугов, тем самым вольно или невольно, как бы проецируя их на себя, придавая им (в глазах некоторых) признаки своей имманентной сущности.

Следует отметить и другое. В Болгарии, как и в ряде других пост-тоталитарных государств, демократия унаследовала немало негативного, проявляющего высокую живучесть. Но списывать весь "негатив" только или в основном на коммуно-тоталитаризм (а такие попытки имеют место) означает возврат к известному тезису о "родимых пятнах", служащему маской бездеятельности, непрофессионализма, коррумпированности представителей нынешних властей. Не секрет, что в сегодняшних условиях ряд негативных явлений в чем-то подпитывается, принимает более гибкие, современные формы, а в чем-то и усиливается (например, отмывание "грязных денег", отдельные виды преступности, включая организованную, и др.)⁸.

Сказанное выше – далеко не полный реестр издержек, нежелательных побочных явлений демократических преобразований. И все же, вопреки всему, можно утверждать, что демократия как форма общественно-политических отношений в Болгарии состоялась, и ее качественные преимущества перед тоталитарными формами вряд ли нуждаются в доказательствах. Вместе с тем радикальным сдвигам в политической сфере, в деле предоставления гражданам свободы выбора, волеизъявления не сопутствовали адекватные, с точки зрения глубины, масштабности и позитивной результативности, перемены в социально-экономической сфере: прежде всего создание реальных предпосылок и возможностей, позволяющих обеспечить нормальные (в социально-бытовом смысле) условия жизни большей части населения.

Болгарские и зарубежные политики, теоретики и практики в области экономики и финансов неоднократно отмечали запоздалость старта хозяйственных преобразований в стране, их медленные темпы, непоследовательность осуществления или ошибочность избранной стратегии и др.⁹ При всем разбросе высказываемых здесь конкретных оценок, расстановке акцентов часто прямо или косвенно выражалось мнение, что экономическая реформа стала заложницей политического противостояния, в результате чего она оказалась как бы отодвинутой на второй план, до нее просто "не доходили руки".

С одной стороны, ни одна сколько-нибудь влиятельная общественно-политическая сила, будь она правой, левой или центристской ориентации, правящей или оппозиционной, не отрицает необходимости реформирования экономики. Все правительства, сменившие друг друга за последнее пятилетие, неизменно подчеркивали свою приверженность рынку, приватизации как важнейшим условиям вывода страны из социально-экономического кризиса. Конечно, у них были серьезные различия относительно приоритетов и темпов реформ, методов их осуществления и др. Но, не вдаваясь в оценку плюсов и минусов разных подходов (они отличались, в частности, соотношением в них либерального и социального), следует отметить, что ни одному из правительств в силу различных причин не удалось реализовать своих замыслов. Это было невозможно просто физически ввиду кратких сроков пребывания каждого из них у власти. Кроме того, много времени и сил отнимала борьба с политическими оппонентами в парламенте и вне его, улаживание внутренних разногласий, попытки найти компромисс между идейно-политическими платформами представляемых партий и движений, предвыборными обещаниями, с одной стороны, и необходимостью проведения непопулярных, отталкивающих электорат мер – с другой. Порой эти задачи оказывались неразрешимыми, что обуславливало правительственные кризисы. Борьба между парламентскими фракциями и внутри их тормозила разработку законодательных актов, необходимых для проведения реформ.

Таким образом, общественно-политический ландшафт посттоталитарной Болгарии, современное состояние ее политического спектра складывались в обстановке непрекращающейся борьбы различных сил

и углубляющегося социально-экономического кризиса. Борьба эта с большей или меньшей интенсивностью развернулась на всех уровнях — в столице и в провинции, в верхних эшелонах власти и в низовых управленческих звеньях, втягивая широкие массы населения, принимая различные формы (к счастью, исключая вооруженные столкновения).

В ходе этой борьбы одни политические силы на какой-то момент одерживали верх, иногда впадая при этом в преждевременную эйфорию, другие отступали, стараясь быстрее перегруппировать свои ряды, привлечь новых союзников и т.д., дабы подготовиться к "новым боям". Одним из главных ее средств была фронтальная, острая, в ряде случаев — довольно некорректная критика соперника, стремление к его максимально возможной дискредитации. Весьма примечательно при этом, что данная борьба пока ни разу не дала какой-то одной из основных противоборствующих сил подавляющего превосходства, чтобы вытеснить противника на обочину политической жизни, хотя подобные планы, явно или завуалированно, вынашивались. Отсутствие очевидного "гегемона" — одна из специфических черт общественно-политических процессов в Болгарии в последние годы.

Нельзя сказать, что противоборствующие стороны полностью исключили из своих взаимоотношений "мирные средства" и не предпринимали попыток о чем-то договориться, придти к какому-то соглашению. Каждый лагерь нуждался в "неэкстремистском" имидже, должен был периодически демонстрировать свою склонность к конструктивному диалогу и при случае подчеркнуть отсутствие таковой у соперника. Кроме того, здесь преследовались самые различные, с учетом ситуации, тактические и стратегические соображения, в том числе желание лучше узнать сильные и слабые стороны оппонента, добиться от него определенных уступок и т.п.

В первой половине 90-х годов были предприняты практические шаги и достигнуты определенные договоренности в рамках переговоров различных политических сил, о чем подробнее будет сказано ниже. Главными действующими лицами этих мероприятий были БСП и СДС, хотя круг участников мог быть и шире. Конкретные результаты этих переговоров расценивались их участниками, общественностью по-разному. Уступки одной стороны рассматривались и как демонстрация

доброй воли, стремление достичь компромисса во имя гражданского мира, и как вынужденный шаг, проявление, по мнению некоторых, недопустимой слабости; другая сторона, добившаяся уступок, видела в этом подтверждение правильности своей линии, эффективности тактики давления и т.д.

Расстановка политических сил, степень их влияния в каждый отдельный отрезок времени наиболее отчетливо прослеживаются по результатам парламентских выборов, если они, разумеется, действительно являются свободными и демократическими. Поскольку в Болгарии такие выборы, как уже отмечалось, проводились трижды, они могут служить своеобразными вехами, обозначающими специфические этапы сложных процессов общественно-политической жизни страны в рассматриваемый период. Конечно, не только избирательные кампании составляют содержание этих процессов – оно гораздо богаче и включает в себя самые различные явления, события, которые приближают или отдаляют отдельные политические силы от их главной цели – завоевания или сохранения власти.

Для Болгарской компартии в конце 1989 г. самой актуальной стала задача убедить общество в своей способности и в искренности намерений порвать с тоталитарным прошлым, обеспечить демократическое развитие страны и выход из социально-экономического кризиса. Известно, что после свержения режима Т. Живкова (ноябрь 1989 г.), осуществленного путем вершущего переворота, БКП определенное время оставалась субъектом власти (конечно, о прежнем всевластии речь не шла). Но она сразу же столкнулась с качественно новой ситуацией. Во-первых, в течение короткого времени в стране возникла организованная антикоммунистическая оппозиция, ядром которой стал СДС – коалиционный блок примерно полутора десятка различных организаций; всего же к концу 1989 г. было зарегистрировано свыше 80 партий, движений и др., в подавляющем большинстве – антикоммунистической ориентации. Во-вторых, БКП лишилась практически всех своих союзников. Функционировавшие при тоталитарном режиме в качестве младших партнеров, "приводных ремней", "резерва партии" и т.д. БЗНС, Отечественный фронт, профсоюзные, молодежные и другие организации в новых условиях не замедлили заявить о своей независимости, дистанцироваться от БКП.

Буквально в считанные месяцы серьезные качественные перемены произошли в самой правящей партии. Сначала явочным порядком, а затем и на "законных основаниях" в БКП стали оформляться различные внутрипартийные платформы, течения, фракции. На XIV (внеочередном) съезде партии (январь – февраль 1990 г.) в новом уставе был зафиксирован отказ от принципа "демократического централизма" (заменен на более мягкий, аморфный принцип "демократического единства"). В принятом съездом "Манифесте" была провозглашена задача обновления партии на базе ценностей демократического социализма. Будущее общественное устройство виделось в обеспечении политического плюрализма и парламентской демократии, создании правового государства, формировании социально ориентированной рыночной экономики и т.д.¹⁰. Вскоре по результатам общепартийного референдума в названии партии определение "коммунистическая" было заменено на "социалистическая". Была даже введена новая нумерация партийных съездов – за точку отсчета был взят I съезд болгарских социал-демократов в 1891 г.; таким образом за XIV съездом БКП последовал XXXIX съезд БСП (сентябрь 1990 г.), который подтвердил намерение превратить партию в органическую часть прогрессивного мирового и европейского левого движения, подчеркнул, что Болгария не сможет идти в ногу со временем, если в стране не будет сильной партии, выражающей ценности демократического социализма – мир, свобода, демократия, справедливость и солидарность между людьми, общественными группами и народами (по существу в данном случае были изложены ценности, исповедуемые Социнтерном, стремление вступить в который декларировала БСП). Принципиально важным было заявление съезда об объективной необходимости оппозиции, ибо без нее невозможны демократия, переход от тоталитаризма к подлинному парламентаризму¹¹.

Формально взгляды БСП относительно будущего общественно-государственного устройства во многом совпадали с лозунгами оппозиции. Например, СДС также выступал за многопартийную систему, гражданское общество, правовое государство. Различия, однако, были более существенными, глубокими и касались, в частности, путей и средств реализации указанных целей. СДС с самого начала рассматривал себя как всенародное антикоммунистическое движение, задачей

которого являлась ликвидация "деспотической власти коммунистической партии". Перспектива демократического социализма расценивалась Союзом как утопия, как новая попытка опять втянуть общество в социальный эксперимент вместо искусственно прерванного цивилизационного процесса и приобщения к мировому прогрессу¹². Предложение войти в коалиционное правительство еще до проведения новых парламентских выборов было СДС отвергнуто.

Будучи в то время внепарламентской оппозицией и не обладая рычагами власти, СДС для оказания давления на последнюю достаточно эффективно применял массовые "уличные" формы борьбы (демонстрации, митинги), на которых, в частности, использовались лозунги типа "БКП – мафия, убийцы!", раздавались требования суда над компартией, объявления ее преступной организацией (позднее подобные требования были перенесены и на БСП).

Вместе с тем СДС получил и другую, весьма существенную возможность воздействовать на власть, в том числе на принятие законодательных решений. По инициативе Союза, поддержанной реформаторскими силами внутри БКП, в январе – марте 1990 г. был проведен национальный круглый стол (НКС) по обсуждению важнейших социально-экономических и политических проблем. Его основными участниками были парламентские партии (БКП и БЗНС) и СДС, к которым затем присоединились профсоюзные, женские и молодежные организации. Принципиальное значение имел вопрос о статусе НКС, рамках его полномочий. В итоге он превратился (и в этом – несомненный успех оппозиции) в некий надпарламентский орган, решения и рекомендации которого ложились в основу законотворческой деятельности Народного собрания. На НКС достигли договоренностей по основным положениям Конституции и др., что и было зафиксировано в соответствующих нормативных актах. Можно сказать, что работа НКС, ее результаты положили начало дележу власти между правящей партией и оппозицией еще в условиях функционирования старой управленческой системы. Уже тогда оппозиция в лице СДС уверенно заявила о себе как о весомой политической силе, с которой власти вынуждены были считаться.

Особое место в политическом спектре Болгарии заняло Движение за права и свободы (ДПС) – организация, возникшая в начале 1990 г. и выражающая интересы местных турок и мусульман, доля которых в

населении страны составляет около 10%¹³. Специфика социальной базы ДПС обусловила его в известной мере двойственное, щекотливое положение на политической арене, отношение к нему общественного мнения, других организаций. Болгарское законодательство запрещает создание политических партий на этнической, расовой или религиозной основе; религиозные общности и институты, как и религиозные убеждения не могут использоваться для политических целей; объединения граждан "не могут ставить перед собой политических целей и осуществлять политическую деятельность, присущую только политическим партиям"¹⁴. Таким образом, для полноценного и самостоятельного (вне каких-либо блоков, коалиций) участия в практической политической деятельности, в формировании властных структур организации необходимо обретение статуса политической партии. В качестве таковой ДПС дважды (в 1990 и 1991 гг.) добивалось временной регистрации; в апреле 1992 г. оно было признано Конституционным судом легитимной партией.

Естественно, лидеры Движения отрицают его одностороннюю этно-религиозную ориентацию, высказываются за равноправие всех граждан, конфессий, против национализма, шовинизма. При этом, однако, общеизвестны взаимные, подтверждаемые различными способами симпатии между Турцией и ДПС, приверженность руководства последнего турецкой модели развития.

Немалая часть болгарской общественности отрицательно относится к деятельности ДПС; сам факт его регистрации вызвал протест со стороны ряда организаций, политических деятелей, включая депутатов парламента¹⁵. Бесспорно, в данном случае играет роль историческая память, формирующая специфическое отношение многих болгарских граждан к проникновению и присутствию в жизни страны "турецкого элемента", проводником которого и видится ДПС. В определенных патриотических кругах выражается мнение, что и сегодня продолжается "отуречивание" Болгарии, ее населения и в этом заключается самая большая опасность для страны. Высказывались и такие откровенно резкие суждения, согласно которым "...ДПС не является лояльной организацией по отношению к болгарскому государству. Это — новая протурецкая организация, которая является ставленником Анкары и защищает чуждые для нашей страны интересы"¹⁶.

Однако определенный настрой общественного мнения, все сложности и перипетии общественно-политической жизни не помешали ДПС превратиться в начале 90-х годов в третью по значению политическую силу в Болгарии. Руководство Движения неоднократно подчеркивало свои антикоммунистические взгляды. Но парадоксы практической политики таковы, что в некоторых случаях, с учетом конъюнктуры и преследуя конкретные цели, ДПС выступало "в одной упряжке" с БСП, против СДС. Претендуя на роль организации центристского толка, ДПС вместе с тем считает, по словам его лидера А. Догана, что и левое политическое пространство нельзя оставить БСП¹⁷.

По договоренности между участниками НКС на июнь 1990 г. были назначены выборы в Великое народное собрание (ВНС) – так, согласно болгарской традиции, называется высший представительный законодательный орган, главной задачей которого является принятие Конституции страны. Подготовка к выборам обострила политическую борьбу, поляризацию общества. БСП строила избирательную кампанию в расчете на свою, хотя и убывающую массовость, на сохранившиеся организационные партийные структуры и достаточно прочные позиции в центральных и местных органах власти, на определенный ореол инициатора разрушения тоталитарного режима. Она призывала к взаимодействию, в том числе и в послевыборный период, всех заинтересованных в строительстве демократического социального государства, выдвинув не отягощенный идеологическими и классовыми признаками лозунг "Болгария превыше всего!"

Избирательная кампания СДС характеризовалась прежде всего глобальным отрицанием социалистического прошлого, резкой критикой деятельности БКП как правящей партии, принципиальным отказом от какого-либо сотрудничества с БСП.

Результаты социологических исследований, проводившихся незадолго до выборов, прогнозы некоторых политологов предсказывали победу БСП. Однако лидеры СДС были настроены весьма оптимистично, если не сказать – излишне самоуверенно¹⁸. Но повышенная эмоциональная агрессивность, сочетаемая с примитивным антикоммунизмом, оттолкнула, по-видимому, от Союза часть избирателей и вместе с тем стимулировала сплочение сторонников социалистов.

В выборах приняли участие 40 политических партий, объединений, движений, из них 16 – в едином блоке СДС. На 400 депутатских мандатов претендовали 3090 кандидатов. Места в ВНС распределились следующим образом: БСП – 211; СДС – 144; ДПС – 23; БЗНС – 16; по 2 мандата получили Отечественный союз и независимые кандидаты, по 1 – Отечественная партия труда и Социал-демократическая партия (немарксисты)¹⁹.

Результаты выборов породили множество неоднозначных оценок, прогнозов. Победа БСП выглядела, с одной стороны, вполне убедительной, но до квалифицированного большинства (267 депутатов), необходимого для проведения своих решений по конституционным и некоторым другим принципиальным вопросам, полученных мандатов явно недоставало. Выборы подтвердили широкое распространение среди населения левых, социалистических идей, но одновременно продемонстрировали наметившийся раскол избирателей на "городских" и "сельских". Именно последние во многом обеспечили успех БСП, в то время как в большинстве крупных индустриальных и культурных центров она проиграла оппозиции.

Для многих лидеров СДС итоги выборов стали неожиданным и чувствительным ударом. Но вместе с тем Союз приобрел новое качество превратившись из внепарламентской в парламентскую оппозицию, уверенно обеспечил свою легитимность как влиятельной, второй по значению политической силы страны. Успешным было участие в выборах ДПС, руководство которого исключило, по крайней мере в тот момент, вступление в парламентскую коалицию с БСП. Лидер БЗНС В. Вылков заявил, что из неудачи его партии, которая намерена придерживаться центристских позиций, не следует делать трагедии.

Итак, по итогам первых после более чем сорокалетнего перерыва свободных демократических выборов БСП осталась правящей партией – такого ни в одной другой восточноевропейской стране не наблюдалось. Однако, как показал дальнейший ход событий, БСП не смогла извлечь из своей победы особых преимуществ, а, напротив, стала утрачивать политическую инициативу, влияние в управленческих структурах, авторитет в обществе. Серьезным ударом по позиции и престижу БСП явилось избрание парламентом в августе 1990 г. на пост президента страны лидера СДС Ж. Желева. Голосование депутатов-социалистов за

кандидатуру своего главного политического соперника встретило негативную реакцию у многих членов БСП, у граждан, поддержавших ее на выборах, у некоторых членов партийного руководства. Объяснения подобному "казусу", согласно которому парламентская группа БСП руководствовалась "чувством ответственности перед нацией", намерением партии подтвердить "свой окончательный отказ как от юридической, так и от фактической монополии на власть", стремлением придать новый импульс процессу упрочения гражданского мира и согласия, были довольно расплывчаты и далеко не всех удовлетворили, тем более, что к тому времени партия никакой – ни юридической, ни фактической – монополией на власть уже не обладала, а "новый импульс" также вряд ли состоялся. Достаточно распространенным было мнение, что СДС и БСП договорились о применении формулы "ваш президент" – "наш премьер-министр", которая, однако, по ряду причин не оказалась долговечной. Позднее один из лидеров БСП А. Луканов признал, что в 1990 г. имел место "торг" с Ж. Желевым, который в случае избрания его президентом обязался с уважением относиться к своим политическим противникам²⁰.

Между тем противоборство между социалистами и оппозицией не слабело. Руководство БСП считало, что ввиду огромных трудностей, которые переживала страна, необходимости проведения небывалых по масштабам политических и хозяйственных реформ, Болгария нуждается в коалиционном многопартийном правительстве, опирающемся на парламентский консенсус и широкую общественную поддержку. Однако СДС заявил о нежелании участвовать в какой-либо форме в коалиции с БСП²¹.

Впоследствии СДС не без воздействия президента Ж. Желева* несколько смягчил свою позицию, согласившись участвовать совместно с другими парламентскими группами в разработке правительственной программы и войти в состав кабинета при следующих условиях: программа должна базироваться на платформе Союза; его представители – доминировать в правительстве, в которое при этом не могут

*Ж. Желев после избрания его президентом оставил пост лидера СДС, но не изменил его программно-целевым установкам, своим антикоммунистическим убеждениям.

включаться лица, занимавшие посты в партийно-государственных структурах до ноября 1989 г. Выдвижение подобных требований в отношении правящей партии было по меньшей мере некорректным; к тому же последнее из них непосредственно относилось к премьер-министру А. Луканову, которому было поручено президентом формирование правительства. Принятие указанных условий означало бы для БСП капитуляцию. Тем самым вопрос о коалиционном правительстве зашел в тупик.

Кабинет министров, сформированный А. Лукановым, представил программу, на авторство которой, по замечанию премьера, не могли претендовать ни СДС, ни БСП, ни кто-либо другой, ибо в ней содержались "универсальные рецепты по переходу к рыночной экономике"²². Следует подчеркнуть, что данная программа получила положительную оценку как болгарских (включая сторонников СДС), так и зарубежных специалистов, в том числе экспертов из США и МВФ²³. Однако и в этот момент борьба оппозиции с БСП не ограничивалась только правительственной программой, а по-прежнему велась "по всему полю", охватывая не только социально-экономическое, но и политическое, и идеологическое пространство. Председатель парламентской фракции СДС П. Берон заявил, например, что БСП вообще не имеет права возглавлять процесс реформ. В политической декларации этой фракции говорилось: БСП должна признать, что она "единственно ответственна за катастрофическое экономическое положение страны", и принять "всю историческую вину за нынешнее экономическое состояние"; в течение краткого срока должны быть предприняты меры по выявлению персональной вины с представлением необходимых документов соответствующим органам и т.д.²⁴

В ответной декларации парламентской группы социалистов указывалось на стремление СДС устранить БСП из политической жизни не посредством демократических выборов, а путем осуждения всей партии; в политике Союза отмечалась тенденция блокировать или откладывать решение экономических проблем выдвижением различных политических условий; констатировалось, что не правительственная программа сама по себе смущает СДС, а тот факт, что ее будет осуществ-

влять социалистическое правительство. При этом говорилось о заинтересованности БСП в безотлагательном решении вопроса об ответственности и виновниках за социально-экономический и нравственный кризис в стране, о политической ответственности партии за состояние общества, но категорически возражалось против того, чтобы вина конкретных лиц была перенесена на всю партию²⁵.

Что касается позиции БЗНС, то и он высказался за правительство, опирающееся на самую широкую политическую базу, но при доминировании в его составе оппозиционных сил. По мнению аграриев, социалистическое правительство не пользуется доверием, не контролирует общественные процессы и не в состоянии предпринять решительные меры по демонтажу тоталитарной системы²⁶.

В условиях, когда на первый план вышел вопрос, какая политическая сила должна и способна возглавить процесс преобразований общества, своеобразную позицию занял президент Ж. Желев. Он считал, что страна вступила в такой период, когда "одноцветное" правительство, кто бы его ни сформировал – БСП или СДС – не сможет овладеть ситуацией; страна нуждается в сильном правительстве, поддерживаемым парламентом; таковым может стать так называемое "программное правительство", которое возьмет обязательство осуществить основные экономические и политические реформы в течение определенного времени; данное правительство может быть коалиционным, но доминировать в нем должна БСП. Обосновывая свою точку зрения, президент заявил, что если бы оппозиция "была чуть умнее", она согласилась бы с вариантом правительства, в котором доминируют социалисты. В этом случае восторжествовала бы историческая справедливость, ибо, в конце концов, в нынешнем своем состоянии страна оказалась по вине БСП, и пусть его последствия преодолевает ее правительство. Если же СДС попытается создать сейчас свое правительство, то оно будет сметено, а БСП займет удобную нишу оппозиции²⁷. Таким образом, излагая свою оценку ситуации, президент достаточно ясно выразил сожаление по поводу некоторой недалекновидности, излишней прямолинейности оппозиционных сил.

Таким образом, первые свободные выборы в посттоталитарной Болгарии не только не ослабили политическую конфронтацию, но и при-

дали ей новый импульс, вынеся ее на парламентскую трибуну. Во второй половине 1990 г. борьба вокруг состава правительства и его программы стала для оппозиции "направлением главного удара", а для социалистов – "основной линией обороны". Деятельность ВНС, хотя и протекала весьма бурно, но во многом была лишена конструктивного содержания, заполняясь бесплодными дебатами, взаимными обвинениями и т.п. Вновь оживились "уличные" формы борьбы, инициированные оппозицией. И в парламенте, и на митингах лидеры СДС заявляли о своей готовности взять власть. Против социалистов выступили ведущие профсоюзные объединения страны. Конфедерация труда "Подкрепа" призвала ко всеобщей стачке с требованием отставки правительства, а Конфедерация независимых синдикатов начала собирать подписи о вотуме общественного недоверия ВНС²⁸.

Взросшая активность оппозиции опиралась на изменения в общественном настроении, на падение авторитета БСП в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса. Так, по данным социологических исследований, если бы новые парламентские выборы состоялись в октябре – ноябре 1990 г., то социалистам отдали бы голоса около 31% избирателей (против 47,2%, полученных БСП в июне)²⁹. Соответственно возросло влияние оппозиции, и ее, разумеется, не устранивало существующее соотношение сил в парламенте, которое уже не отражало политических симпатий населения.

Президент Ж. Желев оценил обстановку в стране как взрывоопасную и призвал руководство СДС и БСП подняться над ускопартийными интересами и приступить к поиску компромисса. По инициативе президента состоялись политические консультации, на которых было достигнуто соглашение о формировании правительства на коалиционной основе; соответственно, кабинет А. Луканова подал в отставку. Многие, в том числе и западные корреспонденты, связывали падение социалистического правительства с внепарламентским нажимом. Сам А. Луканов объяснял свою отставку отсутствием достаточной поддержки парламентом и обществом хозяйственной реформы, соглашением о создании коалиционного правительства, отметив, что он всегда был сторонником идеи многопартийного кабинета. Он заявил также, что со времени парламентских выборов страна находилась в перманентном политиче-

ском кризисе, что парализовало возможность конструктивных действий власти на всех уровнях³⁰.

Думается, однако, что отставка социалистического правительства – это лишь частный, хотя и весьма значимый случай в общем процессе снижения влияния БСП. Глубинной причиной этого являлось, по крайней мере в то время, отсутствие опыта, неготовность левой партии осуществлять "правую" политику (приватизацию, переход к рынку), а также практическая невозможность преодолеть противоречия между социалистической партийной программой, предвыборной платформой и необходимостью предпринимать жесткие социально-экономические меры. Может быть, именно это и побудило в первую очередь социалистов не удерживать высшую исполнительную власть, а разделить ответственность за ее деятельность с другими политическими силами.

В коалиционном правительстве, которое возглавил беспартийный профессор Д. Попов, ключевые министерские портфели были поделены между социалистами и оппозицией. Однако СДС достались экономические министерства, что позволило начать в стране хозяйственную реформу в "шоко-монетарном" варианте. Его последствия (падение жизненного уровня значительной части населения) были известны по опыту других государств, и, вероятно, у БСП в данном случае имелся определенный резон передать дело осуществления реформ своим оппонентам.

Успешное оттеснение социалистов от власти выявило, помимо всего прочего, и существенные расхождения между организациями, входящими в СДС. Антикоммунизм, отрицание прошлого и т.п. в новой политической ситуации утрачивали прежнюю объединительную силу; все очевиднее становилась высокая социальная цена реформ, что также вызывало разногласия между членами Союза. Так, профсоюз "Подкрепа" обвинил правительство в неудовлетворительном решении вопросов борьбы с растущей безработицей, социальной защиты населения.

Солидные тредины обнаружались и в парламентской фракции СДС, что особенно проявилось в ходе работы над новой Конституцией. Всего в ВНС поступило 16 конституционных проектов, причем некоторые из

них представили отдельные партии, входящие в СДС. Вместе с тем около 40 депутатов от СДС и 23 – от ДПС бойкотировали обсуждение Конституции, считая, что ее невозможно принимать в парламенте, где большинство принадлежит экс-коммунистам; поэтому ВНС должно самораспуститься, после чего следует провести новые выборы. Руководящий орган СДС – Национальный координационный совет (НКС), в котором большое влияние имели деятели радикального толка, поддержал бойкот. Однако входящие в Союз более умеренные организации – Болгарская социал-демократическая партия (БСП), БЗНС "Никола Петков" и некоторые другие осудили подобную акцию, проявив тем самым определенную готовность вести самостоятельную, отличную от СДС, линию.

Принятая в июле 1991 г. новая Конституция РБ не могла, конечно, полностью удовлетворить все стороны. Так, БСП не удалось провести формулировку, определяющую Болгарию как "социальное" государство; СДС было недовольно ограниченными полномочиями президента. Тем не менее Великое народное собрание выполнило свое основное предназначение, и на осень 1991 г. были назначены парламентские и местные выборы.

Между тем внутренние противоречия в СДС обретали организационные формы. Образовался праворадикальный блок, основу которого составили Радикально-демократическая партия (РДП), Демократическая партия (ДП), Объединенный демократический центр (ОДЦ); этот блок вначале именовался СДС (движение). Вскоре оформился СДС-Центр, ядром которого стали БСП и БЗНС "Н. Петков". Наконец, была создана третья группировка – СДС-либералы, куда вошли партия "зеленых", федерация клубов за демократию и др. Разногласия между названными группировками касались широкого круга тактических и стратегических проблем: борьба и взаимодействие с другими политическими силами, выбор вариантов перехода к рыночной экономике, взаимоотношения внутри СДС и др. Так, СДС (ц) выступило против экстремизма и крайнего радикализма в политической жизни, за сотрудничество со всеми, кто последовательно отстаивает принципы свободы и демократии. СДС(д) высказалось за более тесное организационное сплочение Союза, превращение его в единое общенациональное дви-

жение, в то время как СДС(л) и СДС(ц) считали, что Союз должен остаться коалицией самостоятельных партий, каждая из которых сохраняет собственное лицо. По мере приближения выборов разногласия не только не утихли, но, напротив, подогреваемые растущими амбициями отдельных лидеров, привели к полному разрыву. Все три указанные группировки выступили на выборах с самостоятельными бюллетенями*.

Избирательная кампания внесла в политическую борьбу определенные нюансы, поставив на первый план выдвижение популярных, соответствующих моменту лозунгов, поиск союзников и т.п. Руководство СДС призывало к прекращению внутрисокзной борьбы, объединению усилий всех демократов против виновника "национальной катастрофы Болгарии – БКП/БСП"³¹. Интенсивная подготовка к выборам велась и на левом фланге. БСП стремилась обеспечить себе имидж обновленной, реформаторской партии, готовой к сотрудничеству со всеми силами, целью которых является достижение гражданского мира и национального единения, создание социальной рыночной экономики, борьба с беззаконием и спекуляцией, утверждение сильного местного самоуправления и т.п. БСП удалось создать довольно "пестрый" избирательный блок, куда вошли Отечественная партия труда, Болгарская либеральная партия, Христианское женское движение и др., которым лишь участие в едином избирательном списке с крупной влиятельной партией давало шанс попасть в парламент. Характерно, что в этот блок не вошли организации, расположенные в политическом спектре левее БСП. Среди них – Болгарская коммунистическая партия, Болгарская коммунистическая партия (марксисты), Болгарская рабоче-крестьянская партия и др. Все они в той или иной форме и степени обвиняли БСП в отступничестве от марксизма-ленинизма, от идеалов коммунизма, но и сблизиться в единый избирательный блок они также не смогли.

В парламентских выборах в октябре 1991 г. приняли участие 38 различных партий и коалиций, но только трем удалось получить депутатские мандаты. Из 240 мест в Народном собрании большинство до-

*Впоследствии наименование "Союз демократических сил" закрепилось за СДС-движением и необходимость добавления к названной аббревиатуре отпала.

стало СДС – 110. На втором месте оказался блок, возглавляемый БСП – 106 и на третьем ДПС – 24 мандата. Парламентская фракция СДС включала представителей 10 партий, движений, политических клубов, среди которых Радикально-демократическая партия получила 15 депутатских мандатов, Демократическая партия – 14, Объединенный демократический центр – 10 и т.д. Во второй по величине фракции, принявшей наименование Парламентский союз за социальную демократию, 93 депутата были членами БСП, 3 – членами Отечественной партии труда, 5 – беспартийные; по 1 мандату получили представители пяти других организаций.

Один из результатов выборов состоял в том, что вне парламента остались партии и движения, за которые в общей сложности проголосовали около 30% избирателей. Среди неудачников оказались БЗНС, получивший 3,7% голосов, БЗНС "Н. Петков" – 3,5%, СДС(ц), возглавляемый БСДП – 3,3%, СДС(л) – 2,85%. Из левокоммунистических организаций больше всех голосов (0,71%) получила новая БКП. Примечательно, что потерпели поражение аграрные партии и социал-демократы, которые относятся не к новым политическим формированиям, а имеют богатые исторические традиции. Подтвердилось также, что ни одна партия в отдельности не в состоянии одолеть БСП; для этого нужна мощная коалиция.

Естественно, главным итогом выборов явился успех СДС, что можно было оценить как завершение в Болгарии несколько затянувшейся "бархатной" революции. Некоторые авторы предполагают, что победа СДС была бы более внушительной, не окажись в его рядах раскольники. Для таких суждений есть определенные основания. Но, с другой стороны, было бы довольно наивно рассчитывать, что в формированиях, подобных СДС, включающих в себя партии и движения, сохраняющие организационную самостоятельность, имеющие свои программы, лидеров и т.п., можно длительное время обеспечивать единство. Кстати, БСП также не представляла собой некий монолит. Кроме того, по некоторым данным еще за два месяца до выборов рейтинг БСП по крайней мере был не ниже, чем у СДС, и социалисты вполне могли рассчитывать на успех. Но события в Москве в августе 1991 г. и замедленная и неадекватная реакция на них руководства БСП оттолкну-

ли от партии часть ее электората, прежде всего из кругов интеллигенции.

Успешными для СДС были президентские выборы в январе 1992 г. Его кандидат Ж. Желев получил около 53% голосов избирателей, а поддержанный БСП кандидат – примерно 47%. Но эта победа была достигнута во многом благодаря личной популярности Ж. Желева. Можно также добавить, что на местных выборах, проходивших одновременно с парламентскими, СДС значительно уступил БСП. В целом избирательные кампании 1991–1992 гг. подтвердили биполярную конфигурацию политического спектра в Болгарии, соответствующее состояние электората. СДС не удалось решить одну из главных стратегических задач – вытеснить БСП на периферию политической арены. Болгарские преемники бывшей правящей компартии не разделили судьбу своих собратьев из других стран Восточной Европы. Все это не предвещало прекращения в Болгарии политической конфронтации, в которой выступают соперники примерно равной "весовой категории" и ни один из них не имеет подавляющего преимущества.

СДС, хотя и победил на парламентских выборах, не получил абсолютного большинства. Тем не менее его руководство утверждало, что они пришли "всерьез и надолго". В окружении и среди почитателей лидера СДС Ф. Димитрова его стали называть "болгарский Кеннеди", который откроет для страны "политику новых рубежей". Однако на практике при сложившейся в парламенте расстановке сил вновь встал вопрос о коалиции. Еще до выборов СДС и ДПС исключили возможность сотрудничества с БСП. В итоге было сформировано "одноцветное" правительство СДС во главе с Ф. Димитровым, которое могло функционировать только опираясь на поддержку фракции ДПС.

Кабинет Ф. Димитрова находился у власти сравнительно недолго – около года. Его деятельность, в частности, характеризовалась резкой активизацией процесса декоммунизации. Были осуществлены масштабные кадровые чистки государственного и хозяйственного аппарата, других управленческих структур, удаление оттуда бывших партийных функционеров и сотрудников госбезопасности. В ноябре 1992 г. группа депутатов от СДС внесла в парламент законопроект о запрете БСП, который предусматривал роспуск всех партийных организаций

социалистов и конфискации их имущества. Однако к тому времени положение СДС в парламенте уже пошатнулось и названный проект не был принят.

Большую остроту приобрел вопрос о сотрудничестве общественных и политических деятелей с органами госбезопасности. Но здесь сыграл "закон бумеранга", ибо публичные обвинения в таком сотрудничестве прозвучали не только против крупных функционеров БСП, но и в отношении лидера ДПС А. Догана, патриарха Максима, главного муфтия Генджева, видного деятеля СДС Х. Сыбева и, наконец, самого Ф. Димитрова. Множество граждан стало обзаводиться удостоверениями о своей непричастности к бывшей службе госбезопасности. Подобная практика была прекращена в начале 1993 г. уже при другом правительстве.

Против некоторых аспектов деятельности руководства СДС выступил президент Ж. Желев. Он выразил тревогу в связи с неприятием правительством критики в свой адрес, его попытками монополизировать истину, толкование демократической идеи. Стремление кабинета Ф. Димитрова, отметил президент, воевать со всеми несогласными с его политикой, приведет к изоляции СДС, к потере им части своих сторонников, к сужению социальной базы реформ. Желев возражал также против жестких форм декоммунизации, выступив за "антикоммунизм с человеческим лицом". Он подчеркнул необходимость национального согласия и взаимопонимания по основным вопросам успешного и ускоренного осуществления экономических и политических реформ. В ответ в адрес президента звучали, главным образом от представителей правого крыла СДС, обвинения и упреки в "излишнем либерализме", в попытке "коллаборционизма с коммунистами" и т.д.³²

Однако многие оценки президента получили поддержку не только среди политических противников СДС, профсоюзов, но и у его парламентского партнера – ДПС, внутри самого Союза и его фракции в Народном собрании. В частности, ряд известных общественно-политических деятелей, стоящих на демократических позициях, выразили тревогу, что под предлогом воздания справедливого возмездия за прошлые преступления в стране вновь закрутится маховик репрессий, возродится тоталитаризм.

Кабинет Ф. Димитрова, как и предшествующие правительства, не сумел преодолеть ухудшения состояния социально-экономической сферы. Этого не смогло сделать и сменившее его в конце 1992 г. правительство Л. Берова – беспартийного профессора, экономического советника президента, которое ушло в отставку в сентябре 1994 г., после чего на декабрь того же года были назначены досрочные парламентские выборы. Поскольку идея досрочных выборов давно витала в воздухе, политические силы, не дожидаясь официального решения, заранее готовились к очередной избирательной кампании.

* * *

Как правило, в условиях демократии, когда коммуно-тоталитаризм уже сокрушен, неблагоприятная социально-экономическая ситуация способствует обогащению политического спектра. Появляются новые формирования, предлагающие свои, на их взгляд, самые верные и эффективные пути решения актуальных проблем развития общества. Но обостряется и соперничество между ними, поскольку множится число претендентов на примерно одну и ту же политическую нишу. Здесь, как говорится, много званых, да мало избранных.

В Болгарии в первой половине 90-х годов, как уже отмечалось, функционировало несколько аграрных партий, причем располагались они в разных (правых, левых, центристских) частях политической арены и, соответственно, там же и искали себе союзников. Действовали три партии, называвшиеся социал-демократическими, но наиболее известной среди них являлась (и является) "историческая" БСДП, член Социнтерна, возглавляемая патриархом болгарской политической сцены П. Дертлиевым. Кроме того, на овладение социал-демократическим "пространством" активно претендует БСП, чему не менее активно противятся "классические" социал-демократы. Функционировали несколько организаций монархистов, коммунистов-ортодоксов и др.

Перемены, вылившиеся и в определенные потери, затронули и парламентские партии, а отколовшиеся от них группировки в 1993–1994 гг. создали новые политические формирования. В частности, возникли: Гражданское объединение за республику (ГОР), которое возглавил А. Томов, один из лидеров-реформаторов БСП; Новый союз за демо-

кратию (НСД) во главе с Д. Луджевым, министром обороны в правительстве СДС, но покинувшим впоследствии Союз. Обе эти организации объявили о намерении создать альтернативу СДС и БСП, в чем они смыкались с социал-демократами. Так, на XXXX съезде БСДП (июнь 1994 г.) отмечалось, что СДС и БСП несут вину за провал демократических реформ и дискредитацию демократии вообще, а их лидеры приняли активное участие в дележе власти и разграблении национального богатства; БСДП намерена создать центристскую коалицию политических сил, доказавших свою демократическую сущность; социал-демократы полны решимости сформировать альтернативу двухполюсной политической модели, которую олицетворяют СДС и БСП. В свою очередь лидеры ГОР и НСД демонстрировали склонность к созданию вместе с социал-демократами альтернативного политического центра. Как заявил А. Томов, Болгария созрела для формирования широкой альтернативы СДС и БСП – раньше в стране "была одна партия и одно государство, а сейчас – две партии и никакого государства"³³.

Появилась и альтернатива, казалось бы, неизбежному ДПС – она возникла в лице Турецкой демократической партии (ТДП) и Партии демократических перемен (ПДП). Импульсом к этому послужили претензии отдельных деятелей ДПС на самостоятельную роль, неприятие ими некоторых действий А. Догана, в частности, его "левизны", проявившейся в совпадении позиций парламентских франций БСП и ДПС. Действительно, правительство Л. Берова пережило несколько попыток вотумов недоверия благодаря этим фракциям, вопреки резко отрицательному отношению к нему фракции СДС. Но здесь имели место "тактические маневры", конъюнктурные соображения; ни о каком принципиальном сближении, совпадении стратегических целей БСП и ДПС речь не шла.

Бесспорно, готовясь к выборам, политические силы были обязаны учитывать массовые настроения, их динамику. А эти настроения после довольно краткосрочного "романтического" или "эйфорического" периода перехода от тоталитаризма к демократии менялись достаточно радикально. Так, по данным социологического опроса, весной 1992 г. количество граждан, положительно оценивающих 45 лет социалистического развития страны, впервые после 1990 г. превысило число, критически относящихся к этому периоду. Сторонников социалистическо-

го развития оказалось среди голосующих за БЗНС – 25%, ДПС – 16,7%, СДС – 6,1%. Внушительным было и психологическое сопротивление такому ключевому моменту перехода к рыночной экономике, как приватизация: 41% считали, что она не нужна, 30% – колебались в выборе ответа и только 29% отнеслись к ней положительно. Явно "антирыночным" было мнение 63% респондентов, которые сочли, что максимальная зарплата не должна превышать минимальную более чем в три раза³⁴.

В основе таких настроений – не только традиционный "левый менталитет" многих болгарских граждан, но, в первую очередь, ухудшение материального положения значительной части населения. К концу 1994 г. примерно 85% граждан оказались у черты бедности. По данным национального статистического института за четыре года реформ болгары обеднели примерно на 56%³⁵. Естественно, это способствовало и "левению" масс, и усилению их негативного отношения к политикам независимо от их политической ориентации. Как заявил один софийский пенсионер: "Детские сады закрываются, преступность процветает, наши фермы нас больше не кормят... Наши политики – воры. Это – не демократия"³⁶.

Политики различной ориентации каждый по своему объясняли провалы в социально-экономической сфере. Демократы, или причислившие себя к таковым, обычно говорили о вине вчерашних и нынешних коммунистов (социалистов), которые привели страну к разрухе, а сегодня блокируют осуществление реформ. Президент Ж. Желев в определенной мере разделял тезис об ответственности БСП, одновременно сетуя, что в стране так и не было сильного правительства, а она нуждается в кабинете, способном на "диктатуру в экономической области", чтобы покончить с хаосом и довести до конца начатые реформы³⁷. Со своей стороны, социалисты обвиняли демократов, прежде всего СДС. На страницах "Думы" был опубликован ряд материалов под общим заголовком "В Болгарии проводится самая авантюристическая экономическая реформа". Как отмечал профессор И. Ангелов, часто ставят в пример Польшу, Венгрию, Чехию, Словакию, говоря, что там успех реформ достигнут благодаря строгому следованию рекомендациям МВФ и Всемирного банка. На самом деле это не так.

Правительства этих стран по-разному использовали модель МВФ. Они проявили высокую управленческую культуру, сообразовывались с местными условиями, вели национально-ответственную политику, учитывая интересы своих государств. И лишь болгарские правительства в 1991–1994 гг. применяли указанные рекомендации слепо, сервильно-послушно³⁸. А. Луканов заметил, что он, как и миллионы болгар, не ожидал, что после ноября 1989 г. страна придет к нынешнему состоянию – глубочайшему спаду в экономике, деградации всей общественной жизни. Первопричина этого – избранная основными оппонентами социалистов линия ненависти и противостояния³⁹.

Интересное суждение высказал старейший социал-демократ, почетный председатель БСДП А. Москов: "Стремление к мгновенному введению частнокапиталистической рыночной системы выдвинуло на первый план личности, жадные к власти и обогащению. К управлению пришли неподготовленные, некомпетентные люди, проявившие себя лишь в ожесточенных антикоммунистических криках, но быстро усвоившие искусство и менталитет коммунистической бюрократии"⁴⁰.

Вполне естественно, что социально-экономические проблемы, пути и средства их решения в процессе дальнейших демократических и рыночных преобразований заняли одно из центральных мест в новой избирательной кампании, в предвыборных программах. Задолго до объявления даты выборов различные партии и другие общественно-политические объединения начали работу по поиску союзников, сколачиванию блоков, коалиций, стремясь приумножить ряды своего электората. Эта работа велась партиями всего политического спектра. Помимо общности или близости целей и взглядов, немалую роль играли здесь и амбиции отдельных лидеров, которые желали видеть себя и своих "сопартийцев" в верхней части общего (коалиционного) избирательного списка.

Активно велись консультации между СДС и БЗНС, возглавляемого А. Мозер. В феврале 1994 г. лидеры этих организаций договорились о сотрудничестве для победы на выборах. Как заявила А. Мозер, БЗНС готов управлять страной совместно с СДС, так как они "обречены" на сотрудничество и на выборах могут собрать как минимум 60% голосов. При этом в планируемой демократической коалиции не находилось места "центристам", поскольку, по мнению руководства БЗНС,

их естественным союзником является БСП⁴¹. Однако до практического создания предполагаемой коалиции дело не дошло. Вместе с тем в СДС усиливались внутренние противоречия, как между отдельными деятелями, так и входящими в него организациями. Осенью 1994 г. из Союза вышла Демократическая партия – одна из важнейших его составляющих. Это порождало опасения, что "синяя коалиция" не сможет вернуться к власти. Однако СДС, по крайней мере внешне, не терял оптимизма. Ф. Димитров заявил, например, что Союз разработал ряд эффективных мер по оздоровлению страны, а если же победят левые, то она будет тонуть все глубже.

С размахом вела поиск партнеров БСП, осуществляя зондаж среди многих партий, движений. Это давало повод для различных комментариев. Так, оценивая встречу представителей БСП и Либерально-консервативного союза, лидер БСДП поставил вопрос: неужели БСП так изолирована в обществе, что ищет союза с либерал-консерваторами? Если такая коалиция возникнет, то социалисты покажут, что они не являются левой партией. Отвечая на подобные вопросы Ж. Виденов заявил, что лишь после выборов можно будет думать о сотрудничестве с либералами, правыми, правоцентристами и т.д.⁴². В конечном счете возникла возглавляемая БСП коалиция, куда вошли также БЗНС "А. Стамболийский" и политический клуб "Экогласность", или как их иногда называли, "агрокоммунисты" и "покрасневшие" экологи. Как отметил лидер "красного" БЗНС С. Шиваров, аграрии и социалисты ошиблись в 1989 г., когда прекратили свое естественное, длившееся почти век, сотрудничество. Вошедшие в коалицию организации объединяет цель выведения Болгарии за короткое время из кризиса, не обманывая людей пустыми обещаниями относительно помощи из Европы, Америки и т.д.; была выражена готовность восстановить традиционные отношения с Россией, Украиной и др., вернуть их рынки, оживить производство, обуздать безработицу, предоставить социальные гарантии тысячам семей; утверждалось, что у них есть воля и решимость всем дать хлеб, работу, обеспечить безопасность⁴³.

БСДП, резко критикуя и БСП и СДС, также готовилась к выборам. Вместе с тем, признал П. Дертлиев, как в материальном, так и в организационном отношении избирательная кампания в одиночку была для партии не по силам. Предложения об объединении усилий были на-

правлены двум БЗНС, возглавляемым А. Мозер и С. Шиваровым, однако не встретили положительного отклика; те предпочли другие коалиции. Но и БСДП в итоге не осталась без партнеров.

Активно вело избирательную кампанию ДПС, причем А. Доган планировал провести в Народное собрание 25–30 депутатов. Но в этот раз за электорат ДПС боролись также Партия демократических перемен (ПДП) и Демократическая партия справедливости.

В выборах в декабре 1994 г. приняло участие свыше 75% зарегистрированных избирателей. На места в Народном собрании претендовали 48 партий и коалиций, а также 8 независимых кандидатов. На одно депутатское место пришлось около 20 претендентов (на выборах 1991 г. – около 15).

Лишь 5 организаций и объединений сумели преодолеть 4-х процентный барьер. Голоса избирателей распределились следующим образом: коалиция, возглавляемая БСП – 43,5%; СДС – 24,23%; объединение Народный союз, куда входят БЗНС (А. Мозер) и Демократическая партия – 6,5%; ДПС – 5,44%; Болгарский бизнес-блок (БББ), ориентирующийся на средних и мелких предпринимателей, – 4,72%. Таким образом, к трем "действующим лицам" в предыдущем парламенте, в новом добавилось еще два – Народный союз и БББ.

Немного не дотянула до заветного барьера коалиция Демократическая альтернатива за республику (ДАР), которая объединила БСДП, ГОР и Альтернативную социалистическую партию. ДАР получил 3,79% голосов. Определенной неожиданностью явилось то, что вслед за этой коалицией по числу полученных голосов идет ортодоксальная Болгарская компартия, возглавляемая В. Спасовым – 1,51%. Казалось бы, показатель не велик, но он более чем вдвое превысил результат БКП на предыдущих выборах. Кроме того, как отмечал еженедельник БСДП "Свободен народ", БКП "подняла на смех" такую организацию, как Новый выбор, созданную бывшими видными деятелями СДС Д. Луджевым и И. Пушкаровым, которая не испытывала нехватки денег, была поддержана популярнейшим футболистом Х. Стоичковым, но получила всего 1,5% голосов. Аналогичная судьба постигла ("поднят на смех") и открыто поддержанный некоторыми финансовыми группами Патриотический союз – 1,43%⁴⁴. Другие коммунистические группировки,

выступавшие в коалиции Объединение за социализм, получили 0,12% голосов. Монархические объединения получили в совокупности 3,16% голосов, в том числе федерация Царство Болгария – 1,41%. На долю всех независимых кандидатов пришлось в общей сложности 0,24%.

Поскольку голоса, полученные партиями, не прошедшими в парламент, распределяются пропорционально между представленными в нем политическими силами, возглавляемая БСП коалиция приобрела в Народном собрании абсолютное большинство – 125 мест из 240. СДС получил 69 мест, Народный союз – 18, ДПС – 15 и БББ – 13 мест.

Исход "битвы гигантов" – БСП и СДС заранее прогнозировался. Не все, однако, предвидели масштабы победы социалистов и, соответственно, поражения "синих". В декабре 1994 г. за БСП проголосовало 2365,5 тыс. избирателей, что примерно на 427 тыс. больше, чем на выборах 1991 г. СДС завоевала 1247 тыс. голосов, потеряв по сравнению с предыдущими выборами примерно 643 тыс. Ощутимую неудачу потерпело ДПС. Уменьшение поданных за него голосов примерно на 135 тыс. нельзя отнести только за счет включения в борьбу ПДП-и Демократической партии справедливости – обе они собрали примерно 38% голосов из числа потерянных ДПС.

Многие общественно-политические деятели, обозреватели, аналитики сходятся во мнении, что, помимо общей социально-экономической ситуации, СДС, точнее – его руководство во главе с Ф. Димитровым, сам способствовал своему поражению. Крикливый антикоммунизм СДС, предупреждал "Свободен народ", не является панацеей, которая сокрушит БСП. Напротив, вся деятельность Ф. Димитрова и его "ничтожного окружения" содействует укреплению позиций социалистов⁴⁵. В другом номере этого еженедельника отмечалось, что главная заслуга в победе БСП принадлежит нынешнему руководству СДС и прежде всего Ф. Димитрову, который всей своей деятельностью добился возвращения бывших коммунистов, и отчаявшийся, брошенный в нищету народ оказал им доверие⁴⁶. Как заявил лидер профсоюза "Подкрепа" К. Тренчева, "синие" сами виновны в своем поражении, и еще два года назад мы предупреждали, что слева происходит консолидация, а справа – фрагментация. Болгарская демократия пожала горькие плоды "лидерского индивидуализма"⁴⁷.

Результаты выборов в декабре 1994 г. внесли серьезные перемены в расстановку политических сил, но мало повлияли на сложившиеся ранее взаимоотношения между ними. БСП декларирует свое стремление к конструктивному сотрудничеству с различными парламентскими и внепарламентскими силами, но пока что эти призывы в основном висают в воздухе. СДС отнюдь не сложил оружия. Как заявил Ф.Димитров, сражение проиграно, но армия сохранена и борьба продолжается⁴⁸. Правда, командовать пришлось уже не ему, ибо в СДС произошла смена руководства. Внутри Союза проходят противоречивые процессы. В апреле 1995 г. ряды СДС покинула Радикально-демократическая партия, которая в значительной степени формировала имидж Союза (в РДП преимущественно входят представители научной, технической и творческой интеллигенции). Партия мотивировала этот шаг стремлением сохранить свою самобытность, не раствориться в СДС. Существует опасение, что пример РДА окажется заразительным, тем более, что новое руководство СДС взяло курс на укрепление его организационных структур, на превращение Союза из "синей" коалиции в "синюю" партию.

СДС не изменило резко отрицательного, конфронтационного отношения к БСП, к возглавляемому социалистами правительству. Утверждается, что возвращение БСП к власти чревато восстановлением "реального социализма". В свою очередь БСП, как декларировалось в ее предвыборной платформе, не ставит своей целью очередную "смену системы" возвращение к временам пяти- или пятидесятилетней давности.

Оппозиционным БСП силам не удалось взять реванш на выборах в местные органы власти в октябре – ноябре 1995 г. Напротив, позиции социалистов в этих органах усилились, что позволило им создать политически более однородную вертикаль, связывающую законодательную и исполнительную власть в центре и на местах. Однако год спустя, в условиях серьезно ухудшившейся социально-экономической ситуации БСП потерпела крупное поражение на президентских выборах. Во втором (решающем) туре ее кандидат набрал 38%, а кандидат правоцентристских сил – 62%. Избиратели голосовали не столько "разумом", сколько "желудком"⁴⁹.

В целом в Болгарии к середине 90-х годов сохранилась в основном биполярная политическая модель и пока не удалось сблизить ее полюса. Осталась нереализованной идея создания широкой альтернативы двум главным политическим силам страны.

Примечания

- ¹ В беседе с корреспондентом ИТАР–ТАСС лидер Болгарской социалистической партии, премьер-министр страны, Ж. Виденов отметил, в частности, что Болгария, как "остров стабильности" на Балканах, может совместно с Россией приносить пользу в общих миротворческих усилиях по урегулированию кризиса в бывшей Югославии // *Компас*. 1995. № 12. С. 26.
- ² Дума. 1995. 3. III.
- ³ См.: *Континент*. 1993. 8. III; Дума. 1993. 31. XII.
- ⁴ Дума. 1994. 4. VI. Приведенная оценка болгарской многопартийности прозвучала в докладе Ж. Виденова на XXXXI съезде БСП.
- ⁵ Цит. по: *Светлорусова Л.* Болгарские социал-демократы как часть политической оппозиции // *Восточноеропейские страны: 90-е годы*. Реферативный сборник. Выпуск 3., 1993. С. 8.
- ⁶ *Отечествен вестник*. 1993. 12. VII.
- ⁷ Дума. 1993. 31. XII.
- ⁸ В интервью российской газете "Сегодня" президент Болгарии Ж. Желев отметил, в частности, что в стране наблюдается рост преступности и появление мафиозных структур // *Сегодня*. 1994. 4. V.
- ⁹ *Отечествен вестник*. 1994. 1. VI и 7. VI.
- ¹⁰ *Работническо дело*. 1990. 5. II.
- ¹¹ Дума. 1990. 23. IX.
- ¹² См.: *Демокрация*. 1990. 28. IV. и 1992. 13. IV.
- ¹³ По данным переписи населения Болгарии, проведенной в декабре 1992 г., в качестве этнических туток зарегистрировались 9,7% граждан страны; 9,8% родным языком назвали турецкий, а 12,7% причислили себя к мусульманской религиозной общности.
- ¹⁴ См.: Конституция на република България (ст. 11, п. 4; ст. 12, п. 2; ст. 13, п. 4) // *Държавен вестник*. 1991. 13. VII.
- ¹⁵ См.: Дума. 1991. 16. V; *Свободен народ*. 1991. 25. IX.
- ¹⁶ *Къзметсизов М.* "Съвети" на Доган // *Зора*. 1993. № 5. С. 5.
- ¹⁷ См.: *Василева А.* ДПС ще стане центристска партия, утвърждава А. Доган // *24 часа*. 1992. 20. IV.
- ¹⁸ *Известия*. 1990. 26. V.

- 19 Политически лист (приложение к газете "Отечествен вестник" от 11.VII. 1990).
- 20 См.: Отечествен вестник. 1993. 10.VII и 1994. 3.VI.
- 21 Демокрация. 1990. 14.IX.
- 22 См.: Дума. 1990. 26.X. Демокрация. 1990. 30.X.
- 23 См.: Дума. 1990; 25.X, 2.XI; Демокрация. 1990. 26.X; *Шабунина В.И., Валева Т.Э.* Республика Болгария // Опыт общественно-экономических преобразований в странах Восточной Европы. Часть 1. М., 1991. С. 57.
- 24 Демокрация. 1990. 26.X.
- 25 Демокрация. 1990. 19.X. и 26.XI.
- 26 Земеделско знаме. 1990. 15.XI.
- 27 Дума. 1990. 12.XI.
- 28 О масштабах профсоюзных акций сообщались противоречивые данные. Так, по данным "Подкрепы", в стачке участвовало около 1 млн. человек, по официальным сообщениям Совета министров – около 40 тыс. человек // Дума. 1990. 28 и 30.XI.
- 29 См.: Демокрация. 1990. 19.X. и 26.XI.
- 30 Дума. 1990. 9.XII.
- 31 Демокрация. 1991. 25.VII.
- 32 См.: Известия. 1992. 2.IX. и 14.IX; Дума. 1992. 23.IX.
- 33 Труд (София). 1994. 20.VI.
- 34 См.: 24 часа. 1992. 14.IV; Новые политические партии и политическая борьба в странах Восточной Европы. Специализированная информация. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 19–20.
- 35 Дума. 1994. 31.XII.
- 36 Московская правда. 1994. 18.XI.
- 37 Известия. 1994. 9.IX.
- 38 Дума. 1994. 1.XII.
- 39 См.: Там же. 1994. 14.XII.
- 40 Свободен народ. 1994. № 48. С. 2.
- 41 См.: Отечествен вестник. 1994. 23.II. и 7.VI; Демокрация. 1994. 23.II.

- 42 Отечественный вестник. 1994. 22.П.
- 43 Дума. 1994. 16.ХП.
- 44 Свободный народ. 1995. № 1–2. С. 3.
- 45 Там же. 1994. № 49. С. 2.
- 47 Дума. 1994. 21.ХП.
- 48 Там же. 1995. 7.П.
- 49 Независимая газета. 1996. 29.Х и 5.ХП.

Б. Й. Желючки

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА В СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

1. Предпосылки и факторы становления политического плюрализма. Расстановка политических сил во время первых свободных выборов (1990 г.)

В Венгрии в "кадаровский период" функционировала модифицированная разновидность советского типа социализма, не во всем совпадающая с оригиналом. В отличие от ряда других ведущих партийных деятелей стран Центральной и Юго-Восточной Европы Яношу Кадару удалось несколько смягчить жесткую, строго централизованную командно-административную систему как в сфере экономики, так и политики. К Я. Кадару высшее советское руководство относилось сравнительно терпимо. "Кадаровский социализм" по сути представлял собой либерализованную модель авторитарного режима, который нередко называли еще и мягкой диктатурой. При этом режиме (не считая его начальный, весьма жесткий и кровавый реставрационный период с конца 1956 г. до середины 60-х годов) к взглядам, отличающимся от официально принятых, относились более спокойно, чем в других странах "реального социализма". Допускалось больше свободы для творческой интеллигенции. Именно этим и объясняется, что в стране, если не считать беженцев 1956 г. (около 200 тыс. человек), не было такого обилия политических диссидентов, как в некоторых других "братских" государствах.

Именно поэтому в 70–80-е годы Венгрия оказалась наиболее подготовленной к восприятию идей и практическим действиям по модернизации страны. В обществе все больше осознавалась неизбежность, пользуясь тогдашней терминологией, "расширения социалистической

демократии". Во второй половине 60-х годов в стране были сделаны уникальные шаги в этом направлении. Венгрия стала первой страной в восточноевропейском регионе, где при выборах в высшие органы госуправления выдвигались две кандидатуры на одно депутатское место. Вслед за этими, хотя и робкими, шагами началось расширение рамок дозволенного и в других областях общественно-политической жизни. Конечно, это были лишь первые признаки грядущих преобразований, но именно благодаря им Венгрия в середине 80-х годов смогла отказаться от тоталитарных форм управления и первой в регионе перейти к системе парламентской демократии.

Реформирование существовавшей тогда системы в Венгрии обусловили общественная готовность и политическая воля, а также стечение внутренних и внешних обстоятельств. Следует подчеркнуть, что в Венгрии (наряду с Польшей, где имело место мощное профсоюзное оппозиционное движение "Солидарность") раньше, чем в других странах соцсистемы начали складываться и выходить на политическую арену так называемые неформальные организации и движения – зачатки будущих политических партий. В этом отношении особенно урожайными были 1987–1989 гг., но первые "неформалы" появились еще раньше. В это время наблюдался небывалый ранее рост числа и активности возникающих политических новообразований (обществ, союзов, объединений, партий, движений) и возрождавшихся так называемых исторических или "ностальгических" партий, которые все более определенно стали заявлять о себе в политической жизни.

Во второй половине 80-х годов в соответствии с духом времени постепенно начала меняться и сама правящая Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП), десятилетиями являвшаяся единственной, монопольной политической силой или же, как ее венгры называли, государственной партией, насчитывавшей в своих рядах более чем 870 тыс. членов¹. Для дальнейшего политического развития страны наиболее существенным и решающим являлось, однако, то, о чем говорилось выше – зарождение и постепенное оформление реальной демократической многопартийности.

За весьма короткий исторический срок (1988–1990 гг.) по инициативе снизу, в результате "переговорной революции" (переговорный процесс лидеров политических новообразований с ВСРП в рамках об-

шенационального "круглого стола") были созданы юридические предпосылки и условия для формирования многопартийной политической парламентской системы, мирного перехода к плюралистической демократии.

Прежде чем охарактеризовать или кратко подытожить процессы, приведшие к кардинальным преобразованиям, следует хотя бы на уровне констатации обратить внимание на то обстоятельство, что важной политической предпосылкой, позволившей демократическим силам приступить к реформированию системы, безусловно, явилась горбачевская перестройка в СССР, ослабление прежнего вездесущего советского контроля и давления, отказ новых советских руководителей от политики вмешательства в дела стран "соцсодружества". В условиях падения престижа советской внешней политики, углублявшегося кризиса всей системы и вынужденной необходимости проведения реформ и внедрения демократии руководитель ВСРП Я. Кадар уже достиг преклонного возраста, а партия, которую он возглавлял с 1956 г., так и не вырастила достойного преемника. Это безусловно сказалось на судьбе ВСРП. Не имея авторитетного руководителя, не отягощенного грузом прошлого, партия в новых условиях все больше стала терять свое влияние в меняющемся обществе.

Наряду с этим, особое значение имело то, что в Венгрии формировалось поколение политиков (а они могли вырасти только в рядах государственной партии), которые были готовы к дальнейшей либерализации режима. В рядах ВСРП, в ее руководстве сформировалось крыло социал-демократического толка, группа реформаторов, которые вместе с центристами способствовали углублению демократических преобразований. Среди них выделялись Реже Нерш, с именем которого связана реформа экономического механизма 1968 г., руководитель Отечественного народного фронта Имре Пожгаи, который всячески поддерживал зарождавшиеся неформальные движения и организации, Матяш Сюреш, возглавлявший Государственное собрание, и др. Правда, им и их сторонникам приходилось прилагать немало энергии, чтобы преодолеть косность и сопротивление со стороны догматически настроенного номенклатурного крыла в руководстве партии, которое весьма неохотно уступало свои позиции. И. Пожгаи, в частности, за обнаружение в конце 1987 г. учредительного заявления одного из новых политических движений получил партийный выговор, а четверо

ставших впоследствии видными политологами (М. Бихари, З. Биро, З. Кирай, Л. Лендел) были исключены из ВСРП. И все же политики, осознающие необходимость перемен, завоевывали все больше сторонников. Время и меняющиеся реалии работали на них.

В мае 1988 г. завершилась эпоха Кадара. Новое поколение партийных лидеров во главе с тогдашним премьер-министром Кароем Гросом практически сместило его с поста генерального секретаря партии. Для него был учрежден новый, по сути декоративный, пост председателя партии.

Новым генсеком стал К. Грос, который еще летом 1987 г. признал, что экономика страны находится в кризисе. На всевенгерской партконференции весной 1988 г. было укреплено высшее партруководство. В него вошли реформатор Р. Нерш – самый последовательный и активный сторонник перемен, И. Пожгаи, который стал одновременно и государственным министром без портфеля, фактически вторым человеком в правительстве (ему было поручено курировать новые общественные организации и движения) и молодой экономист Миклош Немет, сменивший в январе 1986 г. К. Гроса на посту премьер-министра². Был провозглашен курс на создание системы "демократического рыночного социализма".

Однако новый генсек проявил готовность идти лишь на небольшие "косметические" уступки. Он не был уверен в своих силах и возможностях, постоянно "оглядывался" на Москву (правда, шел только 1988 г.), а во внутренней политике продолжал лавировать и не сумел предвидеть ход событий, осознать неизбежность становления подлинной демократии. В результате К. Грос шаг за шагом терял имеющиеся у него и партии позиции. Воспитанный на традициях однопартийности и командно-директивного управления, он по сути не желал кардинальных перемен и стал тормозом демократического развития. К зарождавшейся многопартийности он относился настороженно. Между тем к концу 1988 г. в стране уже насчитывалось более 40 новых альтернативных организаций и движений, которые искали свое место в общественно-политической структуре страны, готовились к диалогу с ВСРП. На повестку дня все настойчивее выдвигалось требование политического плюрализма и создания правового государства. В ноябре новым премьер-министром стал М. Немет, а парламент интенсифицировал законо-

дательную деятельность. На декабрьском пленуме ЦК ВСРП пришлось констатировать, что "в стране усилилась потребность в многопартийной системе"³.

В руководстве ВСРП на том этапе самым последовательным и действительно стремившимся к кардинальным демократическим переменам был И. Пожгаи. Именно под его давлением партийная верхушка была вынуждена сделать очередной шаг на пути к демократии. Без его нажима и твердости громоздкая государственная партия не избавилась бы так стремительно от груза прошлого и от идеологических оков, сдерживавших процесс перемен, не склонилась бы так быстро к признанию плюрализма. Кроме того, без поддержки И. Пожгаи неформальные движения и организации, не имевшие тогда еще законодательных основ для своей легальной деятельности, также не смогли бы получить известность, утвердиться и добиться общественного признания.

Широкая венгерская общественность обратила внимание на появление демократической оппозиции в ходе развернувшегося обсуждения проблемы выхода страны из кризиса. Среди первых альтернативных движений и неформальных организаций выделялись тогда своими демократическими позициями Венгерский демократический форум (ВДФ), Союз свободных демократов (ССД), Союз молодых демократов (известный под названием Фидес), которые вплоть до ноября 1989 г., т.е. до принятия закона об общественных организациях, опасались называть себя партиями. Между тем, убедившись в возможности политической деятельности и обратив внимание на рост активности и популярности этих союзов и движений, бывшие представители демократических партий 40-х годов также приступили к реанимации своих организаций. Так возродились Независимая партия мелких хозяев (НПМХ), Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ), Христианско-демократическая партия (ХДП). Следует отметить, что все эти партии еще до официального признания многопартийности в целях обеспечения мирного перехода к политическому плюрализму сочли необходимым вести переговоры с ВСРП, реформаторские силы которой, в свою очередь, также выразили готовность к диалогу. Под эгидой Независимого форума юристов в рамках Всевенгерского круглого стола, работа которого проходила с июня по сентябрь 1989 г., состоялись переговоры

об условиях перехода к парламентской демократии, обсуждались и согласовывались принципиальные вопросы переходного периода. В этой работе участвовали три группы различных политических сил: 1) правящая, но меняющаяся ВСРП; 2) новые политические формирования – ВДФ, СССД, Фидес и возрождающиеся исторические партии (СДПВ, НПМХ, Венгерская народная партия); 3) традиционные общественные организации социалистического периода.

Консервативные силы ВСРП старались всячески тормозить переговоры, препятствовать демократизации страны. Однако И. Пожгаи решительно поддержал переговоры. Среди обсуждавшихся на "круглом столе" принципиальных проблем демократического переустройства государственной системы были: учреждение поста президента, порядок его избрания, упразднение партийной милиции (рабочей охраны), запрещение деятельности парторганизаций по месту работы и др. Хотя демократические силы в правительстве и парламенте уже провели через Государственное собрание ряд важных законов, оппозиционные политические круги добивались того, чтобы "основополагающие законы" были приняты парламентом, избранным на основе свободных выборов с участием различных политических партий. К ним причислялись законы об изменении конституции, о выборах президента, о конституционном суде, о деятельности политических партий, об экономических основах государства.

Итоги договоренностей в рамках Всевенгерского круглого стола были изложены в специальном документе, который 18 сентября 1989 г. подписали ВСРП, ВДФ, НПМХ, СДВП, а также уточнившая свое название Христианско-демократическая народная партия (ХДНП). ССД и Фидес, хотя и участвовали в переговорном процессе и в подготовке итогового документа об общественном согласии, отказались его подписывать. Они мотивировали свою позицию нежеланием "пачкать себя пактом с коммунистами" и явно полагали, что их подчеркнутый антикоммунизм поможет им в новых условиях получить больше голосов на предстоящих в мае 1990 г. парламентских выборах.

В 1989 г., и особенно во второй половине года, общественная жизнь в Венгрии достигла высокого уровня политической активности. Характерно, что премьер-министру М. Немету вскоре удалось освободиться от партийной опеки и вести независимую политику, способст-

вующую утверждению демократии в стране, становлению реальной многопартийности.

До сих пор мы преднамеренно избегали давать какие-либо характеристики новым политическим образованиям. Ведь на начальном этапе становления многопартийности было важно лишь одно: движение, союзы и партии стремились как правило к демократизации страны и поэтому буквально все называли себя демократическими и, естественно, предпочитали определять себя в качестве центристской политической силы (например ВДФ), либо явно антикоммунистической (ССД, Фидес). В дальнейшем возникает, однако, необходимость дать более дифференцированную характеристику вышедших на политическую арену партий, а также указать их место на политической сцене. Ориентиром здесь служит самоопределение партий, которого мы в основном и намерены придерживаться при анализе начального этапа их деятельности. Разумеется, партийная самоидентификация далеко не всегда позволяет получить о них всестороннее представление, тем более определить их место в политическом спектре.

Для этого следует определить принципы и критерии, позволяющие осуществить такой анализ. Нужно прежде всего выявить корни и истоки тех политических течений и движений, из которых выросли партии, учитывая при этом их самоидентификацию, а также их поэтапное становление. Такой подход, на наш взгляд, позволит рассмотреть их в историческом развитии, поможет лучше понять их современные позиции и происходящие в них сегодня процессы. Именно из такого принципа мы исходили до сих пор, показывая условия формирования политической многопартийности в Венгрии.

Оценивая партии по их идейно-политическим концепциям, программным заявлениям, конкретным действиям, определяя их место в партийно-политическом спектре Венгрии, мы вынуждены пользоваться установившейся в европейском ареале терминологией – "правые" и "левые".

В 1989–1990 гг. в Венгрии на ее посттоталитарном этапе развития появились политические партии как того, так и другого типа. Но, как и в других странах Восточной Европы на том же этапе многие левые силы порвали с прошлым и повернулись лицом к парламентской демократии и правовому государству. В результате этого фактически

произошел реальный общественный сдвиг вправо. Применительно к конкретным венгерским условиям это означало, что начиная с 1990 г. (первые посттоталитарные свободные выборы) в парламент страны попали только такие партии, которые отказались от прежних ценностей и продемонстрировали свою приверженность к правому крылу. Следовательно, все политические силы фактически расстались с командной системой.

Однако, различия существуют и между правыми партиями. Поэтому в зависимости от тех ценностей, которым они привержены, в новых условиях можно делить их на "левые", "правые", "Центристские". Хотя, разумеется, существует необходимость и в других уточняющих характеристиках для присутствующих ныне на венгерской политической арене партий и политических течений (левоцентристские, правоцентристские, народные, национальные левые, либеральные, консервативные и т.д.).

Вернемся, однако, к ситуации рубежа 1989–1990 гг., когда политические новообразования, а также возрожденные исторические партии, да и старая ВСРП – все встали перед необходимостью нового самоопределения и поиска своего места в политической жизни страны. Эта задача легче решалась историческими партиями, которые заявили о решимости следовать курсом своих предшественниц. Для ВСРП поиск новой идентичности давался с трудом и не без внутренних потрясений. Над ней тяготел груз прошлого, наследие правящего характера партии, от которого было необходимо отказаться, чтобы занять подобающее место в условиях сложившегося политического плюрализма. Все это требовало от нее самореформирования, выработки нового имиджа и политического курса.

Самые крупные новые политические партии в условиях 1989 г. определили себя следующим образом:

ВДФ в своих программных документах заявил о том, что считает себя центристской политической силой, объединяющей в своих рядах приверженцев таких известных в венгерской истории политических ценностей, как плебейского толка народно-национальная, национально-либеральная и христианско-демократическая идеи, и намерен решать целый комплекс задач демократического переустройства общества и страны⁴. В первую очередь: преобразование форм собственности, со-

здание парламентской демократии, правового государства, обеспечение национальной независимости, личных прав и свобод граждан и пр. Будучи партией-движением, ВДФ выражала прежде всего народную идеологию и выступала за собственный путь развития Венгрии. Являясь партией-собирательницей умеренных центристских сил, она с самого начала отмежеввалась как от коммунистической идеологии, так и от правоконсервативных и национально-шовинистических течений, как отрицающих человеческое достоинство, но в то же время заявила о своей приверженности общечеловеческим ценностям, конституционной демократии и провозгласила себя партией, защищающей национальные интересы⁵.

ВДФ, несомненно, стал основной центристской партией в партийно-политическом спектре Венгрии. Несмотря на строгое следование декларированному курсу, на отказ от любых доктринерских идей, в печати, находившейся в руках ее соперниц, стал складываться образ ВДФ как правоконсервативной или национально-консервативной силы, Даже после того как эта партия пришла к власти и приступила к осуществлению буржуазно-демократических преобразований, к переводу экономики на рыночные основы ей не удалось разрушить эти стереотипы, внедренные в общественное сознание. Форум не сумел эффективно защититься и отстоять все заявленные ценности (постепенно предавая забвению народно-национальные ценности, а ССД присвоил себе его либеральные начала).

ССД назвал себя либерально-демократической партией, ориентирующейся на принципы оппозиционности, европеизма, а в своей политической философии – на традиции либерализма и социал-демократизма⁶. Эти приведенные в документах партии формулировки не позволяют четко определить место ССД на политической карте Венгрии. Да и сами свободные демократы не заявляли к правым или левым они относят себя в тогдашней структуре венгерских политических сил, возможно, по тактическим соображениям. Но по характеру деятельности в 1988–1994 гг. ССД являлся практически "право-левой" партией. Видимо, отдельные политологи в Венгрии именно поэтому решили поместить ССД все же "где-то посередине политического спектра", назвав его центристской партией. Отмечая, что ССД из элитной, так на-

зываемой интеллигентской партии, может превратиться в массовую партию, политолог А. Бозоки, например, указывает на ее "своеобразную двойственность", подчеркивая, что "для предпринимателей ССД слишком социален, а для бедных – слишком либерален"⁷. Что же касается социал-демократизма, то ССД имеет отношение прежде всего к его идейным корням, и в значительно меньшей степени к его практическому политическому курсу. В его деятельности с самого начала больше проявлялось правого политического радикализма, чем либерального демократизма. В то же время в программных документах партии выдвигались действительно центристского характера задачи – права человека, многосекторная экономика, многопартийная парламентская система.

Однако в отношении методов и практики достижения целей ССД допускал применение далеко не либеральных средств, что не увязывается с устремлениями социал-демократии и левоцентризмом вообще. Идеалом для ССД является западный капитализм, и исходя из этого, в отличие от ВДФ, партия исключает возможность самобытного пути развития для Венгрии, считая, что такового просто не существует, а поэтому следует копировать путь, пройденный Западом (в России таких политиков называли бы западниками).

Фидес определил себя как партию молодых демократов либерального толка. В начале своей деятельности он считался "младшим братом", молодежной организацией ССД, и последний не редко использовал его в качестве "пробивного кулака". Цели и задачи Фидес и ССД были почти идентичны, во всяком случае родственны с учетом некоторых генерационных особенностей. Таким образом, Фидес, как и ССД, можно отнести к центристским партиям.

Если эти три названные партии Венгрии на рубеже 80–90-х годов представляли центристские силы, то возрожденная НПМХ – правоцентристская партия; еще более правой была Венгерская народная партия (ВНП), наследница венгерских народных крестьянских традиций, выступавшая за собственный национальный путь развития страны, а также Общество им. Байчи-Жилински, в программе которого особое значение имели венгерские исторические ценности и традиции, национальный суверенитет, демократическое обустройство страны, сотрудничество Венгрии с придунайскими и восточноевропейскими народами. Ведущую роль среди этой тройки безусловно играла НПМХ,

как самая крупная и растущая партия, имеющая богатые исторические традиции (основана в 1930 г., воссоздана в августе 1988 г. и зарегистрирована в январе 1990 г.).

В области экономики НПМХ провозгласила либерально-демократический курс; в общественно-политической – консерватизм в европейском понимании этого слова, в сфере культуры – христианско-национальный подход⁸. Партия определила себя в качестве политической силы, отстаивающей национальные ценности, независимость страны, права человека, гражданские свободы, буржуазную демократию⁹. Следует отметить, что в партии, как впрочем и в ВДФ, наряду с политическим центром с самого начала присутствовало как левое (народно-либеральное) крыло, так и консервативное.

Правее от НПМХ разместились на политической карте ХДНП, отстаивающая религиозно-консервативные, венгерские народные и общечеловеческие ценности. Она ориентировалась на все общество, а не на отдельные социальные группы. Своей целью партия провозгласила создание государства народного благосостояния, обеспечение равновесия и гармонии в обществе. Она высказалась за правовое государство, повышение уровня образования и культуры его граждан, за реалистическую внешнюю политику – как со странами Востока, так и Запада¹⁰. К правым силам вполне определенно причисляли себя и такие партии, как Венгерская партия независимости и Независимая венгерская демократическая народная партия, а также две другие небольшие малозначительные партии, имеющие весьма узкую социальную базу и не сумевшие завоевать поддержки населения.

Таковы были основные и наиболее значимые партии, представившие в 1989–1990 гг. правые и правоцентристские силы. Политическое многоцветье было характерно именно для этой части партийно-политического ландшафта Венгрии. Забегая несколько вперед, следует отметить, что в условиях развернувшихся в те годы преобразований и предвыборных баталий модным становилось повальное отрицание недавнего прошлого – одна из основных характерных черт предвыборной риторики ряда политических партий и движений. В беспощадном бичевании политики ВСРП, а затем и ВСП тогда особенно выделялись и усердствовали ССД и Союз молодых демократов. Следует

заметить также, что, ведя безудержную критику всего коммунистического и социалистического в борьбе за голоса избирателей, ССД тем самым весьма усердно работал против своего основного демократического партнера в предвыборной кампании – ВДФ. В таких условиях происходило некоторое сползание всех политических партий вправо.

Предвыборное соперничество ССД и ВДФ с самого начала привело к разобщенности сил лагеря демократов, что по сути сказывается еще и сегодня как на взаимоотношениях названных партий, так и на престиже венгерской демократии в целом. Свободные демократы в основном апеллировали к Западу, преднамеренно создавая своей пропагандой весьма отрицательный образ венгерской демократии, намекая на то, что "подлинную демократию" для страны способен обеспечить только ССД, который в отличие от ВДФ не считается с "мелочной" национальной самобытностью.

Характерно, что общее сползание вправо не могло не отразиться и на тогда еще единственной левой партии ВСРП, в которой под влиянием процессов внутренней дифференциации начались преобразования и выделение новых структур. Возрожденная СДПВ в качестве представительницы социал-демократических традиций обогащала разнонаправленность левого крыла партийно-политической структуры Венгрии. Выйдя на политическую арену в конце 80-х годов эта партия левого фланга тяготела, однако, к центру. Но в переходных условиях СДПВ раскололась и не сумела добиться ощутимых результатов в конкурентной борьбе на венгерской политической сцене на этапе посттоталитарных преобразований. Здесь, видимо, следует отметить, что ССД, который в конце 80-х годов не идентифицировал себя в качестве правой или левой политической силы, по нашему мнению, все же занимал явно правые и к тому же радикальные политические позиции. Впоследствии, однако, некоторые политологи стали его причислять, исходя из сегодняшнего положения дел, к левым силам, что на деле является далеко не бесспорным утверждением.

Определенно левой, даже левоконсервативной, следует считать бывшую ВСРП (партию кадаровского социализма), из которой в конце 80-х годов выросли две современные левые партии. Тогдашняя ВСРП в условиях становления многопартийности сама переживала глубокий

кризис. Ее руководство во главе с К. Гросом не сумело преодолеть инерцию и встать во главе демократических преобразований в партии и стране. Ряды ВСРП покинуло немало членов, которые перешли в СДПВ и ВДФ. В преодолении консерватизма партийных лидеров особое значение имели те усилия, которые проявляли партийные реформаторы, последовательные сторонники демократического переустройства. Существенным толчком к реформированию ВСРП, а вместе с тем и стимулом к активизации деятельности демократических сил в партии, являлось выступление И. Пожгаи с переоценкой событий 1956 г. Постсталинское окружение генсека К. Гроса было вынуждено отступить и признать, что в 1956 г. в Венгрии имело место народное восстание против сталинизма, а не контрреволюция, о чем твердили идеологи прежней эпохи. Благодаря действиям Пожгаи и стойкости неореформаторских сил в ВСРП было принято решение о признании уже существующей на деле многопартийности¹¹.

Решающий перелом наступил, однако, лишь на съезде ВСРП в октябре 1989 г. Благодаря усилиям реформаторов было объявлено о прекращении ее деятельности, провозглашено образование новой партии — Венгерской социалистической партии (ВСП)¹², которая отказалась от большевистского наследия и стала на позиции европейского социал-демократизма. ВСП порвала с принципом демократического централизма и практикой "государственной партии". Она объявила, что является правопреемницей, но не идейно-политической наследницей ВСРП, отмежевывается от любых проявлений сталинизма. В принятой программе ВСП провозгласила себя частью движения за демократический социализм, отстаивающей интересы людей наемного труда, и заявила, что придерживается концепции, принятой партиями Социнтерна. Тем самым ВСП определила себя в качестве левоцентристской партии социалистической ориентации.

Инициаторы преобразования партии в условиях подготовки к предстоящим парламентским выборам 1990 г. явно рассчитывали на то, что ВСП предстанет перед избирателями в качестве обновленной политической силы. Съезд допустил, однако, тактический просчет, так как фактически не распустив ВСРП, призвал ее членов в течение октября представить личные заявления о перерегистрации в новую партию — ВСП. Но лишь менее 50 тыс. членов ВСРП подали заявления о

вступлении в ВСП, а основная масса членов осталась вне партии. В декабре 1989 г. бывший сотрудник ЦК при К. Гросе Дюла Тюрмер вместе с группой партийных функционеров решил реанимировать ВСП, однако желание оставаться ее членами подтвердили в общей сложности не намного больше людей, чем перешедших в ВСП. С таким богатом пришли к выборам 1990 г. наследницы некогда могущественной кадаровской ВСП. Характерно, что ВСП поддерживала демократические преобразования в стране, а реанимированная Тюрмером и Гросом ВСП отстаивала еще более радикально-левые (по сути левацко-догматические) принципы, чем прежняя ВСП.

Новые и старые левые в равной мере готовились к выборам 1990 г., хотя времени для упорядочения своих рядов и мобилизации сил оставалось мало. ВСП выдвинула кандидатом в президенты еще популярного в то время по всей стране И. Пожгаи, который в случае прямых президентских выборов, несомненно, был бы избран. Однако оппозиционные партии добились избрания президента парламентом. Социалисты в 1990 г. не получили доступа к исполнительной власти и были лишены возможности бороться за президентский пост.

В условиях стремительных политических преобразований, становления многопартийной демократической системы и правового государства время работало на тех, кто не был связан с прежним политическим режимом. Шел процесс не только размежевания сил, но и создания многоцветной политической системы Венгрии, где каждая из политических партий охотно присваивала себе такие эпитеты, как "демократическая", "либеральная" и т.п. В то же время – особенно на этапе предвыборного соперничества – почти каждая из них стремилась максимально отгородиться от недавнего прошлого. Разумеется далеко не все обещания и посулы партий вызывали симпатию и доверие населения, однако оппозиционность бывшим коммунистам несомненно импонировала многим. В условиях доминирования настроений всеобщего отрицания лидеры отдельных партий делали ставку именно на критику коммунистического прошлого. Однако венгерские граждане не поддавались экстремистским (ни ультраправым, антикоммунистическим, ни, тем более, левацким) настроениям. Доказательством тому являются итоги весенних выборов 1990 г., на которых население отдало предпочтение самой выдержанной и умеренной политической силе венгерских демократов – ВДФ.

В этой связи нужно отметить, что уже к началу 1989 г. в Венгрии вполне сложилась многопартийная система. Официально к парламентским выборам было зарегистрировано 65 партий. Однако лишь 12 из них сумели выполнить условия, предписанные законом, и представить для утверждения всевенгерские партийные списки. Им, чтобы стать парламентской партией, было необходимо набрать минимально 4% голосов избирателей. Такой порог сумели преодолеть всего 6 партий, которые и оказались в парламенте.

Итоги выборов не оправдали надежд ни одной из левых политических партий. Социал-демократы не сумели воспользоваться богатым историческим опытом СДПВ и продемонстрировали неспособность к компромиссам, поэтому оказались вне парламента. Их движение раскололось, и этот раскол до конца не преодолен до сих пор. ВСП, будучи основной партией – наследницей кадаровской ВСРП, не сумела тогда убедить избирателей в том, что она действительно стала другой. Тем не менее ей удалось стать парламентской партией, получив 33 депутатских мандата. Такие лидеры социалистов, как И. Пожгаи, Д. Хорн, М. Немет, М. Сюреш сумели сохранить свою популярность. Реанимированная же ВСРП под руководством Тюрмера и Гроса (хотя по их подсчетам эта партия была тогда самой многочисленной) не сумела провести в парламент ни одного кандидата.

Необходимо подчеркнуть, что левый политический спектр названными партиями не исчерпывался, так как еще три маленькие партии именовали себя "коммунистическими". Однако они не пользовались каким-либо влиянием и фактически сошли с политической сцены.

Результаты проведенных в 2 тура (март и апрель 1990 г.) выборов на многопартийной основе определили следующий расклад политических сил в венгерском парламенте¹³:

Партии	Кол-во мест в парламенте	%
ВДФ	165	42,75
ССД	94	24,45
НПМХ	44	11,40
ВСП	33	8,55

1	2	3
СМД (Фидес)	22	5,70
ХДНП	21	5,44
Независимые депутаты	7	1,81

Руководители первых двух партий достигли между собой соглашения (впоследствии это нередко называли "пактом") относительно личности будущего президента страны – им стал писатель Арпад Генц (депутат от ССД). Президент 8 мая 1990 г. поручил парламентской фракции ВДФ сформировать новое правительство страны. 23 мая парламент избрал премьер-министром Йожефа Анталла (ВДФ). Он составил коалиционный правоцентристский кабинет, куда вошли представители ВДФ, НПМХ и ХДНП.

Левые силы, включая попавшую в парламент ВСП, а также либеральные партии стали оппозиционными. При этом они признавали неизбежность коренных экономических и политических преобразований. Характерно, что оппозиция впоследствии нередко именовала коалиционный кабинет не правоцентристским, а правоконсервативным или национально-консервативным. Следует отметить также, что правительство Анталла было единственным в постсоветском пространстве демократизирующейся Восточной Европы, которое стабильно, без правительственных кризисов, оставалось на своем посту до конца срока (правда, после кончины в декабре 1993 г. Й. Анталла его заменил на этом посту Петер Борошш).

ВДФ, как партия венгерского возрождения, которая возглавляла правящую коалицию в 1990–1994 гг., стремилась реализовать программу создания свободной и независимой демократической Венгрии. Ее председателем в 1989–1993 гг. являлся Й. Анталл, а с февраля 1994 г. – Лайош Фюр.

Что касается установившейся к весне 1990 г. партийно-политической структуры Венгрии и соотношения политических сил в парламенте, то следует подчеркнуть, что они оставались довольно стабильными вплоть до очередных парламентских выборов 1994 г. (разумеется, это не исключало небольших сдвигов и перемещений внутри самих

партий, которые, однако, не меняли их характера). Практически все крупные парламентские партии сохранили свое уже сложившееся лицо, политическую ориентацию и принципы. Пожалуй, исключение из этого правила составлял только ССД, оказавшийся на второстепенных ролях и продолжавший усиленную критику ВДФ и возглавляемой им коалиции. К усердным атакам по дискредитации ВДФ и правоцентристских сил ССД и идеологи либеральных демократов приступили еще в 1989 г., тем не менее и на следующих выборах они опять оказались лишь вторыми.

Противостояние ВДФ и ССД – партий, принадлежащих к демократическому лагерю, нашло выражение не только в идейной борьбе (что было бы объяснимо), но и в реальной политике, а это по сути не только разделяло их, но и в целом ослабляло силы демократии. Так, использование ими не вполне чистоплотных методов политической борьбы, что нередко имело место в прошлом, предвзятость и очернение своих соперников (сначала социалистов, а затем ВДФ), а также критика лидерами ССД всего национального (которое нередко преподносилось как националистическое) в итоге привели к дальнейшему падению престижа свободных демократов (на следующих парламентских выборах они набрали меньше голосов, чем в 1990 г.).

Разобщенность и даже противостояние двух самых крупных демократических партий явно ослабляли и наносили ущерб имиджу лидеров, которые руководствовались лишь сиюминутными устремлениями, пытаясь любым способом взять верх над своим соперником в политической борьбе, опорочить его. Это в конечном счете отрицательно сказывалось не только на партиях, но и на престиже страны за ее пределами.

В период парламентского цикла 1990–1994 гг. правоцентристской коалиции во главе с ВДФ удалось достичь значительных успехов как в укреплении плюреалистической парламентской демократии, так и в области государственного управления и экономических преобразований. В то же время трудности, связанные с переходом к рыночной экономике, их неизбежные издержки в социальной сфере (несмотря на то, что они были менее тяжелыми, чем в ряде других посткоммунистических государств), стали серьезным испытанием для коалиционных партий и привели в итоге к падению влияния ВДФ среди избирателей, вспомнивших в 1994 г. при очередных парламентских вы-

борах "ностальгическую эпоху Кадара" с ее относительно благоприятным жизненным уровнем и проголосовавших в своем большинстве за социалистическую партию, ожидая от нее возрождения былого "золотого века" социальной стабильности.

2. Сдвиги в партийно-политической структуре.

Состояние и расстановка политических сил
после выборов 1994 г.

Формирование многопартийной системы в Венгрии не означало, однако, завершения процесса складывания окончательной партийно-политической структуры страны. Данная структура, будучи живым политическим организмом по-прежнему находится в движении, она развивается, меняется.

После выборов 1990 г. наряду с существовавшими и уже именными партиями, завоевавшими популярность, появились новые, кроме того, постоянно меняется соотношение политических сил. Зарегистрированных судебными органами Венгрии политических партий ныне насчитывается свыше ста. Характерно, что новые партии возникали и путем деления уже существующих (этот процесс охватил и парламентские партии). В рамках парламентских фракций во главе с их лидерами были образованы новые самостоятельные партии. Такое явление объясняется тем, что в крупных авторитетных партиях или партиях-движениях, объединяющих в своих рядах различные идейные течения, разные демократические силы, после их первоначального сближения в условиях борьбы за демократию наступил период брожения, внутренней дифференциации и размежевания. Став самостоятельными политическими партиями уже в условиях утвердившейся парламентской демократии, они могли себе позволить выражать свои специфические интересы. В итоге, если в парламенте весной 1990 г. было всего шесть партий, то к концу четырехлетнего парламентского цикла их стало уже тринадцать. В частности, именно так произошло оформление известной ныне Партии венгерской правды и жизни (ПВПЖ), которая во главе с депутатом парламента, писателем Иштваном Чурка в 1993 г. выделилась из ВДФ и заняла место на правом крыле политической структуры страны. Рост числа парламентских партий происходил и за счет того, что отдельные независимые депутаты, сначала не представлявшие какие-либо политические силы, со временем

вступали в те или иные непарламентские партии, и тем самым они как бы стали вводить их в парламент, представлять их в нем. Таким путем приобрели представительство в высшем законодательном органе в прошедшем парламентском цикле Аграрный союз, Союз национальных демократов (СНД), Республиканская партия, ВСДП, Партия предпринимателей и Партия пенсионеров.

Одним из основателей Союза национальных демократов, центристской партии, был, в частности, И. Пожгаи. В учредительном документе СНД отмечалось, что в Венгрии еще не закончен процесс общественных преобразований и для ее граждан не может быть безразличным, "кто и какие политические силы, в какой степени станут пользователями его благ и пострадавшими от этих процессов". Подчеркивалась также недопустимость того, чтобы в ходе смены общественного строя происходило обнищание большинства населения, разрушение системы образования, здравоохранения, науки, девальвация духовных ценностей и моральных норм. Целью СНД его учредители назвали создание общенационального центра, стремящегося к обеспечению мирных преобразований, хозяйственного динамизма и социальных гарантий под знаком гуманизма и защиты национальных интересов Венгрии¹⁴.

Количество непарламентских партий ныне значительно больше, чем представленных в парламенте. Правда, в целом они не играют такой значительной роли в жизни венгерского общества, как парламентские. Они, за небольшим исключением, представляют центристские или правые силы венгерской партийно-политической структуры. Учитывая сложность и проблематичность объективной оценки всех этих формирований, отсутствие, а часто и недоступность необходимой документации или литературы о них, в дальнейшем мы вынуждены ограничиться характеристикой в основном лишь главных партий, представленных в парламенте, так называемых рейтинговых партий, определяющих нынешний политический облик страны.

Принятый в декабре 1993 г. новый закон о выборах поднял квоту прохождения партий в парламент – вместо достаточных в 1990 г. 4% на выборах 1995 г. порог проходимости составлял уже 5% голосов избирателей. Большинство партий, особенно мелких, как тогда, так и на сей раз не сумели преодолеть этот барьер.

Во время парламентских выборов в мае 1994 г. венгерские избиратели, отягощенные испытаниями возвращения к рыночной экономике, словно подчиняясь закону "политического маятника", отвернулись от прежней правящей коалиции и отказали ей в доверии. Настроения избирателей благоприятствовали левым силам в лице ВСП, которая, умело используя конъюнктуру, сумела достичь блестящих успехов на выборах.

Весной 1994 г. в парламент Венгрии прошли следующие политические силы¹⁵:

Партии	Кол-во мест в парламенте	%
ВСП	209	54,14
ССД	69	17,88
ВДФ	38	9,84
НПМХ	26	6,74
ХДНП	22	5,70
СМД (Фидес)	20	5,18
Аграрный союз	1	0,26
Либеральный союз – Партия предпринимателей	1	0,26

Сопоставление итогов выборов 1990 и 1994 гг. показывает, что доверие избирателей фактически получили те же шесть основных политических партий. При этом охарактеризованное выше размещение партий на правом и левом флангах политической арены сохранилось и после выборов 1994 г. В то же время в симпатиях избирателей наблюдались радикальные сдвиги. Во взаимоотношениях между партиями и в отдельных парламентских партиях также произошли определенные изменения, требующие специального рассмотрения. Хотя они не настолько глубоки, чтобы коренным образом менять характеристики, данные этим партиям выше, однако безусловно заслуживают дополнительного внимания.

В первую очередь нужно отметить, что если процесс демократизации, начавшийся в конце 80-х годов и утвердившийся с первыми свободными выборами в парламент, укрепил позиции правоцентристских политических партий, то выборы 1994 г., наоборот, способствовали успеху левых, точнее левоцентристских сил. Социалистам на сей раз удалось стать подлинными победителями, они стали основной и опре-

деляющей политической силой в новом парламенте. В их успехе, наряду с ностальгией избирателей по кадаровскому социализму, большое значение имела та политика, которую проводили руководители ВСП: скромное и спокойное поведение в оппозиции, объективная оценка реалистей в период прежнего парламентского цикла.

ВСП накануне выборов подчеркивала, что представляет интересы людей наемного труда, солидарна с теми группами населения, положение которых ухудшается. Она заявила также о своей поддержке интеллигенции и мелких предпринимателей. Наряду с заверениями о приверженности демократии и рыночной экономике ВСП в своей предвыборной программе обещала вести борьбу с обнищанием масс и снизить уровень годовой инфляции за 4 года до 15%, усилить социальную защиту граждан. Среди предвыборных обещаний партии появился тезис о стремлении к соединению национальной идеи с левым мышлением, обеспечении как индивидуальных свобод, так и равенства всех национальных групп¹⁶. Эти лозунги и обещания ВСП, насчитывающей в своих рядах 40 тыс. членов, позволили ей занять в 1994 г. первое место среди всех прочих политических партий Венгрии, заручившись абсолютным большинством голосов избирателей. Социалисты по результатам выборов получили право формировать однопартийное правительство. Однако партия этой возможностью не воспользовалась, а заключила коалиционное соглашение с ССД и совместно с ним стала осуществлять управление страной.

Характеризуя нынешнюю партийно-политическую структуру страны, находящуюся еще в подвижном состоянии, определяя место отдельных партий в этой структуре, следует отметить, что в современных условиях принцип их деления на левых и правых неизбежно требует дополнительных уточнений. К тому же сегодня встречаются явления, прямо противоречащие традиционному содержанию этих понятий, что связано с переходным состоянием общества и политических сил. К левым партиям в европейском понимании, как известно, традиционно причисляются силы, связанные с профсоюзным движением, социал-демократические, социалистические и коммунистические партии. Левые обычно считают себя защитниками интересов лиц наемного труда, борниками социальной справедливости и равенства; во всяком случае, исходя из этих принципов они должны отстаивать социальные завоева-

ния трудящихся. Профсоюзы вместе с левыми партиями именно с таких позиций строили свою деятельность в Венгрии с середины прошлого века. В кадаровский период в сфере социальной политики, как известно, существовал целый набор социальных льгот и дотаций. Считаясь с их значимостью для большинства населения, их сохранили даже правоцентристские партии кабинета Й. Анталла – Борошша в 1990–1994 гг. Нынешнее же правительство, называющее себя социал-либеральным, в марте 1995 г. решилось посягнуть на, казалось бы, святые для левых сил права и социальные интересы трудящихся, резко урезав или существенно сократив ряд жизненно важных социальных дотаций и льгот для широких масс¹⁷. Тем самым был поставлен под вопрос тезис об обязательной приверженности партии социалистов идее социальной защиты и солидарности, как отличительной черте, определяющей принадлежность к левым политическим силам. Следовательно, реальные дела партии порой противоречат ее самоидентификации. Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что правоцентристские партии выступили в защиту социальных завоеваний венгерских трудящихся от покушения на них социалистов и их партнера по коалиции.

Несмотря на подобную практику, при определении принадлежности партий к тому или иному крылу, мы все же придерживаемся прежних традиционных определений и в этом смысле пользуемся установившимися понятиями. К правым партиям принадлежат по этой схеме все остальные политические силы. Такое упрощенное деление, которое не всегда выражает сущность, является поэтому весьма условным. К тому же следует считаться и с тем, что большинство нынешних крупных политических партий предпочитают определять себя как центристские, намереваясь подчеркивать тем самым свое размежевание с крайними или экстремистскими силами на правом или левом фланге политического спектра. Это означает, что большинство партий стремится определиться в качестве умеренной и взвешенной политической силы. Так, например, ВСП в свое время, осознав такую необходимость, приняла нынешнее название именно ради того, чтобы отмежеваться от своей предшественницы (ВСПП), которую венгерская общественность воспринимала как партию авторитарного типа, правящую партию преж-

него режима. В 1990–1994 гг., находясь в оппозиции и стремясь показать, что является умеренной и выдержанной политической силой, ВСП в отличие от некоторых других оппозиционных партий вела себя достойно и осуществляла лишь конструктивную критику тогдашней правящей коалиции. В посткоммунистической Венгрии она определила себя как партию левого центра. Ее члены составляют сегодня пласт "новых левых" в политической структуре.

Сложившееся представление о себе решил поменять и ССД, который в свое время ворвался в политическую жизнь в качестве радикальной антикоммунистической силы (во всяком случае такой она представлялась венгерскому обществу). В 1989–1990 гг. ССД еще кичился своим подчеркнутым антикоммунизмом (видимо, желая использовать конъюнктуру и на этом заработать политический капитал), однако после того, как такая линия не принесла ему особых успехов, вдруг в 1994 г. решил поменять свой имидж и, являясь по сути правой либеральной партией, охотно принял предложение социалистов и вступил с ними в правительственную коалицию, т.е. перешел в лагерь своего бывшего противника.

Коалиционный союз ВСП – ССД стал возможен благодаря тому, что в лагере либеральных демократов (ССД, Фидес) после двух парламентских выборов, не оправдавших ожиданий их лидеров (а такой расчет имел место со стороны руководителей ССД, желавших формировать свой собственный кабинет), наметился явный перелом и начался поиск иных вариантов приспособления к реалиям. Причину неудач и нереализованности устремлений лидеров либеральных партий следует искать в таких факторах, как: общее падение интереса к либерализму в нынешних условиях (либеральные ценности не только в Венгрии, но и на Западе не нуждаются в особых доказательствах, они практически общеприняты и присутствуют в программных установках почти всех демократических партий – права человека, свободная экономика, ограничение вмешательства государства в хозяйственную жизнь, защита интересов средних слоев и т.д.); последствия прежнего политического курса и поведения лидеров ССД, в которых в ярко выраженной форме присутствовали довольно броские черты экстремизма (хотя скорее показушного, явно конъюнктурного характера), жажда власти, нетерпи-

мость, стремление расшатывать еще слабые основы венгерской демократии с помощью демагогических приемов.

Все это в итоге привело к тому, что в условиях закономерного колебания политического "маятника" избиратели должным образом оценили несколько скорректированную политику свободных демократов. Положение ССД не спасла даже замена его основных лидеров. Свободные демократы оказались в свободном падении и за четыре года, от выборов до выборов, потеряли еще 6% голосов избирателей. Стала очевидной необходимость поиска новых ориентиров, и руководство ССД во главе с его председателем И. Пете пошло на коалицию с социалистами.

Если ССД в новых условиях сделал шаг влево, порывая с прежней антикоммунистической ориентацией, то другая либеральная партия – Союз молодых демократов (Фидес), который раньше своего бывшего "старшего брата" понял необходимость перемен, наоборот, оставаясь верным своим общелиберальным принципам, осознав важность учета национальных особенностей и интересов страны, несколько сдвинулся в сторону "национального либерализма" (по крайней мере об этом свидетельствует его сближение с такой правоцентристской партией, как ВДФ).

Нашли ли свою окончательную политическую нишу либералы в венгерской политической структуре, покажет время. Судя по западным аналогам, эта ниша находится где-то правее политического центра, что, видимо, осознали либералы из Фидеса. Есть ли альтернатива для либералов на левом фланге, куда переместился ССД, выяснится в будущем. В современных условиях Фидес возмужал, стал более зрелой и взвешенной партией. Эта бывшая "напарница" ССД, которую раньше многие считали его молодежной организацией, приобретает политический опыт, в 1994 г. отделилась от "пуповины" и стала самостоятельным фактором венгерской политической жизни. Фидес, в отличие от ССД, оставаясь приверженным либерально-демократическим устремлениям, не переметнулся в лагерь бывшего идейно-политического противника, а сблизился с другими, более умеренными силами на правом фланге.

С учетом сказанного и в соответствии с классической схемой перед нынешним ССД есть альтернатива: либо после некоторого сопро-

тивления раствориться в партиях левого фланга, либо совершить очередной крутой поворот и вернуться в центристский лагерь. Правда, по некоторым оценкам существует и вариант превращения нынешних союзников по социал-либеральной коалиции в единую партию.

Выборы 1994 г. показали, что социальная база правоцентристских сил Венгрии далеко не однородна. К их сторонникам относятся выходцы из среды прежних буржуа, верные историческим традициям средние слои, зажиточная часть интеллигенции, частные предприниматели и торговцы, бизнесмены, богатые крестьяне, которые ожидают повышения своего социального статуса от обуржуазивания общества. Основная масса этих сил на последних выборах отдала свои голоса ССД, ВДФ, ХДНП и партиям, выражающим интересы специфических слоев: крестьяне голосовали за НПМХ, а молодежь за Фидес.

Следует отметить, что наряду с избирателями, проголосовавшими за левые и правоцентристские партии, существует определенная категория населения (около 10%), которая предпочла на выборах не поддерживать ни умеренных левых, ни явных рыночников. Эти избиратели, как правило, не довольны тем, как осуществляется смена общественного строя, разочарованы в произошедших переменах и высказываются за радикальную политику. Радикальные политические силы на левом фланге представлены избирателями и членами новой ВСРП, а на правом – сторонниками Партии венгерской правды и жизни, а также частично избирателями, которые голосовали за НПМХ. Радикализм, как известно, обычно усиливается в условиях ухудшающегося социального положения масс. Он является реакцией людей, потерявших надежды и не находящих альтернативы. Появление радикальных течений (правых и левых) в сфере политики – явный симптом потери перспектив, за него ответственны те силы, которые не могут предложить выход в создавшейся ситуации. В период 1987–1994 гг. в Венгрии радикальные течения существовали лишь в качестве побочного явления и не определяли общеполитическую ситуацию. Правда, по некоторым оценкам политологов, весной 1994 г. влияние политического радикализма несколько усилилось¹⁸.

Для правоцентристских партий Венгрии, входивших в состав прежней коалиции, после выборов начался далеко не простой период. Воз-

никала насущная необходимость анализа допущенных ошибок и просчетов. В самом трудном положении оказалась главная сила правоцентристской коалиции – ВДФ. Над ней висел груз 4-летнего правления, ей необходимо было преодолеть внутрипартийную разобщенность, вытекающую из характера партии, как "собираательницы". В условиях полевения политических настроений в 1994 г. все это приводило к необходимости новой самоидентификации партии, подтверждения или уточнения ее облика. Впрочем, подобные проблемы с неизбежностью вставали перед каждой из наиболее значительных партий, и не только бывших союзниц ВДФ, но и ССД и Фидес, СДПВ и ВСП.

ВДФ не был однороден, включая в себя как минимум три идейно-политические течения, которые ранее довольно толерантно относились друг к другу¹⁹. Однако, если на прежнем этапе в партии определяющими были народные (плебейские) ценности и отстаивание интересов носителей такого сознания, а национально-буржуазные и национально-либеральные еще находились как бы на втором плане, то позже все больше выдвигалась буржуазная направленность устремлений партии. В условиях, когда партия пришла к власти и во главе правительства встал Й. Анталл, ее лидеры все более сознательно, но далеко не без давления печати стали отказываться от первоначальных народных ценностных ориентаций и стали отстаивать национально-консервативные христианские ценности (впрочем почти незаметным был уход и от либеральных установок).

Процесс смены приоритетов или ориентации является, видимо, естественным для новых партий, тем более для тех, которые объединяют различные течения, ибо у них еще продолжается поиск своего идейно-политического облика и места в политической структуре страны. Вполне закономерно это явление и для ВДФ, ведь будучи первой серьезной и умеренной политической силой (на первом этапе единственной реальной альтернативой ВСРП), он объединял самые различные силы, в том числе ушедших из государственной партии. Видимо, по этой причине до 1994 г. ВДФ не удалось превратиться в современную народную партию. После поражения на выборах 1994 г. перед партией неизбежно встала задача самоанализа и самоопределения.

Абстрагируясь от общевенгерской ситуации 1990–1994 гг., от влияния политического "маятника", от смены приоритетов, здесь уме-

стно указать на одну из причин, которая привела к расшатыванию социальной базы ВДФ. После того, как на выборах 1990 г. он добился блестящих успехов, различные социальные слои ожидали от него решения именно своих проблем. Затем народно-плебейские слои, надеявшиеся на быстрое и кардинальное улучшение своего положения, восприняли перемены 1990—1994 гг. как шок и остались недовольны ухудшающимся даже в незначительном масштабе положением, что было, однако, закономерным в условиях кризиса и ломки старых общественно-политических отношений. Эти слои вслед за оппозицией критиковали правительство, обвиняя ВДФ в социальной бесчувственности. Справедливости ради, следует отметить, что в других посткоммунистических государствах и инфляция, и "шоковая терапия" были куда более значительными и вызывали куда больше нареканий со стороны населения²⁰. Правые консервативные силы, а также ущемленные в своих правах в период коммунистического правления социальные группы, наоборот, ожидали от ВДФ более радикальных мер и решительных действий по наказанию бывших правителей, а когда этого не произошло, разочаровавшись, также отвернулись от этой партии²¹.

Христианско-демократическая народная партия, возрожденная в декабре 1989 г., в 1990—1994 гг. участвовала в правительственной коалиции, но не была там ведущей силой. Она выступает за демократическую многопартийность и правовое государство. Согласно самоопределению, ХДНП "не является церковной партией", но выступает за восстановление прежних прав церкви, объявляет себя хранительницей традиций христианской демократии и культуры, партией социальной справедливости. В сфере экономики она отстаивает рыночные отношения, частную собственность, однако, признавая права индивидов, высказывается за регулируемую роль государства, считая важным защиту интересов многодетных семей, пенсионеров и низкооплачиваемых категорий населения.

В рядах ХДНП насчитывается ныне 26 тыс. членов. На выборах 1994 г. ей снова удалось стать парламентской партией. С мая 1990 г. партию возглавлял Л. Шурьян, которого на посту председателя в начале 1995 г. сменил Д. Гици. После выборов 1994 г. ХДНП занялась повторным определением своего "я". Летом 1995 г. еще было трудно су-

доть о возможных переменах в партии, однако нет сомнений, что она сохранила свои основные, ранее сложившиеся ценности и черты – верность христианской и национальной идее. ХДНП по сути является представительницей традиционного политического консерватизма. Она явно обогащает гамму партийного многообразия в нынешней Венгрии, оставаясь правоцентристской политической силой, которая, будучи весьма осторожной, по всей вероятности, и в дальнейшем сохранит позиции союзницы ВДФ.

Эти две ведущие силы венгерского политического центра – ВДФ и ХДНП, судя по сообщениям печати, к середине 1995 г. еще не сумели выйти из шокового состояния и окончательно преодолеть последствия неблагоприятных для них результатов парламентских выборов 1994 г. Материалы опроса населения, проведенного венгерским Институтом Геллапа, говорят о том, что за этими партиями осталась лишь их стабильная социальная база, насчитывавшая весной 1995 г. около 8–10% избирателей²². При этом ВДФ пользуется поддержкой прежде всего жителей городов, людей старшего и среднего поколения с высшим образованием, наиболее же последовательными сторонниками ХДНП являются женщины тех же возрастных категорий.

Независимая партия мелких хозяйев, вошедшая после выборов 1990 г. в правоцентристскую правящую коалицию, также была неоднородной; в ней наметилось противостояние отдельных групп. Кризис отразился на парламентской фракции, возглавляемой Тордяном. В партии сформировались различные группировки, выступившие против этого руководителя. В марте 1991 г. Тордяна удалось сместить с его поста. Тем не менее уже в июле Тордян победил на внутрипартийных выборах и стал председателем НПМХ, что привело к расколу в партии и ее парламентской фракции. В феврале 1992 г. парламентская группа во главе с Тордяном вышла из правительственной коалиции и перешла в оппозицию. Летом того же года часть партийного руководства попыталась удалить его с поста председателя НПМХ, но суд признал его избрание законным. Некоторые из противников Тордяна в ноябре 1993 г. создали так называемую историческую секцию Национальной партии мелких хозяйев и горожан, другие образовали Союз хозяйев и горожан, в который вошла и Консервативная партия. Впоследствии эти два формирования объединились в Историческую партию мелких хозяйев и го-

рожан, во главе с Я. Сабо, которая в декабре 1993 г. приняла название Объединенная партия мелких хозяйств. Однако на выборах 1994 г. эта партия не прошла в парламент, а НПМХ получила 26 депутатских мандатов.

Отстранение партий правоцентристской коалиции от власти существенно ослабило их сплоченность. НПМХ, насчитывавшая тогда в своих рядах 64 тыс. членов, стала одной из основных и к тому же динамично развивающихся оппозиционных партий с заметно растущей ныне популярностью. Конфликт НПМХ с ВДФ и ХДНП, причину которого большинство обозревателей видят в личности руководителя партии – Й. Тордяна, к середине 1995 г. несколько ослаб и правоцентристские партии стали все больше осознавать необходимость возрождения их прежней сплоченности. При этом НПМХ по-прежнему остается партией венгерской провинции и села, отстаивающей интересы крестьянства, приверженной христианской ценностной ориентации и национальному духу, независимости страны. В то же время она решительно выступает за полномасштабное осуществление прав человека и за гражданские свободы. Ее лидер продолжает критику как левых, так и правых. Бывшие коалиционные партнеры НПМХ в лице Тордяна встречают еще немало препятствий к восстановлению прежнего союза трех партий. По их мнению, его позиция по ряду вопросов не соответствует программным установкам правоцентристских сил, а некоторые из них считают, что НПМХ, судя по ее лозунгам, можно считать скорее левой, чем правой²³.

Анализируя экономическую и социальную политику лидера НПМХ, некоторые его оппоненты подчеркивают, что вопреки высказываниям Тордяна, нельзя отказаться от выплаты зарубежного долга страны и решить одним махом социальные проблемы. Критики Тордяна отмечают, что он выдвигает лозунги, но не указывает пути их реализации. Ликвидация безработицы и проведение достойной социальной политики, за которые он выступает, действительно отвечают позиции левых сил. В то же время, как указывают оппоненты, в программе НПМХ немало и других популистских положений: низкие цены, дешевая сельскохозяйственная продукция, повышение покупательной способности населения. "Рабочих необходимо сделать собственниками и обеспечить для них беззаботное проживание, – говорится в программе. – Защи-

ту интересов рабочих необходимо обеспечить с помощью подлинных профсоюзов"²⁴. Новая программа НПМХ выступает за "достойную человека жизнь" для пенсионеров, считает недопустимым увеличение возрастного срока для выхода на пенсию. Все эти меры, безусловно, популярны и не всегда совпадают с методами их современного решения. В последнее время в адрес руководителя НПМХ звучали и такие упреки, как: "Тордян находится на службе у коммунистов"²⁵.

Социальная база НПМХ разнообразна. Львиную долю ее избирателей составляют сельские жители. В начале ей в основном оказывали доверие жители среднего и пожилого возраста, но с 1994 г. тенденция изменилась, и ныне НПМХ получает поддержку людей различных возрастных категорий; к тому же она стала "самой мужской" партией, отмечают социологи. О стремительном росте влияния НПМХ говорят итоги апрельского (1995 г.) опроса населения, согласно которым только с февраля по апрель уровень ее поддержки возрос с 12 до 19%²⁶.

Произойдет ли полевнее НПМХ, либо она останется в лагере правоцентристских партий и пойдет с ними на более тесное сотрудничество, предсказать трудно. Ведь она, определяя себя в качестве правой политической силы, на деле выдвигает программные требования весьма характерные для левых. Взгляды самого Тордяна ныне явно пользуются популярностью у рядовых членов партии. В то же время к середине 1995 г. правоцентристские партии все больше осознавали важность объединения своих сил в интересах победы на предстоящих в 1998 г. парламентских выборах и сделали шаги в направлении сотрудничества с НПМХ.

Рассматривая состояние партий прежней правоцентристской коалиции, необходимо обратить внимание на весьма заметное событие, оказавшее влияние на изменение расстановки политических сил с 1994 г., – на расхождение путей двух либерально-демократических партий – ССД и Фидес. Свободные демократы, как отмечалось, после выборов вступили в коалицию с ВСП, а Фидес, наоборот, сблизился с ВДФ. На деле это означает, что ССД совершил дрейф влево, а Фидес, став самостоятельной политической силой, пополнил правоцентристские ряды. Молодые демократы отказались от своей прежней роли

в качестве молодежной организации ССД и изъявили готовность к союзу с ВДФ и ХДНП, чтобы сплотить правоцентристов, готовя их к будущим парламентским выборам. Как известно, к такому единству прежде всего стремится ВДФ. Большинство оппозиционных сил готовы к созданию правоцентристского блока, однако такой союз несколько затруднен позицией НПМХ, состоянием взаимоотношений с нынешним лидером этой партии.

До 1994 г. Фидес среди политических партий определенно размещался где-то между ВДФ и ССД. Сегодня положение изменилось, поскольку Фидес остался в оппозиции, а ССД, правда, с некоторой долей неопределенности, все же "перекочевал" на левый фланг политического спектра. Итак, Фидес занял место на правоцентристском крыле в качестве либеральной партии. Во всяком случае именно об этом говорят итоги дискуссии, состоявшейся в партии накануне ее VII съезда весной 1995 г., да и сами его решения. Судя по оценкам председателя партии Виктора Орбана, Фидес является правоцентристской либеральной партией, отличающейся от ССД не только тем, что тот представляет собой "скорее всего левую", чем правую партию, но и тем, что сумела адаптировать в себе такие распространенные ныне на Западе ценности, как семья и национальная идентичность²⁷. Орбан заявил также, что Фидес намерен интегрировать также некоторые ценности, считающиеся левыми, но не обязательно являющиеся только таковыми. По его словам, Фидес добивается, чтобы в обществе не было такой ситуации, когда на одной стороне существует "громкая масса рабочих, вынужденных жить исключительно лишь за счет продажи своей рабочей силы, а на другой – узкая группа малочисленных капиталистов". "Пусть будет мощный средний класс, в который войдут как обогатившиеся граждане, так и обладающие культурным богатством"²⁸, – выразил свое социальное кредо лидер Фидес.

Готовясь к съезду и на самом съезде руководители Фидес провели переоценку прежней политики и дали новую дефиницию своей партии, разработали ее новую программу. В программном заявлении, в частности, признаются ошибочными действия бывших оппозиционных партий осенью 1990 г., когда они во главе с ССД организовали акцию против первого демократического правительства Венгрии (имеется в виду транспортная блокада таксистов Будапешта), которая принесла

как материальный, так и моральный ущерб тогдашнему правительству, да и престижу страны. Характерно, что данную акцию как ошибочную осудили многие лидеры партии в своих газетных интервью²⁹.

Фидес (который в прошлом определяли по-разному – постмодернистская, экосоциальная, либерально-консервативная, буржуазно-правоцентристская или просто либеральная партия) в программном документе³⁰ уточнил официальное название партии: Фидес-Венгерская гражданская партия (Фидес-ВГП). Она причисляет себя к либеральным политическим силам, преследующим цель создания в Венгрии буржуазного гражданского общества. Подчеркивается, что Фидес, кроме защиты гражданских свобод, является также "партией социальной ответственности", выступающей за сознательную социальную и культурную политику, и с учетом этого собирается уделять особое внимание семье и ее положению в обществе. Кроме того, Фидес сделал шаг в сторону признания консервативных и национальных ценностей, которые ранее не включались в программы либеральных партий Венгрии. Поскольку национальные, религиозные, семейные и прочие ценности гражданского общества теперь нашли отражение в новой программе партии, то она может стать также программой всей национальной буржуазии. Как указывал заместитель председателя Фидес Ласло Кевер, "этот документ может быть манифестом даже нескольких западных народных партий"³¹.

Из сказанного вытекает, что Фидес-ВГП пытается убедить общественность в том, что партия стала другой и стремится представлять политические интересы главным образом возрождающейся буржуазии. Во всяком случае прежняя радикальная направленность действительно заменена консервативно-либеральной и дополнена христианскими ценностями. Это позволяет ей сблизиться с другими правоцентристскими партиями и одновременно предполагает отказ Фидес от прежних макиавелистских маневров, требует более солидного стиля поведения, превращения в более умеренную и ответственную политическую силу. Долгое время оставалось неясным, почему эта партия, ранее выступавшая в одной связке с ССД, решила на сближение с ВДФ и ХДНП. Политологи обращали внимание на своеобразный технократический радикализм прежних либералов (ССД и Фидес)³², однако

не всегда учитывали, что они редко считались с историческими традициями и национальными ценностями. Сегодня же неизменно подчеркивается, что эти две партии "разбежались" по разным флангам политического спектра. Хотя и по сей день не до конца ясно, насколько прочными станут контакты Фидес с умеренными правыми силами, как удастся ему интегрировать национальные, исторические и христианские ценности, реализовать новые элементы своей программы. Станут ли они тактическими или стратегическими ориентирами политического курса – покажет только будущее. На съезде Фидес, однако, утвердилась новая ориентация партии.

В 1995 г. произошли определенные сдвиги в характере и социальной базе Фидес. Молодые демократы в прошлом несомненно являлись чисто генерационной партией и их избирательскую базу составляла городская молодежь. Ныне партия развивается, и ее рейтинг растет среди различных категорий населения. Судя по социологическим опросам, Фидес стал восходящей партией, которая в апреле 1995 г. уже пользовалась поддержкой 16% населения страны, против 8% в начале года³³. Такой стремительный рост популярности в значительной мере объясняется решительностью партии, выступившей в марте 1995 г. в защиту социальных прав и гарантий трудящихся, когда социал-либеральный кабинет приступил к их свертыванию. Популярность Фидес по-прежнему высока среди молодежи и жителей столицы.

Три оппозиционные партии (ВДФ, Фидес, ХДНП) в декабре 1994 г. на муниципальных выборах уже образовали правоцентристский блок – Гражданский союз, который помог им провести в органы местного самоуправления больше депутатов, чем если бы эти партии выступили каждая в отдельности. Первый опыт способствовал сближению и углублению сотрудничества, что со временем распространилось и на различные аспекты парламентской деятельности. Установлению более тесного межпартийного союза мешают, однако, различные подходы партий к некоторым ключевым проблемам. Так, если ВДФ и ХДНП признают необходимость государственного вмешательства в экономическую и социальную сферы, то Фидес, наоборот, выступает за сокращение роли государства в этих областях и добивается скорейшей приватизации. Правда, не исключено, что принятие новой программы Фидес и некоторые уступки либерализму со стороны его партнеров по

зволят сблизить их позиции. Четвертая оппозиционная партия – НПМХ пока продолжает вести самостоятельную политику, хотя и проявляет известную готовность к сотрудничеству с тремя правоцентристскими силами.

О партиях левого крыла и нынешней коалиции в целом подробнее пойдет речь ниже, однако здесь все же целесообразно обратить внимание на некоторые принципиальные проблемы, стоящие перед этим союзом.

Политическая реальность такова, что ВСП с 1994 г. выразила намерение продолжить ту же самую программу преобразований, которая была начата ВДФ и его коалиционными партнерами. Это означает, что венгерские социалисты приняли философию смены общественного строя, т.е. признали парламентскую демократию и правовое государство, а также становление рыночных отношений. Они отказались от идеологического наследия кадаровского периода и открыто провозгласили свою приверженность социал-демократическим ценностям западноевропейского типа. ВСП заявила также о гарантиях личных свобод граждан, высказала намерение присоединиться к НАТО и Европейскому союзу при сохранении суверенитета страны в области внешней политики.

В 1994 г. в Венгрии некоторые полагали, что смена власти в стране приведет к возврату кадаровского социализма (со стороны отдельных социальных групп, действительно, имели место такие ожидания). Но социал-либеральная коалиция (ВСП–ССД) фактически продолжила реализацию того же политического и экономического курса, который начали осуществлять представители прежней коалиции, возглавляемой ВДФ. По оценкам ряда аналитиков, ССД в составе нынешней правящей коалиции призван играть роль гаранта того, что поворота назад не произойдет, т.е. преобразования по возрождению капитализма будут продолжены³⁴.

Став основной правящей партией, ВСП также, как ВДФ в 1990–1994 гг., столкнулась с немалыми сложностями и проблемами. Так, если в годы правления прежней коалиции оппозиционная печать обвиняла власть придерживающую партию в реставраторских попытках правого толка, часто рисуя в мрачных тонах период межвоенной истории и обвиняя лидеров ВДФ в желании возврата к ценностям того вре-

мени, то с приходом к власти социалистов она стала пугать граждан опасностью коммунистического переворота. Нет необходимости доказывать, что подобные толкования политики партий не имели и не имеют под собой реальных оснований. Оправдать ожидания избирателей, выполнить данные им накануне выборов обещания — безусловно более серьезная проблема. В 1990 г. ВДФ, а в 1994 г. ВСП удалось довольно легко убедить своих избирателей в том, что рациональной и целенаправленной политикой можно остановить дальнейшее обнищание масс и вывести страну из кризиса. Но за четырехлетний парламентский цикл ВДФ не успел решить эти проблемы, и его политический курс (несмотря на существенные и зримые успехи, выдержавшие международные сравнения) к 1994 г. разочаровал избирателей. По ряду показателей весной — летом 1995 г. такое же разочарование вызвала и политика правящей ВСП³⁵.

Другая проблема состоит в том, что ВСП, как в свое время и ВДФ, является партией — "собирательницей". Обе эти партии еще не дали своим членам и сторонникам необходимую новую ценностную ориентацию или, как ныне принято говорить, не представили привлекательный образ будущего общества, что, несомненно, снижает их возможности и эффективность воздействия на массы. С учетом этого обстоятельства ВСП к концу 4-летнего правления, как и ВДФ к 1994 г. также может потерять значительную часть своих избирателей. Ей на прошедших выборах было авансировано доверие, которое всегда легче приобрести, чем удержать. Не следует забывать, что большинство избирателей ожидают от ВСП улучшения своего социального положения, т.е. этаким возврат к благосостоянию и социальному спокойствию тех лет. Вместе с тем лидеры партии осознают, что к прошлому возврата нет. Сложившаяся ситуация ставит перед руководством ВСП серьезные задачи и станет испытанием на прочность. Конкретный и привлекательный образ будущего общества избирателям еще не представлен, а краткосрочная программа партии на 2—3 года на этот вопрос ответа не дает. "Общество, а вместе с ним и правительство должны брать на себя всю тяжесть переходного периода, но возникает неотложная потребность и в том, чтобы дать простому народу ответ на тот вопрос, каким станет содержание рыночной экономики и буржуазной

демократии"³⁶, – заявил в одном из интервью руководящий деятель ВСП Золтан Гал, исполняющий ныне обязанности председателя венгерского парламента. Проблема далеко не проста и не однозначна.

ВСП должна также считаться с неоднородностью своих рядов. Ныне она объединяет по крайней мере два отличающиеся друг от друга по политической ориентации течения: левых радикалов, ностальгически тяготеющих к прежней ВСП, и "современных левых", ориентирующихся на социал-демократическую программу (последние и определяют нынешний облик партии). Состав избирателей ВСП еще более сложен и многослоен.

Современные левые, представленные в парламентской фракции ВСП, в свою очередь, также неоднородны. Они делятся на различные идейные течения – народные (плебейское), синдикалистское (социально-ориентированное на профсоюзы), "новые левые" и либералы (позиции которых укрепляет коалиционное соглашение партии с ССД). Все эти факторы, несомненно, осложняют положение в ВСП, которая, по утверждению отдельных наблюдателей, "еще не выяснила систему своих воззрений на общество, а отчасти даже на политическую сферу, не выразила отношение к истории своего прошлого"³⁷. При этом подчеркивается, что заявлений партийных лидеров явно недостаточно для того, чтобы заполнить этот пробел. Будущее ВСП, а возможно и венгерской демократии будет зависеть от того, насколько окажется успешным 4-летний цикл правления партии со своим партнером по коалиции, сумеют ли они, обладая абсолютным большинством в высшем законодательном органе страны, до конца соблюсти правила парламентаризма, сохранить и укрепить венгерское правовое государство.

Сегодня трудно предугадать, как проголосуют избиратели в 1998 г., каково будет их волеизъявление. Названные проблемы, однако, реально существуют. Коалиция социалистов с партией свободных, или же, как они себя называют, либеральных демократов, на первый взгляд производит впечатление "странного брака", так как эти две партии, учитывая их прошлое, политическую природу и программные устремления, призваны следовать совершенно противоположным целям. Левая ВСП по идее должна защищать интересы бедных социальных слоев, ССД же, наоборот, является наиболее типичной партией капитала, а

следовательно, отстаивающей интересы самых богатых и зажиточных слоев нынешней Венгрии. Поэтому невольно встает вопрос о долговечности подобного "брака". Союз бедных и богатых, труда и капитала безусловно выражает внутреннюю противоречивость нынешнего коалиционного правления, что не может пройти без последствий, хотя бы для одного из партнеров. Сошлемся на оценку венгерского политолога Л. Шаламона, который подчеркивает, что ССД добровольно "превратил себя в партию-сателлита, упустив тем самым возможность стать верным представителем буржуазной альтернативы"³⁸. Явится ли альянс ВСП–ССД важным тактическим (а возможно, и стратегическим) поступком социалистов, ослабляющим позицию правых сил, либо приведет к росту недовольства сторонников партии, определит лишь будущее.

Не анализируя мотивы и возможные последствия для обеих партий заключенного между ними коалиционного соглашения, все же следует отметить, что за прошедшие пять лет ССД прошел путь от четко выраженного и ярко рекламируемого антикоммунизма до партнерства с социалистами, так и в долговечности нынешней социал-либеральной демократов, так и в долговечности нынешней социал-либеральной коалиции. По мнению политологов, более естественным был бы союз ВСП с социал-демократами.

Социал-демократическая партия Венгрии, которая также прошла трудный путь возрождения, действительно является естественной союзницей социалистов, придерживается социал-демократической ориентации. Эту партию до июля 1992 г. возглавляла Анна Петрашевич. Однако СДПВ, несмотря на свои богатые исторические традиции и авторитет в прошлом, на парламентских выборах 1990 г. не смогла стать парламентской партией. После смещения лидера в октябре 1993 г. различные группы социал-демократов избрали своим руководителем Золтана Кирай, независимого депутата парламента из числа коммунистов-реформаторов конца 80-х годов, который старался сблизить СДПВ с ВСП. Однако социал-демократы на выборах 1994 г. также не добились заметного успеха, и Кирай осенью того же года покинул партию. На его место пришел Ласло Капой, министр промышленности в 1984–1987 гг., избранный председателем СДПВ на 40-м съезде партии (октябрь 1994 г.). Съезд скорректировал политическую стратегию партии.

Будучи левоцентристской организацией, СДПВ тем не менее не стала поддерживать ни нынешнюю коалицию, ни оппозиционные силы. При этом она выражает намерение укреплять связи со всеми демократическими партиями, профсоюзами и общественными организациями, отстаивающими социал-демократические ценности. В последнее время СДПВ все теснее сотрудничает с центристской группой ВСП.

В политической структуре современной Венгрии более левой чем ВСП является Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСПП). Она часто именуется просто Рабочей партией, выступает за "реформированный государственный социализм" и объединяет приверженцев коммунистической идеи бывшей ВСПП. Ее сторонники после возрождения партии стояли на ярко выраженных левацких позициях и не пожелали поступиться принципами. Руководство, возглавляемое Д. Тюрмером, долгое время сохраняло принцип демократического централизма и лишь со временем пошло на некоторое обновление своих взглядов. На первых свободных парламентских выборах ВСПП не набрала нужные 4% голосов и осталась самой крупной тогда (30 тыс. членов) внепарламентской оппозиционной партией. Подобными же результатами завершились для нее и выборы 1994 г., когда она собрала еще меньше голосов. Социальную базу ВСПП составляют люди пожилого возраста и рабочие в районах горнодобывающей и тяжелой промышленности, переживающих спад производства.

Прошедший в октябре 1994 г. съезд ВСПП показал, однако, что наряду с представителями традиционного мышления в партии появились и прагматики, понимающие необходимость модернизации страны. Они признают различные формы собственности при определяющей роли государственного сектора, выступают за установление особых отношений с Украиной и Россией. Прагматики в ВСПП осознают, что еще долгое время общественные отношения в Венгрии будут определять реставрация капитализма, но при этом они по-прежнему верят в социалистическую перспективу, в возможность реформирования государственного социализма. Правящую в стране социал-либеральную коалицию руководство ВСПП то критикует, то поддерживает.

Проведенный анализ становления и развития венгерского плюралистического партийно-политического ландшафта свидетельствует, что в расстановке сил на политической карте страны за 1990–1994 гг. прошли определенные перемещения. В современной Венгрии существ-

ует шесть крупных партий, в целом определяющих облик всей нынешней политической структуры страны. Эти партии вошли в парламент и пользуются наибольшим авторитетом и влиянием среди населения. Они, как правило, определяют себя в качестве лево- или правоцентристских партий. Их стремление к такому самоопределению, выражение им доверия со стороны избирателей, в свою очередь, говорят о достаточно высоком уровне политической зрелости как самих партий, так и венгерского общества в целом, в котором крайние силы не пользуются поддержкой населения. По сути это означает, что Венгрия проявляет решимость быть демократическим правовым государством.

Примечание

- 1 A Magyar Szocialista Munkáspárt XIII, kongresszusa. Bp., 1985. 7. old.
- 2 Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 72.
- 3 Népszabadság, 1988. december 16.
- 4 Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1993. С. 95–96; 102–107.
- 5 Там же. С. 104.
- 6 Magyarország politikai évkönyve, 1990. Bp., 1990, 592–593. old.
- 7 Bozóki A. Politikai irányzatok Magyarországon // Magyarország politikai évkönyve, 1990. 188–189. old.
- 8 Ibid. 191. old.
- 9 Magyarország politikai évkönyve, 1990. 501. old.
- 10 Ibid. 511–514. old.
- 11 Pozsgay I. 1989. Politikus pálya a pártállamban és rendszer-váltásban. Bp., 1993, 96, 100–101, 108–111. old.; Восточная Европа на историческом переломе ... С. 105–116.
- 12 Желицки Б.Й. Трагедия ВСРП // Восточная Европа на историческом переломе... С. 105–116.
- 13 Венгерское обозрение. 1995. № 1. С. 10.
- 14 Pozsgay I. Op. cit. 248–250. old.
- 15 Венгерское обозрение. 1995. № 1. С. 11.
- 16 Факты о Венгрии. 1994. № 7. С. 2–3.

- 17 Magyar Nemzet. 1995. április 13.
- 18 Magyar Nemzet. 1995. február 6.
- 19 Политические партии и движения... С. 95–96.
- 20 Там же.
- 21 Magyar Nemzet. 1995. április 25.
- 22 Magyar Nemzet. 1995. április 29.
- 23 Uj Magyarország. 1995. március 28.
- 24 Uj Magyarország. 1995. március 28.
- 25 Ibidem.
- 26 Magyar Nemzet. 1995. április 29.
- 27 Magyar Hirlap. 1995. április 22.
- 28 Ibidem.
- 29 Magyar Nemzet. 1995. április 29.
- 30 Ibidem.
- 31 Ibidem.
- 32 Babus E. Fialat Konzervativok Szövetsége //HVG. 1995. április 29. 89–92. old.
- 33 Magyar Nemzet. 1995. április 29.
- 34 Magyar Nemzet. 1995. április 25.
- 35 Желицки. Б. Венгрия в меняющейся Восточной Европе: Из опыта социально-экономических преобразований 90-х годов //Свободная мысль. 1995. № 4. С. 63–78.
- 36 Magyar Hirlap. 1994. december 30.
- 37 Magyar Nemzet. 1995. április 25.
- 38 Magyar Nemzet. 1995. február 6.

ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬШИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х ГОДОВ

В 1995 г. в Польше, прошедшей путь кардинальных политико-идеологических перемен, к исполнению обязанностей приступило шестое по счету правительство. Итак, за шесть лет – шесть правительств. Однако развитие страны по новому курсу по некоторым своим признакам, особенно к концу отмеченного периода, стало напоминать движение по кругу. Политические деятели прокапиталистической, правой, рыночно-демократической ориентации все более стали опасаться рекоммунизации.

Начиналось же все даже не в 1989 г., а раньше. Состоявшемуся в феврале того года "круглому столу" предшествовали важные общественно-политические события. Пожалуй, не менее значимой вехой, чем диалог коммунистических властей и их политических противников стала амнистия, объявленная правительством в сентябре 1986 г. всем "некриминальным" заключенным, в результате чего на свободе оказались лидеры и наиболее заметные и активные деятели политической оппозиции, в том числе руководство "Солидарности". Оно восприняло решение властей с удовлетворением, но спустя десять дней после решения об амнистии – 21 сентября 1986 г. заявило, что одно лишь освобождение узников не устраняет причин социальной напряженности и экономического упадка страны. Если власти этим актом намеревались, показав свое великодушие, "утихомирить" общественное мнение и укрепить собственные позиции, то оппозиция расценила амнистию только как начало длительного процесса политического преобразования общества. Первоочередными задачами определялись: восстановление профсоюзного плюрализма, перестройка экономической системы и создание политического климата, позволяющего осуществлять независимую общественную деятельность. Освобождение политических за-

заклученных оценивалось как необходимое, но далеко не достаточное условие для начала диалога властей с оппозицией. Именно подготовкой к нему объясняется создание Временного совета "Солидарности", укомплектованного из недавно освобожденных известных солидаристских деятелей. "Солидарность" была на подъеме и перехватывала инициативу у ПОРП. Так, один из руководителей "Солидарности" Б. Геремек подчеркивал, что амнистия представляла собой начало новой политики властей, которые перед лицом экономической катастрофы стремятся расширить участие представителей общественности в политической жизни и тем самым смягчить взрывоопасную ситуацию, получить поддержку в осуществлении реформ. Наступательность, однако, сочеталась с готовностью идти на компромиссы. Лидеры "Солидарности" выразили готовность рассмотреть вопрос о постепенном восстановлении профсоюзного плюрализма, выслушать аргументы правительства относительно явлений, которые оно считало общественно опасными. Бывшие заключенные стремились поддержать правительство в проведении структурной реформы народного хозяйства и мерах по расширению "корсета" централизованного бюрократического планирования, создания условий для эффективного функционирования самоуправления на государственных предприятиях, восстановления истинного значения кооперации и пр. Оппозиция во главе с Л. Валенсой, идя на компромисс с правительством, в октябре 1986 г. требовала ликвидации американских экономических санкций в отношении Польши, принятых во время военного положения.

Правительство же не относилось всерьез к оппозиции, не расценивало ее в качестве действенного и стабильного фактора общественного развития. Власть предрержащие полагали, что "Солидарность" стала менее опасной. К сентябрьской же амнистии они относились не как к началу нового политического курса, а как к завершению этапа острой, бескомпромиссной борьбы. Налицо было стремление правящей команды В. Ярузельского лишить своих противников аргументов в обвинении властей в нарушении прав человека, создать вокруг себя гуманистический ореол, повысить свой авторитет в глазах отечественной и мировой общественности и заодно шансы на получение экономической помощи. Правительство было уверено в том, что сможет самостоятельно осуществить реформы, устранив со своего пути оппозицию, которая, как казалось коммунистам, не имеет обществен-

ной поддержки. Одним из инструментов "стерилизации" оппозиции должен был стать Консультативный Совет (КС) при председателе Государственного Совета. Ожидалось, что хотя бы часть умеренных оппозиционных деятелей на волне амнистийной эйфории откликнется на приглашение вступить в создаваемую организацию. Эффективность камуфляжа должна была повыситься вследствие приглашения в КС католических советников "Солидарности", но лишь один из них оправдал ожидания.

Возникший все же Консультационный Совет был абсолютно лишен не только политической репрезентативности, но и каких-либо полномочий. Не согласившись войти в его состав, оппозиция выразила не только недоверие к намерениям властей, но и отреагировала на их отказ конкретно решать проблемы свободы объединений и профсоюзного плюрализма, а также начать переговоры об общественно-политическом представительстве "Солидарности" во главе с Л. Валенсой.

В атмосфере спада амнистийной эйфории радикальные активисты "Солидарности" и Клуб католической интеллигенции заняли бескомпромиссную и решительную позицию. Этому значительно способствовал очередной визит в Польшу Иоанна Павла II. Опубликованный 31 мая 1987 г. руководством "Солидарности" документ, получивший название "Конституция оппозиции", представлял собой манифест политических свобод и выражал решимость бороться за них¹.

Лидеры ПОРП, потерпев фиаско на референдуме 1987 г. и получив отказ поляков еще раз "затянуть ремни" для осуществления "прогрессивных преобразований экономики", осознали необходимость серьезного, конкретного диалога с оппозицией. Началась подготовка к "круглому столу", состоявшемуся в начале 1989 г. "Круглый стол" принял решение о проведении выборов в двухпалатный парламент. В нижнюю палату нового парламента (сейм) при выборах заранее устанавливались квоты — 65% для ПОРП и ее союзников Объединенной крестьянской партии (ОКП) и Демократической партии (ДП), 35% — для "Солидарности". На бесквотных выборах в сенат коалиция ПОРП потерпела сокрушительное поражение. Все это ознаменовало начало перемен в государственно-политическом устройстве и кардинальное преобразование экономики. Изменение государственного устройства выразилось во введении поста президента Республики Польша (преж-

нее название страны – Польская Народная Республика упразднилось). Должность президента стала выборной. Первый президент – Войцех Ярузельский был избран парламентом, но вскоре он сложил свои полномочия в результате досрочных всенародных выборов президента в 1990 г., когда на этот пост был избран лидер "Солидарности" Лех Валенса.

Политическое развитие страны в первое "послереволюционное" время в значительной мере определяли участники "круглого стола", т.е. ПОРП и ее союзники, Общепольское соглашение профсоюзов и, конечно, "Солидарность". Она стала главной политической силой, но в то же время уже в 1989 г. в этой организации появились признаки серьезных противоречий – в "Солидарности" возникла фракция, заявившая о своей самостоятельности и несогласии с деятельностью и взглядами руководства, обвинив последнее в забвении идеалов августа 1980 г. Настроения раскола в некогда единой "Солидарности" охватывали не только крикунов-романтиков, но и серьезных политиков. Пожалуй, первым таким политиком, кто выразил протест против авторитарного монополизированного руководства "Солидарностью" Л.Валенсой, был легендарный Збигнев Буяк. По его мнению, в политических настроениях внутри "Солидарности", проецируемых на всю политическую жизнь страны, столкнулись два серьезных направления. Одно из них, к которому З.Буяк отнес и себя, олицетворяло "гражданственность, предельную демократичность, национальную и религиозную терпимость, стремление избежать крайностей". Другое, выделявшееся "крайней степенью ненависти к коммунизму", ориентировалось на агрессивную разрушительность.

Летом 1990 г. З.Буяк вместе с другим известным активистом "Солидарности" В.Фрасинюком возглавили новую общественно-политическую организацию – Гражданское движение "Демократическое действие" (ГД ДД), призванную противодействовать созданному под эгидой Л.Валенсы объединению правоцентристских сил². Антиподом ГД ДД стала охватившая всю страну мощная структура также сформированных на базе "Солидарности" Гражданских комитетов. Но они объединяли, особенно в регионах, людей с самыми различными и размытыми политическими взглядами.

Настроения раскола оказались настолько сильными, что даже среди солидаристской элиты – в Гражданском парламентском клубе, объединявшем парламентариев – членов "Солидарности", стали говорить о необходимости раздела "по-умному". Особенно настойчиво выступали за такое решение противоречий представители правоцентристского Соглашения Центр (СЦ)³. Именно оно стало в рамках распадающейся "Солидарности" основным идейно-политическим оппонентом ГД ДД.

Вообще довольно быстро после падения коммунистического режима начался распад существовавших в то время политических коалиций, блоков, течений и партий. Развал коалиции ПОРП происходил уже в период предвыборной кампании, когда людовские идеологи из ОКП по существу развязали против коммунистов настоящую идейную войну. Впоследствии само людовское движение стало ареной острейших идейно-политических и личностных конфликтов. В нем наряду с организациями, даже своими названиями декларировавшими принадлежность или тяготение к "Солидарности", сформировались праволиберальный блок и блок, который можно назвать посткапаэвским. Функционеры, активисты и рядовые члены ОКП, прекратившей свое существование в ноябре 1989 г., сформировали после определенных перипетий Польскую людовскую партию (ПЛП), доминирующую в людовском движении. В левом движении была создана постпорповская Социал-демократия Республики Польша (СДРП). На базе "Солидарности" в 1991 г. сформировались следующие идейно-политические направления: 1) либерально-демократическое (лидирующие организации в нем – Демократический Союз (ДС) и Либерально-демократический конгресс (ЛДК); 2) христианско-демократическое (Гражданское соглашение Центр); 3) традиционное, христианско-национальное (Избиральное католическое действие); 4) рабоче-профсоюзное ("Солидарность"); 5) левое рабочее ("Солидарность труда"); 6) радикально-националистическое (Конгресс независимой Польши); 7) людовское (Людовское соглашение)⁴.

В самой "Солидарности", что можно заметить и из перечня направлений, определено происходило разделение на собственно профсоюзную и политизирующуюся части и последняя заняла значительное место на польской политической арене. Помимо "Солидарности" в посткоммунистической Польше появилось и легализовалось много различных политических партий и организаций. С рядом из них стали сли-

ваться солидаристские организации, находя общую идейную платформу.

Уже в 1990 г. в Польше действовало более 100 политических партий и группировок. Среди правонационалистических партий можно назвать Национальную партию, Польскую национальную партию, Национальную партию "Шербец", Христианско-национальное объединение, Национальную демократию, Национальное возрождение Польши, Национальный перелом и др.⁵

Консервативно-либеральное направление было представлено Гданьским Конгрессом либералов, Движением польской политики и Союзом реальной политики (СРП). Интересно, что либералы во главе с профессором Я. Бексяком представили программу экономических преобразований раньше Л. Больцеровича. Приверженцы консервативно-либеральных идей во многом разделяли положения его программы, однако, высказываясь более последовательно и радикально, считали, что основой развития и функционирования экономики должны стать "невидимая рука" рынка и частная собственность. Союз реальной политики вместе со своим лидером Я. Корвин-Микке категорически противился любым методам сдерживания инфляции, в то же время допуская ограниченную дотацию на энергоносители, основные продукты питания, транспортные и телекоммуникационные услуги, средства личной гигиены. Допущением дотирования СРП обнаруживает некоторое сходство с Партией труда (ПТ), прокламировавшей стремление к социальной рыночной экономике. Выступая за плюрализм собственности, ПТ при этом считала, что государство должно брать на себя заботы о занятости, равновесии во внешнеторговом обороте и т.п. ПТ также активно предлагала обеспечить участие работников в управлении предприятиями, в том числе и посредством акционирования. Эта партия выражала опасение, что лавинообразно нарастающая безработица может стать причиной развала строящейся с большим трудом политической демократии. При этом ПТ официально заявляла, что основной сферой ее деятельности является экономика. Это принципиально отличало ее от Конфедерации независимой Польши, которая свое единственное назначение видела в борьбе за удовлетворение социальных потребностей трудящихся. Теоретики КНП считали, что проведение реформы с целью развития рыночных отношений должно привести к доминированию капитала мелкого предпри-

нимательства. Наряду с мерами, направленными на реформирование, предлагалось ликвидировать дотации государственным предприятиям, а издержки реформ покрыть за счет сокращений расходов на оборону и распродаж так называемой общественной экономики. В соответствии с экономическими рецептами КНП рост спроса должен будет стимулировать предприятия, работающие на прибыль, а проблема безработицы может быть существенно смягчена ликвидацией экономической необходимости использования женского труда и организацией общественных работ. Следует отметить, что КНП, придерживаясь пилсудчиковских традиций, определенно склонялась к национализму.

Весьма влиятельная левая (но не коммунистической направленности) партия – Польская социалистическая партия (ППС) заняла крайне критическую позицию в отношении плана Бальцеровича. По мнению руководства ППС, штатным теоретиком которой стал ранее выполнявший аналогичные функции в ПОРП А. Маляновский, объективно экономическая реформа в стране привела лишь к падению производства, массовой безработице, нужде, и делалось это все по рекомендациям Международного валютного фонда. В своих оценках экономической политики ППС опиралась на Социнтерн, предостерегавший поляков от чрезмерного восхищения проводимой либерализацией экономики. В 1990 г. ППС не имела готовой концепции альтернативной экономической программы, но совершенно определенно она склонялась к созданию много-секторной рыночной экономики, функционирующей в условиях равных прав разных форм собственности. Определение стратегических направлений экономической политики партия относила к компетенции государства. ППС выступала за то, чтобы свободный рынок не был диким, выдвигала требование как можно быстрее покончить с монетаристским доктринерством и приняться за разработку и реализацию правительственных программ развития сельского хозяйства, реструктуризации и развития промышленности, внешнеэкономических связей, дешевого жилищного строительства, защиты культуры и среды обитания. От государства партия требовала заняться разработкой и реализацией комплексной программы социальной защиты бедных и прекратить поддержку богатых, проводя активную политику в сфере доходов и занятости. Горячее одобрение эти позиции ППС нашли у сформировавшейся в Гражданском парламентском клубе Группы защиты интересов трудящихся

(ГЗИТ). ГЗИТ была создана по инициативе известного солидаристского деятеля Рышарда Бугая, взгляды которого после наметившегося раскола "Солидарности" явно полевели.

Уже весной 1990 г. решался вопрос прочности возникшей несколько раньше на волне поражения коммунистов коалиции "Солидарность" – Людовцы – Демократическая партия⁶. Однако эта коалиция была недолговечной из-за неоднородности, а также раскола в основных образующих ее партиях. В то же время уже в 1989–1990 гг. можно обнаружить признаки сближения между "постокапэевскими" людовцами и наследницей ПОРП – Социал-демократией Республики Польша, которое базировалось на критическом отношении к правительственной экономической политике. СДРП, вырабатывая программно-теоретические постулаты, стремилась укрепить свои позиции лидера левых сил и расширить социальную базу партии.

Демократическая партия в новой политической и социально-экономической реальности пополнила ряды немногочисленных политических организаций, многие из которых, как и сама ДП, имели ярко выраженную профессиональную ориентацию. Это, например, Польская экономическая партия (ПЭП), не имевшая собственной экономической программы, но выступавшая за экономическую свободу на основе менеджерской этики. Кроме ПЭП, можно упомянуть Комитет поддержки польского капитализма и Союз свободных кооператоров. Возникшее в 1990 г. Соглашение над расколами⁷ не оставило заметного следа в политической жизни.

С 1990 г. политические различия перестали определяться только противоборством "Солидарность" – коммунисты. Основной доминантой в политической жизни страны, несмотря на всю ее пестроту, в 1991 г. становится углубляющийся антагонизм левых и правых сил, который обуславливался различиями в отношении к Костелу, к плану Бальцеровича, экономическим реформам, приватизации и новым неэгалитарным принципам социальной политики. Играло свою роль и отношение к сильной президентской власти и к расширению полномочий парламента. Отчетливо выявилась и еще одна линия разграничения политических позиций – деление на "европеистов" и "консерваторов" – защитников национальных традиций.

На этом фоне общественного сознания выделились следующие наиболее влиятельные политические партии — Демократический союз и Либерально-демократический конгресс, пользовавшиеся поддержкой сторонников либеральной демократии и экономических реформ; Польская людовская партия и Лисдовское соглашение, выражавшие интересы сельского населения; Союз демократических левых сил, сформировавшийся во главе с СДРП, и в определенной мере "Солидарность труда", представлявшие граждан левой ориентации; Гражданское соглашение Центр и Предвыборная католическая акция, объединившие представителей христианско-демократических и националистических кругов, часть которых вошла также в лагерь сторонников Конфедерации независимой Польши, который привлек к себе и некоторых представителей Соглашения Центр и раскалывающейся "Солидарности"⁸.

Наиболее дальновидные политические деятели правой ориентации уже в 1991 г. осознали, что в Польше не складываются условия доминирования правых сил и имеется реальная возможность восстановления прежних государственно-социалистических порядков. Фактором, способствующим этому, становится политическая борьба, характеризующаяся отчаянным соперничеством, безразличием к перспективам страны и манифестацией партикуляризма. Именно на этой основе, по мнению специалистов, создавались предвыборные блоки с тем, чтобы оформиться в депутатские коалиции в новом Сейме осенью 1991 г., в котором также не прогнозировалось образование прочного и активного объединения правых сил⁹. С целью противодействия организационной раздробленности и достижения консолидации правых и последовательно прокапиталистических и антикоммунистических сил предпринималось несколько попыток. Первые серьезные попытки относятся еще к 1990 г. Так, в сентябре 1990 г. в Варшаве прошли заседания Форума демократических правых сил (ФДПС). Принятые на нем тезисы должны были послужить основой программы, в соответствии с которой признавалась президентско-парламентская система, как наиболее полно сочетающая политическую свободу и стабильность государства. В экономической сфере ФДПС выступал за последовательное развитие свободного рынка, отказ государства от предпринимательских функций и создание сильных, конкурентоспособных и прибыльных фирм. Под-

черкивалось, что предлагаемые в этом направлении действия должны быть выдержаны в духе добросовестности, а намеченные изменения должны привести к формированию стабильной экономической системы. ФДПС поддержал Тадеуша Мазовецкого, выдвинутого кандидатом в президенты. Намечено было созвать общепольский съезд правых сил в ближайшее время¹⁰. I конгресс Форума демократических правых сил состоялся в начале ноября в Катовицах. Подтвердив все выдвинутые раньше концептуальные и персональные оценки, ФДПС заявил о себе как об организации, объединяющей либералов, христианских демократов и консерваторов. Приняв устав, ФДПС формально стал партией¹¹, которая впрочем просуществовала недолго, войдя вместе с Гражданским движением Демократическое действие в мае 1991 г. в Демократический союз¹².

Свою позицию по актуальным проблемам страны выразило и правоцентристское Соглашение Центр, которое в одном из своих документов в середине 1991 г. заявило, что "постоянно слабеет общественная поддержка реформ и все меньше людей связывают их успех с собственным будущим. План Бальцеровича не представляет концепции развития экономики. Польшу охватывает политический кризис, скомпрометированный сейм тормозит реформы. Правительство повисло в пустоте, а аппарат президента лишен реальных полномочий". В такой ситуации СЦ выразило готовность предпринять действия для "укрепления Речи Посполитой, которая должна стать полностью суверенным и самостоятельным государством"¹³.

Между СЦ и ДС, несмотря на казалось бы сходные идейные установки и общее солидаристское происхождение, установились враждебные отношения. Обе партии обвиняли друг друга в сотрудничестве с посткоммунистами. Политическими союзниками СЦ были Гражданская коалиция Центр, "Солидарность", "Солидарность" крестьян-единоличников, ряд христианско-демократических организаций, гражданские комитеты.

Серьезным политическим течением, имеющим много общего с правыми партиями и готовым блокироваться с ними, стал либерализм. Одной из наиболее сильных политических организаций либерального толка стала партия Либерально-демократический конгресс (ЛДК). ЛДК, ведя свое происхождение от "Солидарности", менее других связывал се-

бя с ее традициями. Эта партия заявила на I Общепольской партийной конференции летом 1991 г., что либеральный идейный выбор создает хорошие предпосылки для развития страны. Но при этом ЛДК не относил себя к партиям конъюнктурного типа несмотря на то, что его лидер – Я. Белецкий в то время был премьер-министром. Привлекая к себе людей, по настроениям и убеждениям не связывающих себя с "Солидарностью", ЛДК видел свое будущее в качестве мощного интеллектуального объединения. ЛДК выдвинул на первый план перестройку экономики и государства. Одна из главных концептуальных установок этой партии – мировоззренческий нейтралитет государства, которое, по мнению ЛДК, должно быть сильным, но подчинено закону и ограничено в своих полномочиях в пользу различных сообществ граждан и местных самоуправляющихся организаций, которым следует обеспечить солидный правовой и финансовый фундамент¹⁴.

Демократический капитализм – обязательный минимум и общая ценность, объединяющая польских либералов. Их не интересует, из каких общих мировоззренческих позиций исходят сторонники прокапиталистической концепции развития польского общества, главное для них – стремление к построению демократического капитализма. Либерально-демократический конгресс особое значение придавал организации социально-экономической и политической жизни, не касаясь духовных сфер и не стремясь как-либо их формировать. Все это предполагало идейно-программные различия и фракционность внутри партии. Но были и призывы к созданию в рамках ЛДК консервативно-либеральной фракции, выступающей за сближение христианства и либерализма, что могло бы обогатить построение капитализма в стране христианскими ценностями и компенсировать духовное опустошение в обществе, оставленное "реальным социализмом"¹⁵.

Тогда же заявила о себе Консервативно-либеральная партия (КЛП), резко отрицательно относившаяся к "неолевому правительству Мазовецкого", которое, по словам представителя КЛП Ендрушака, камуфлирует видимостью капиталистической эволюции коммунистическую политику¹⁶. Эта партия не оказала заметного влияния на развитие политических событий.

К правым силам примыкает и Партия христианских демократов (ПХД), считавшая, что необходимо внести существенные изменения в

социальную политику, усилив борьбу с алкоголизмом, расширив помощь многодетным и неполным семьям¹⁷. Лидер Христианско-демократической партии "Объединение" М. Лэнтковский всячески поддерживал политические взгляды Л. Валенсы за его приверженность идеалам политического плюрализма и высказал сожаление, что его партия однозначно не поддержала Валенсу на президентских выборах¹⁸.

Возродившаяся в июне 1991 г. Национально-демократическая партия (НДП) при активном участии делегатов, приехавших из США, Канады, Великобритании, Франции и других стран, выразила прежде всего обеспокоенность наступательной позицией левых сил, поддержала лидера "антиокапэевского" крыла в людовском движении Р. Бартоше, осудила методы политической борьбы номенклатуры ОКП. НДП одновременно заявила о недоверии так называемой партии "Х" и ее лидеру постоянно проживавшему в США Тыминьскому¹⁹.

Среди крайне националистических партий можно выделить Польский национальный фронт, Национальное возрождение Польши, Польскую национальную партию, Национальную партию, Польское национальное сообщество – Польская национальная партия. Подобным партиям свойственен ярко выраженный национализм в соединении с откровенным антисемитизмом. В частности, последняя из перечисленных партий выделяется еще и дружескими отношениями с русскими националистическими организациями. Среди правых партий в Польше есть и такая, которая ставит целью восстановление монархии – Союз реституции монархии²⁰.

Свою обособленность от основных правых партий провозгласил Союз реальной политики. Он оценивал влияние международных банков на формирование программы повсеместной приватизации как негативное, критиковал политику правительства и по ряду других вопросов²¹.

Конфедерация независимой Польши по своим концепциям общественно-экономического устройства, выдвинутым в 1991 г., может быть отнесена к партиям левого толка.

В 1991 г. была предпринята новая попытка объединения и консолидации правых сил перед лицом опасности возрождения государственно-социалистических порядков. Л. Мажевский из ЛДК и Г. Гжеляк из Республиканской коалиции создали Республиканский конгресс, кото-

рый впрочем, как и предполагалось, не оправдал связанных с ним ожиданий²².

Выборы 1991 г. не принесли видимого разрешения спора между приверженцами и противниками принятых к реализации реформ (так называемый "план Бальцеровича"), а также сторонниками и оппонентами усиления роли Костела в общественной и обыденной жизни. В парламенте создалась ситуация, исключая возникновение какого-либо депутатского большинства, консолидированного на идейно-программной основе. Попыткой изменения окостеневшей парламентской структуры была в июне 1992 г. так называемая "люстрация", т.е. выявление степени ангажированности парламентариев и государственных чиновников тоталитарно-коммунистическими структурами и, исходя из этого, лишения их права занимать должности в госучреждениях и избираться в органы представительной власти, "Декоммунизацию" предполагалось соединить с "деагентуризацией" и тем самым, ослабив левые силы, укрепить правые. Планируемая цель не была достигнута. Более того, правый лагерь летом 1992 г. пережил серьезные потрясения. Отставка премьера Ольшевского углубила противоречия в среде правых "прокапиталистических" сил. Новая правительственная коалиция Демократического союза, Либерально-демократического конгресса и Христианско-национального объединения, поддержанная частью "Солидарности", оттолкнула центристское Соглашение центр в оппозицию. Но в условиях социальной напряженности, всеобщей политической раздробленности и антагонизации возникла коалиция, объединившая либерально-демократический и христианско-национальный лагери, одобряющая болезненно воспринимаемую значительной частью общества экономическую политику. Характерно, что в результате этих маневров изменилась стратегия Демократического союза – она стала более либеральной в экономической и более консервативной в общественно-культурной сферах. Диалектика же данного политического развития такова, что возникшая коалиция, а также те ее группировки, которые были связаны с сельским электоратом и электоратом наемных работников, начали терять контакт со своими приверженцами. Коалиция или оппозиция – дилемма, вставшая перед сторонниками Людовского соглашения и "Солидарности". Выбравшие второе стали тяготеть к левым силам, а то и поросту их поддерживать.

Перемещения политических сил и блоков открыли "свободные" места для новых организаций. "Дрейф" ДС направо вызвал рост популярности Союза труда, возникшего в результате реформирований "Солидарности труда". В среде поддерживающих правительство партий из "лагеря Валенсы" сформировалось Движение для Речи Посполитой.

К 1993 г., т.е. к моменту новых парламентских выборов, на польской политической сцене не произошло серьезных структурных изменений²³. Прекратили свою деятельность или существенно ее сократили следующие партии и организации, имевшие в 1991 г. определенное влияние в обществе: Партия "Х", Польская партия приятелей пива, "Солидарность труда", Партия христианских демократов, Народно-христианская партия, Польская экономическая программа, Либерально-демократический клуб. В результате дроблений и новых объединений возник ряд новых партий²⁴. Однозначно можно было констатировать рост влияния Союза демократических левых сил, возглавлявшегося СДРП. Сокращалось и число негативно относившихся к этой политической силе. Трудности реформирования экономики способствовали ослаблению неприязни поляков к коммунистическому прошлому. СДЛС расширил свое влияние за счет отколовшихся от либерально-демократического лагеря ряда организаций.

Потенциальными соперниками СДЛС по привлечению сторонников в складывающейся ситуации, по оценкам экспертов, могут стать не правые, а наиболее радикальные критики правительственной социально-экономической политики из Крестьянской самообороны и Партии "Х" и вообще все, кто составляет популистскую среду движения бунта, пока дезорганизованную из-за отсутствия влиятельных лидеров.

Наиболее сильной политической организацией, представляющей интересы сельских жителей, несомненно является посткампэвская ПЛП, которая укрепляет свои позиции, отвлекая сторонников из "лагеря бунта". Это обстоятельство радикализирует линию партии, не меняя, однако, устойчивой государственно-охранительной сути ПЛП и уменьшая риск социального взрыва. Естественно не следует забывать о том, что ПЛП после весьма продолжительных распрей захвати-

ла лидерство в людовском движении и представляет концепцию развития экономики с распределительной ролью государства.

В лагере защитников традиционных ценностей, выступающих за возрастание влияния Костела, доминирует Христианско-национальное объединение. Но возможности этой организации на выборах в парламент целиком зависели от поддержки со стороны Костела – как это было в случае с Католической избирательной акцией в 1991 г.

Людовское соглашение и Польская конвенция имеют довольно слабую социальную поддержку. ЛС могло бы укрепить свои позиции, выступая вместе с ПЛП, чему, однако, мешают серьезные идейно-политические и личностные разногласия. Возможны альтернативы и в виде сближения ЛС с правоцентристской оппозицией – с Соглашением Центр и Движением в поддержку реформ. Польская конвенция более всего тяготеет к Христианско-национальному объединению и Беспартийному блоку сотрудничества с правительством.

КНП, Соглашение Центр, Движение в поддержку реформ, основная часть "Солидарности" – организации, объединенные убеждением, что для Польши одной из самых серьезных проблем, является проблема декоммунизации. Однако близкий к КНП Союз труда не разделял этого мнения.

Появление Беспартийного блока сотрудничества с правительством было результатом инициативы Л. Валенсы по созданию правительственной коалиции, поддерживающей реформы²⁵.

Раздробленные, не имеющие общей идейно-программной платформы, не способные пропагандистски преодолеть углубляющийся пессимизм населения относительно "прокапиталистического" развития правые и антикоммунистические силы на осенних парламентских выборах потерпели поражение. Победил Союз демократических левых сил во главе с посткоммунистической СДРП и посткапэвская ПЛП. Но только ли дело в общественном сознании и травмированной социально-экономическими трудностями психологии народа?

Оказавшись на вершине пирамиды власти в стране, бывшие лидеры "Солидарности" перессорившись между собой, продемонстрировали такие крайне отрицательные качества, как высокомерие и самоуверенность, сочетавшиеся с некомпетентностью и неумением наладить кон-

такты и взаимодействие со средствами информации, деятелями культуры и науки. Этими обстоятельствами не могли не воспользоваться представители порповского аппарата власти, которые не только остались в государственных структурах после революции 1989 г., но и занимали ключевые посты, сохраняя и создавая новые неформальные связи, занимая решающие позиции в госаппарате и системе управления экономикой. Постпорповцы поддерживали в общественном сознании довольно быстро утвердившийся стереотип, что именно "Солидарность" приняла всю полноту власти на себя, все контролирует и за все отвечает. При этом абсолютно игнорировались такие, например, факты, что весь период после "круглого стола" Министерство финансов и Национальный польский банк были в ведении бывших сотрудников экономического отдела ЦК ПОРП.

Левые и посткоммунистические силы проявляли после поражения 1989 г. завидную гибкость и находчивость. Например, либеральному радикализму они противопоставили идеи, почерпнутые из социальных доктрин Костела и т.п. Естественно, нельзя говорить о коммунистическом заговоре. Деятельность постпорповских сил была направлена скорее на выживание в новых условиях. Одними тактическими просчетами и неопытностью правого лагеря также нельзя объяснить его поражение. Комплекс всех причин предрешил победу левых сил на парламентских выборах 19 сентября 1993 г. Немалую роль сыграл в этом и раскол солидаристского лагеря – сначала из него вышел Демократический союз, затем из солидаристского Гражданского парламентского комитета выделилась леволиберальная группа, началась война руководящих структур правых сил постсолидаристского лагеря, его организационное дробление на партии с различными центристскими, радикальными и либеральными оттенками, вступившими на путь соперничества за идейно-политическое лидерство. Абсолютно при этом игнорировалась проблема консолидации сил для противостояния левому лагерю, который, используя ситуацию, наращивал мощь и расширял социальную базу.

Правые и центристские силы не создали, имея влияние на механизмы власти, ни одной организационной структуры, способной объеди-

нить и скоординировать распавшиеся центристские и правоцентристские движения. Не были разработаны достаточно доступные массовому восприятию программы этих движений. Правоцентристские элиты не оценивали деятельность своих представителей в органах власти, игнорировали социальное учение католической церкви. Организации оппозиционного христианско-демократического движения, возникнув в период коммунистического правления в виде многочисленных клубов, товариществ и т.п. и войдя в состав или примкнув к "Солидарности", с 1989 г. вступили в новый этап дробления. В результате не был сформирован организационный и идеологический фундамент антикоммунистической, антилевой формации. К осуществлению этой задачи, казалось бы, приближалось Христианско-национальное объединение, но не решило ее. Что касается Соглашения Центр, то внутренние распри по поводу идейного облика этой партии привели к ее фактическому организационному распаду. От нее отошли даже многие из тех, кто связывал с СЦ надежды на то, что эта партия займет твердые позиции на политической сцене. Возникшая в 1993–1994 гг. коалиция СЦ–ХНО существует во многом лишь благодаря журналистским стараниям.

Польские центристские и правоцентристские силы, вопреки всем традициям отказались от таких качеств, органически присущих этим движениям, как приверженность к рутинной и повседневной работе по созданию организационной сети и хозяйственно-финансовой базы, т.е. именно того, что определяет стабильное существование, обеспечивает доступ к средствам массовой информации, проведение работы на местах. Все это можно было сделать. Был период, когда люди старой системы, осевшие в государственных структурах были охвачены страхом, и деятельности антикоммунистических сил никто не мешал. Но вместо этого шли поиски врагов в собственном лагере. Левые же силы создали Союз демократических левых сил.

Естественно 40 лет господства коммунистов снижали возможности правых сил, подрывали их морально-интеллектуальный потенциал. В этой связи правый и правоцентристский лагеря не учли того, что без разумного компромисса с политическими оппонентами они не смогут успешно проводить в обществе какую-либо весомую деятельность. Правоцентристы совершили ошибку, не сделав ни одного доброго жеста хо-

тя бы в отношении части элиты старой системы, не обремененной преступлениями коммунизма. Были исключены варианты "испанской версии" изменения политического строя. Этот промах тем более разительен, если учесть, что по крайней мере с конца 70-х годов в коммунистическом аппарате отчетливо просматривалась деятельность оппортунистов "саботажников". Управленческая элита, особенно хозяйственная лучше кого-либо предвидела крах системы. После же 1989 г. к ведущим политикам солидаристского правого блока обращались с предложениями о сотрудничестве многие из тех, кто был хорошо информирован о тайнах функционирования тоталитарно-социалистического государства. Демонтаж структур этого государства при помощи предложивших свои услуги его руководящих чиновников шел бы значительно успешней. Вообще не была выработана даже в общих чертах модель освоения в новых политических условиях старых учреждений вместе с их персоналом. Попытки, предпринимавшиеся в этом направлении Демократическим союзом и Либерально-демократическим конгрессом, были настолько неуклюжи, что лишь вызвали иронию со стороны фундаментальных коммунистов. Декларируемая всеобщая декоммунизация напугала и оттолкнула от новой власти значительные слои населения. От нее пострадала интеллигенция, совсем не являвшаяся носителем тоталитаристского менталитета, тогда как конкретные судебные процессы против действительных участников преступлений коммунистического режима не проводились. Коммунистическая номенклатура не только хорошо устроилась при новом экономическом порядке, но продолжает занимать многие крайне важные ключевые посты в госаппарате²⁶. Именно в этом заключается одна из основных особенностей политико-экономического развития Польши, объясняющаяся еще во многом парадоксом "круглого стола", на который коммунистическая номенклатура пошла, вполне "созрев" для перехода к капиталистической экономике. Более того, по мнению ряда аналитиков, собираясь использовать свои позиции в бюрократических структурах для своего привилегированного вхождения в рыночные отношения, коммунистическая сторона была разочарована тем, что солидаристские оппоненты направили на "круглый стол" делегацию с социал-демократической ориентацией и оказались слишком левыми.

Дело перехода Польши к капитализму и без солидаристских активистов было в крепких руках коммунистической номенклатуры, а в основе организации "круглого стола" и воссоздания "Солидарности" лежали интересы западных банков, обеспокоенных угрозой потери одолженных миллиардов. Западу было нужно такое польское правительство, которое, с одной стороны, не поддастся бы на уговоры Москвы не возвращать займы, а с другой – смогло бы проводить жесткую стабилизационную политику. Это и породило причину первого разочарования общества, ожидавшего мягкого щадящего перехода по социал-демократическим стандартам, а получившего комплекс суровых монетаристских мер, лишенных социально-защитной направленности и отягощенных другими негативными особенностями. Голосовали за свободную обеспеченную жизнь и личностей, обещавших ее после крушения коммунистического режима. Имело место и прямое сокрытие от общества реально замышляемых действий. В данном случае речь идет не только об оптимистических обещаниях Бальцеровича, прекрасно осознававшего, какой болезненный период ожидает страну в связи с реализацией его плана.

Упомянутые выше негативные особенности перехода к рынку выражаются, в числе прочего, в том, что ожидаемое реформирование экономики с социал-демократическими "люфтами" и элементами НЭПа, направленное прежде всего на активизацию мелкого предпринимательства и малую приватизацию, было попросту задавлено укреплением номенклатурного капитализма. Характерно, что последний стал преимущественно механизмом, нацеленным на перераспределение уже произведенного, а не на организацию производства. Еще в середине 80-х годов возникли учреждения, создающие капитал. Первая фаза этого процесса выразилась в появлении многочисленных "пристроек" при государственных предприятиях, вторая – в создании разнообразных фондов, коммерческих банков, организаций, "пересекающихся" в своей деятельности с имеющим весьма расплывчатый профиль задач Фондом обслуживания иностранной задолженности. Все эти учреждения позволяли финансировать бюджет примерно пятнадцати наиболее крупных номенклатурных фирм. И наконец, третий этап – нынешний – означает функционирование номенклатурных капиталистов в организо-

ванных группах и так называемой гибридной формулы собственности. Выражается это, в частности, в следующей схеме – создается учреждение "матка", к которой примыкает группа предприятий, получающих вследствие такого положения исключительные права выхода на тот или иной рынок или исключительный доступ к учреждению, снижающему издержки и риск. Возникла сложная ситуация, в которой все отчетливее вырисовывается частный капитал, как правило, представляемый через так называемые доверительные фонды, и весьма туманные конкретные схемы функционирования. Однако совершенно определено, что общая направленность всех подобных построений служит межсекторной перекачке финансов естественно из государственного сектора в частные руки. Таким образом происходит первоначальное накопление и концентрация капитала²⁷.

Всегда существуют противоречия между государственно-политической элитой и обществом, различия в восприятии и оценке тех или иных событий. По целому ряду причин в странах с неразвитой демократией, нестабильными социально-политическими отношениями эти различия обостряются, тоталитарное же наследие, процесс выхода из монопольной идеологизированности и планово-бюрократической "зажатости" доводят их до конфликта. Идеализированные ожидания вошли в острый конфликт с повсеместно нарушавшимися в ходе экономической трансформации как выработанными в предыдущие десятилетия нормами социального общежития, так и общепризнанными этическими нормами. А посему и неудивительно, что придавленное экономическими тяготами, возмущенное хищничеством нуворишей, психологически не освободившееся от периода "социалистического строительства" польское общество на парламентских выборах осенью 1993 г. проголосовало за коалицию Союза демократических левых сил, основу которой составляют Социал-демократы Республики Польша, и Польскую людовскую партию – прямых наследников ПОРП и ОКП – правящих партий коммунистического периода. Вопреки предостережениям Леха Валенсы, после парламентских выборов не произошли массовые манифестации с требованием защиты президента от "левого напора". Наоборот, настроения основной массы граждан, по данным исследовательских центров общественного мнения, оказались более, чем положительными. Но в то же время ряд профессиональных поли-

тиков и аналитиков предсказали, что правящая коалиция, создавшая свой коалиционный кабинет министров, во главе которого встал "постокапэевский" людовец Вальдемар Павляк, или полностью откажется от выполнения своих предвыборных обещаний или доведет экономику страны до развала²⁸. Но после выборов оказалось, что левые "вожди", возглавив парламент и подчинив себе исполнительную власть, совсем не собираются менять экономическую политику в сторону большего удовлетворения социальных нужд, а, скорее, наоборот. Чтобы не раздражать Международный валютный фонд, вскоре после прихода к власти они решили еще больше сузить бюджетные выплаты на социальные нужды. Интересно, что еще перед самыми выборами лидеры Союза демократических левых сил упрекали Либерально-демократический конгресс в том, что он лишь создает видимость приверженности буржуазным нормам, а в действительности "украл" у СДЛС левую экономическую программу, отвечающую интересам голодающих, безработных и бездомных, и пугает ею бизнесменов. Отмеченное можно в определенной мере объяснить "играми", рассчитанными на расширение электората. Заботами об укреплении связей с массами вызваны и жесты уважительности к католической религии со стороны ряда партийных лидеров СДРП, в том числе занявших ответственные государственные посты, хотя общая платформа руководства партии совершенно откровенно антиклерикальна. Не может не вызвать определенного удивления и горячее стремление социал-демократических руководителей преодолеть все преграды к вступлению Польши в НАТО. Противоречит левой концепции и проволочка с выполнением продекларированной передачи всей полноты власти местным советам и осуществлением реформы территориального самоуправления, причина которой коренится, впрочем, в опасении "разрастания" территориальной самоуправительности в федерализацию, грозящую распадом страны. А все отчетливее выявляющиеся намерения "постпорповского" социал-демократического руководства увеличить долю менеджеров, банкиров, бизнесменов в штатах учреждений хозяйственного и финансового профиля, таможенном ведомстве указывают на все большее вытеснение левой лозунговости оппортунизмом²⁹.

Естественно, направленность деятельности руководящего эшелона новой польской социал-демократии не может отождествляться не толь-

ко с настроениями всех членов СДРП, но и со всем современным левым движением в Польше – сложным и неоднородным, как по генезису, так и по составу, и идейному содержанию.

Так, на I конгрессе Союза труда, состоявшемся в январе 1993 г., было заявлено о том, что это будет "партия чистых рук ... истинно социал-демократическая, не отравленная ни наследием коммунизма, ни выходками правых сил". Толерантность и демократичность, готовность к сотрудничеству со всеми честными людьми из левого политического спектра соответствуют солидаристскому, в самом лучшем значении этого слова, происхождению ее основателей. Среди них Александр Малаховский, Рышард Бугай, Кароль Модзелевский, Збигнев Буяк. Эти личности пользуются большим авторитетом в обществе и вызывают чувства уважения даже у политических противников. Левая, социал-демократическая ориентация предполагает, что Союз труда будет значимой и перспективной партией, позволит Л. Валенсе найти политическую опору "на левую ногу"³⁰.

Таким образом, в левом секторе политической панорамы возникли две социал-демократические партии, одна из которых была тесно генетически связана с "Солидарностью", другая – соперничала с ней, будучи ее антагонистом. Обе относящие себя к социал-демократическому движению партии были приняты в Социалистический Интернационал и одновременно с организационным развитием ведут концептуально-теоретические поиски, полемику о роли и месте социал-демократии в современных польских условиях. В частности, профессор Казимеж Кик выступил с критикой программной концепции СДРП, разработанной Збигневом Сементковским, основывающейся на совершенствовании партийных структур и методов работы применительно к условиям развитого капитализма. По мнению К. Кика, она не учитывает реалий переходного периода и строится в расчете на несуществующие сейчас средние классы. Социал-демократическая же концепция, представляя интересы 70% общества, не принимающих участия в экономических переменах, призвана строить социальную рыночную экономику, совершенствовать механизмы рынка как источника богатства и укреплять государство как инструмент распределения этого богатства. К. Кик придерживается мнения, что социал-демократия должна отказаться от партийных форм деятельности и выступить как центристское политическое

движение, опирающееся на программные положения левых христианских кругов, социал-либерализма и, конечно, социал-демократические традиции.

Ряд ученых – представителей Института политических исследований ПАН – критически оценили представленную К. Киком концепцию социал-демократии как общественного движения, назвав ее анахроничной. Они утверждают, что идея общественного движения была исчерпана и скомпрометирована "Солидарностью". К. Кик подвергался также критике за преувеличение значимости фактора классовости в современных условиях и некорректное использование термина "капитализм". Сам К. Кик предложил создать учреждение для координации исследований по проблемам социал-демократии, в которой личностные антипатии по существу начали брать верх над аргументами.

Профессор Тадеуш Ивиньский, признавая, что социал-демократия была традиционно третьим путем между "реальным социализмом" и "диким" капитализмом, выражает суждение, что польские условия слишком специфичны и не могут быть адекватны этому третьему пути. Он отметил программную слабость как СДРП, так и Социалистического Интернационала³¹.

Разнородность левого сектора политической панорамы не исчерпывается противоречиями интеллектуального свойства между теоретиками и лидерами партий социал-демократического толка, в том числе и по ряду весьма принципиальных вопросов, среди которых и такой политически весьма актуальный, как отношение к "Солидарности". В другой крупной и активной части левого движения – социалистической – доминирует негативное отношение к "Солидарности" и Л. Валенсе. Сегодня в Польше функционирует более десяти социалистических партий. Некоторые из них, во многом из конъюнктурных соображений, склонны к блокированию и сотрудничеству с возглавляемым СДРП Союзом демократических левых сил. Лидер другой – П. Иконович заявил, что ППС "не собирается входить в Союз и соединяться с ним". Две из них, наиболее влиятельные, решили объединиться на состоявшемся в марте 1995 г. Конгрессе единства ППС, где было сообщено, что общая партийная интеграция должна наступить в ближайшие месяцы.

Как упоминавшийся уже А. Маляновский, М. Краевский также был "порповским" теоретиком. В настоящее время он стал не только

крупным идейным лидером польского социалистического движения, но и председателем Центрального исполкома одной из ведущих ППС. Он призывает к противодействию той части структуры Костела, которая не руководствуется социальной католической доктриной, а также подчеркивает, что ППС выступает за социальную рыночную экономику, защищающую польских работников, рынок и капиталы. При столь умеренных социально-патриотических ориентирах и определении ППС как левоцентристской партии, довольно странно выглядит декларация о продолжении переговоров об объединении с Движением трудящихся³² – прямой наследницей ПОРП и "порповских" профсоюзов, хранительницей и продолжательницей наиболее ортодоксальных коммунистических догм.

Не менее разнообразно выглядят и правые политические партии. В общих же чертах в середине 90-х годов, как и раньше, правые силы по ориентации разделятся на два блока. Один из них можно с некоторой долей условности назвать либеральным или правоцентристским, второй – националистическим. В последнем выделяется возглавляемое Болеславом Тейковским Польское национальное сообщество – Польская национальная партия, а также международная, по крайней мере, российско-польская организация Славянский собор. Именно в его рамках Б. Тейковский и его окружение осуществляют контакты и обмен мнениями с российскими единомышленниками.

Среди политических активистов, склонных к националистической фразеологии, появился Януш Брычковский, который на протяжении семи лет был лидером Партии зеленых и даже собирался представлять ее на президентских выборах. Предприняв сотрудничество с председателем профессионального союза Крестьянская самооборона Анджеем Леппером, Я. Брычковский осуществил раскол этой организации и стал лидером созданного им Фронта национальной самообороны (ФНС). Характерно, что ФНС приглашал в Польшу В. Жириновского. Лидер Фронта национальной самообороны, положительно отзываясь о программе гитлеровской партии, не считает себя, тем не менее, ни фашистом, ни сталинистом, а выступает за шведскую модель социализма. А. Леппер, оставаясь председателем Крестьянской самообороны и лидером основанной на базе этого профсоюза партии "Пжимеже–Самооборона",

намерен "уводить" из-под влияния ПЛП в людской среде политически ангажированных людей, при этом все более склоняясь к национализму³³.

Конечно же, характеристика той или иной политической организации, как левой, так и правой, нередко бывает условной. Примером этого может служить, в частности, сходство ряда деклараций ультранационалистической Конфедерации независимой Польши с программами и левых и правых.

Нечеткость и размытость позиций и конкретных задач правых "прокапиталистических" сил, которые составляют так называемый либеральный блок, склонило их особенно после шока поражения на осенних выборах в парламент 1993 г., преодолевая противоречия и антипатии, к поиску новых структурно-организационных форм политической деятельности. Уже в ноябре того же года было объявлено о создании коалиции Соглашения Центр, а точнее того, что осталось от этой потерявшей многих своих сторонников партии, с Христианско-национальным объединением. Если СЦ раньше обращало на себя внимание в значительной мере стараниями своего лидера Ярослава Качыньского революционным образом ликвидировать постноменклатурный управленческий комплекс, то Христианско-национальное объединение, благодаря профессору Веславу Хшановскому и другим лидерам, – приверженностью стилю и методам деятельности правительства, возглавлявшегося премьером Ханной Сухоцкой, а также альянсом на базе христианских ценностей с Демократическим союзом, который, в свою очередь, подвергался идейным атакам склонной к либерализму партии Качыньского³⁴. Но еще более неожиданным оказалось организационное объединение Демократического союза, во главе с ревностным католиком Тадеушом Мазовецким, с Либерально-демократическим конгрессом. Появилась новая партия – Союз Свободы (СС), декларации которой, формировавшиеся под влиянием социально-политического прагматизма, оказывались зачастую в противоречии с идейными платформами составивших ее партий. Но попросту шокирующим стало намерение Союза свободы вступить в союз с руководимым Социал-демократией Республики Польша СДЛС. Само это намерение, как и ряд положений, обнародованных на конгрессе Союза Свободы весной 1995 г., имели

широкий резонанс и по-разному оценивались ведущими политиками. Суммарно результаты конгресса определялись политиками правого толка как поворот влево. Лидер СЦ Я. Качыньский и лидер Христианско-национального объединения Рышард Чарнецкий единодушны в такой оценке. Р. Чарнецкий в качестве аргумента для своей точки зрения называет замену Т. Мазовецкого на посту руководителя СС Л. Бальцеровичем. В результате СС потеряла видного деятеля, обладающего определенной харизмой, известного своим религиозным рвением и последовательно стремившегося к сближению с правыми политическими силами. Левые тенденции в деятельности СС в связи с приходом к руководству Л. Бальцеровича, по мнению Я. Качыньского, отчетливо обозначились потому, что избранного партийного лидера в сфере социально-психологической и моральной аксиологии отличает приверженность левым стандартам, а также его специфический прагматизм. Левый уклон в деятельности СС и даже полный переход этой партии на левоцентристские позиции усматривался и в том, что в качестве кандидата от нее на президентских выборах предлагалось выдвижение известного солидаристского политического деятеля Яцека Куроня с социал-демократической программой.

Однако немало политических функционеров полагают, что Союз свободы определенно кренился вправо. Так, по замечанию людовца Януша Пехоциньского, СС, прикрываясь социал-демократическим кандидатом в президенты Я. Куронем, значительно поправел в своих экономических программах и, будучи либеральной партией, выступает за монетаризм и твердую национальную валюту. Союзу Свободы отводится место в "правой нише" еще из-за полного неприятия левыми Бальцеровича и Куроня как своих. Первому левые не могут простить шоковую терапию и стремительную либерализацию экономической политики; второго некоторые левые, по крайней мере Союз труда, могли бы поддержать в избирательной кампании, что, по мнению руководителя СТ Р. Бугая, могло бы произойти, если бы за Куронем не было балласта в виде программы Союза Свободы и лидерства Бальцеровича. Кроме того, шансы Куроня у левых снижаются из-за того, что во внутрипартийном соперничестве он выиграл с небольшим преимуществом в голосах, обнаружив отсутствие доминирующего места социал-демократических идей среди членов СС.

Все это вероятнее всего приводит к тому, что Союз Свободы станет объектом для нападений и слева, и справа³⁵.

При этом в условиях довольно сильного тяготения левого крыла СС к так называемым прореформаторским силам Союза демократических левых сил³⁶ высказываются опасения по поводу возможной трансформации всего Союза Свободы в придаток СДЛС³⁷. Предпосылки же такого явления коренятся главным образом не в идейной сфере, а скорее, в материально-финансовой. В условиях приближения избирательной президентской кампании для партий особенно обостряются проблемы денег, помещений, транспорта, печатной техники и т.п. Финансирование партий из госбюджета прекращено, но даже если будет введено регулируемое государственное финансирование деятельности партий в тех или иных ситуациях, молодые в организационном отношении партии, существующие за счет членских взносов и пожертвований, проигрывают по многим показателям в сравнении с Социал-демократией Республики Польша и Польской людской партией, наследовавших от своих предшественниц – ПОРП и ОКП – огромные состояния. Наследство, доставшееся от ранее правящих партий правящим в настоящее время, представляет собой немалые финансовые средства, помещения, сдаваемые в аренду и т.п.; СДРП и ПЛП играют на бирже, скупают акции, т.е. улучшают свое и без того неплохое материально-финансовое состояние³⁸. Кроме того, эти партии, как и их предшественницы, будучи самыми многочисленными, имеют наиболее развитую партийную инфраструктуру, основательно сросшуюся на всех уровнях с административно-управленческим аппаратом.

Общественное мнение Польши серьезно озабочено угрозой, исходящей от мафии, которая опирается, главным образом, на посткоммунистическую номенклатуру³⁹.

Усилия по консолидации правых, антикоммунистических сил тем не менее продолжаются. В начале 1995 г. возник либерально-консервативный "Комитет ста", председателем секретариата которого стал известный публицист Чеслав Белецкий. Однако ведущие правые политики весьма скептически отнеслись к новой организации⁴⁰. Иное дело Конвент святой Екатерины, появившийся в то же время, в Координационную группу которого вошли партии из Секретариата Правоцентристских группировок – Движение для Речи Посполитой, Партия христиан-

ских демократов, Национально-демократическая партия, а также Конфедерация независимой Польши. Во встречах, проходивших в Конвенте, участвовали представители руководства "Солидарности"⁴¹.

Координационная группа Конвента святой Екатерины планировала летом определить правоцентристского кандидата в президенты. Предполагалось, что бороться за поддержку Координационной группы будут такие известные политики, как Ян Ольшевский, Лешек Мочульский, Ян Парыс, Ежи Стемпень, Адам Стшембош, Лех Валенса. Однако представители "Солидарности" принципиально отвергли концепцию президентских правых выборов, обосновав это тем, что их организация является независимым профсоюзом, который самостоятельно будет решать вопрос о тактике участия в президентских выборах, а главная цель их участия в работе Конвента – объединение правых политических сил⁴². Но и в этой сфере, как выясняется, руководство "Солидарности" не собиралось уступать кому-либо лидерства, имея в виду, что все попытки объединения и консолидации правых не дали желательного результата. Из наиболее влиятельных политических партий правого толка Соглашение Центр, ряды которого неуклонно рedeют, потерпело очередное фиаско в создании "Лагерь III Речи Посполитой", пытаясь компенсировать неудачи заимствованием риторики Союза Свободы, бойкотируемого, в свою очередь, правыми за симпатии к СДЛС. Обращает на себя внимание, что хотя "Солидарность" как профсоюз, некоторые региональные и отраслевые отделения которого провозглашают уравнилельно-левацкие лозунги, и как общественно-политическое течение (вспомним солидаристскую "левую ногу" Леха Валенсы в виде Союза труда) можно отнести к левой ориентации, ее лидеры, в том числе председатель Мариан Кжаклевский, тем не менее зачастую употребляют формулировки о том, что « политические симпатии членов "Солидарности" сконцентрированы в значительно большей мере на правой стороне, чем на левой ». Обращаясь к общественной доктрине Костела, "Солидарность" дает, по их мнению, полякам ясное видение политического и экономического строя страны, содержащееся в "гражданском проекте конституции, противопоставляемом проекту Национального собрания, не соответствующему традициям польской государственности и не обещающему необходимо окончательного расчета с "периодом ПНР". По мнению солидари-

стов, всеобщее наделение граждан правом на владение частной собственностью, изменение налоговой политики, реформа системы социального обеспечения и здравоохранения, а также пересмотр в целом существующего комплекса власти являются фундаментальными для развития капитализма и демократии в Польше. Только "Солидарности" под силу решить перечисленные задачи и оказать противодействие рекоммунизации страны, приведя ее к стабилизации на прочном социально-экономическом фундаменте. Солидаристские лидеры, в том числе председатель М. Кжаклевский, подчеркивали, что по крайней мере весной 1995 г. слишком рано определять кандидата в президенты, да и сама эта процедура может только расколоть правые силы⁴³.

Президентство имеет особое значение для Польши в настоящее время. Подтверждаются данные Центра исследования общественного мнения "Рун", согласно которым большинство поляков (62%) предпочитают ситуацию с лидерством одного сильного политика, а не с соперничеством многочисленных партий и политиков. Приверженцами сильной власти являются прежде всего жители небольших городов⁴⁴. "Глубинка" может сыграть решающую, в том числе и деструктивную роль при определенных условиях.

Первый посткоммунистический президент Польши Лех Валенса – личность, ставшая исторической еще при жизни. Харизматический лидер "Солидарности" периода коммунистического тоталитаризма, выходец из народа и его любимец, без труда выиграл президентские выборы. Однако вскоре ему пришлось столкнуться с огромными трудностями. В послании Леха Валенсы к членам и сочувствующим "Солидарности" в августе 1992 г. он писал: "В настоящее время причины конфликтов и стачек я нахожу в слишком медлительных и половинчатых реформах государственно-политической системы и экономики. В неспособности и недостатке результативности сменяющих одна другую правительственных команд. Как и вас меня возмущают и раздражают безответственность и дилетантство многих политиков. Вижу зло и ошибки, которые препятствуют успешному развитию Польши. Я многократно говорил об этом. Напоминал об обязанностях, лежащих на законодательной и исполнительной властях. Предостерегал от совершения греха пренебрежения. Не принесло это, однако, видимого эффекта"⁴⁵. Вся

тональность и конкретный смысл послания президента свидетельствуют о его дистанцировании в моральном и организационном плане от правительств и парламента. Созвучно посланию президента заявление депутата сейма от "Солидарности" Алойзы Петршика о том, что ни одно правительство нельзя считать солидаристским с настоящего момента⁴⁶. Завершение президентского послания словами: "Как президент Речи Посполитой не могу быть в стороне от развертывающихся конфликтов", свидетельствует, как и упомянутое заявление А. Петршика, о вынашивавшихся планах лидерами "Солидарности" и остающимся ее живым харизматическим символом Л. Валенсой, избавившись от ответственности за свои просчеты и тяготы жизни народа, опять занять вождистскую нишу, не отказываясь при этом от вмешательства в политику и государственные дела. Сам Л. Валенса весьма активно использовал уже после цитированного послания президентские полномочия, назначив на ключевые посты "нужных людей".

Л. Валенса демонстрирует крайне враждебное отношение к левым политическим силам, которые, впрочем, при этом не утрачивают своего влияния. Валенса же утратил многое из своей харизмы пятилетней давности (согласно опросам упоминавшегося уже "Руна" 18% анкетированных ставят ему в вину незаконное присвоение государственных ценностей) и подозревается рядом серьезных аналитиков даже в замуфлированной пророссийской деятельности⁴⁷ и других "грехах". Тем не менее рано утверждать, что Л. Валенса смирился с поражением на президентских выборах. В любом случае он долго будет находиться на политическом Олимпе и не как живая реликвия недавних политических бурь, а как фактор будущих перемен, демонстрируя, как и ранее, преданность религиозному фундаментализму, используя патернализм.

А как основная масса населения, трудящиеся в период перехода к рынку и демократии? Подавляющая часть находится в весьма тяжелом положении. Если крестьяне получили некоторую поддержку после прихода на посты премьер-министра и министра сельского хозяйства людовцев, то работники госхозов, лишенные всякой государственной поддержки, оказались в состоянии, близком к нищете. Не лучше положение в семьях городских безработных, где, чтобы прокормиться, должны работать дети моложе шести лет⁴⁸. Не может не вызвать горь-

кого удивления прогрессирующее бесправие работающих на действующих предприятиях⁴⁹. Ухудшаются условия труда, растет травматизм, продолжается начатое в 1982 г. урезание прав и полномочий профсоюзов⁵⁰.

Не вызывают общественной поддержки многие из проводимых реформ, в том числе одна из основных – приватизация. Существует мнение, что в ходе ее обогащаются нечистые на руку, случайные люди, . не возникает привязанности к имуществу, земле и прочей недвижимости у тех, кто ими распоряжается сейчас, а, наоборот, усиливаются бесхозяйственность и разруха⁵¹.

Не придется ли Анджею Вайде подумать, после "Человека из мрамора" и "Человека из железа" из чего будет его третий "человек"?

Примечание

¹ *Skorzyński J.* Droga do "okrągłego stołu": Ostatnia amnestia // Rzeczpospolita. 1994. 12–13. II.

² Комсомольская правда. 1990. 31.VII.

³ Kurier Polski. 1990. 25.X.

⁴ Społeczeństwo i Życie. 1991. 12.XI.

⁵ Trybuna Śląska. 1991. 5–6. I.

⁶ Przegląd tygodniowy. 1990. 15.IV.

⁷ Ibidem.

⁸ *Żukowski T.* Wybory 93: Co się dzieje na polskiej scenie politycznej u progu kampanii // Polityka. 1993. 10.VIII.

⁹ *Walendziak W.* Czy prawica ma szansę rządzić Polską? // Życie Warszawy. 1991. 23.X.

¹⁰ Życie Warszawy. 1990. 17.IX.

¹¹ Trybuna Śląska. 1990. 5.XI.

¹³ Trybuna Śląska. 1991. 13.V.

¹³ Kurier Polski. 1991. 13.V.

¹⁴ *Szawiel T.* Szanse liberałów // Życie Warszawy. 1991. 25.VI.

¹⁵ *Mazewski L.* Liberalizm i chrześcijaństwo // Życie Warszawy. 1991. 5.IX.

- 16 Kurier Polski. 1991. № 123.
- 17 Życie Warszawy. 1991. 23.IX.
- 18 Ład. 1990. 23–30.XII.
- 19 Kurier Polski. 1991. 25.VI.
- 20 Kurier Polski. 1991. 17–19. V.
- 21 Życie Warszawy. 1991. 20.VIII, 18.IX.
- 22 *Walendziak W.* Czy prawica ma szansę rządzić Polską? //Życie Warszawy. 1991. 23.X.
- 23 *Żukowski T.* Wybory 93: Co się dzieje na polskiej scenie politycznej u progu kampanii //Polityka. 1993. 10.VIII.
- 24 Tygodnik Solidarność. 1993. 14.VI.
- 25 Polityka. 1993. 10.VII.
- 26 *Siwek S.* Jak to się stało. Kto właściwie rządzi? //Rzeczpospolita. 1994. 12–13. II.
- 27 Tygodnik Solidarność. 1995. 24.III.
- 28 *Goszczyński A.* Czas lewicy //Odra. 1994. № 3, S. 2–7.
- 29 *Urbanek M.* Stan przejściowy. Krotki kurs WKP(b). Ciąg dalszy // Odra. 1994. № 1. S. 87–88.
- 30 *Mozołowski A.* Po kongresie Unii pracy. Lewa noga //Polityka. 1993. № 5. S. 13.
- 31 Trybuna. 1995. 28.III.
- 32 Trybuna. 1995. 27.III.
- 33 Rzeczpospolita. 1995. 13.IV.
- 34 *Paradowska J.* Chrzanowski z Kaczyńskim razem. Ruch prawostronny //Polityka. 1993. 13.XI. S. 13.
- 35 Życie Warszawy. 1995. 4.IV.
- 36 Rzeczpospolita. 1995. 25–26.III.
- 37 Trybuna. 1995. 27.III.
- 38 Gazeta Wyborcza. 1995. 19.IV. S. 4.
- 39 Tygodnik Solidarność. 1995. 31.III. № 13. S. 5.
- 40 Rzeczpospolita. 1995. 11.IV. S. 2.
- 41 Rzeczpospolita. 1995. 12.IV. S. 2; 1995. 14.IV. S. 2.
- 42 Rzeczpospolita. 1995. 14.IV. S. 2.

- 43 *Zak P.* Sympatie są po prawej stronie //Rzeczpospolita. 1995. 25–26.III. S. 4.
- 44 *Ibidem.*
- 45 *Tygodnik Solidarność.* 1992. № 34. S. 20.
- 46 *Tygodnik Solidarność.* 1993. № 23. S. 5.
- 47 Zob. na przykład: *Macierewicz A.* Czy opcja rosyjska przechodzi kryzys? //Tygodnik Solidarność. 1995. № 14. S. 11.
- 48 *Życie gospodarcze.* 1995 № 12. S. 43.
- 49 *Marcinek A.* Listy do redakcji. Samotność robotników //Tygodnik Solidarność. 1992. № 33. S. 6.
- 50 *Tygodnik Solidarność.* 1992. № 33. S. 19.
- 51 *Borowska Z.* 1989–1994: Co się zmieniło w moim życiu? Stracony majątek //Polityka. 1994. № 42. S. 16.

О.Н. Майорова

ПРАВЫЕ ГРУППИРОВКИ НА ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ

Сравнительно недавно в общественно-политических кругах Польши было популярно утверждение, что деление политиков на правых и левых уходит в историю, ибо их лозунги так тесно переплелись, что различать их стало почти невозможно. Однако эти предсказания не вполне оправдались. Сегодня к правым или левым причисляют себя многие видные личности и политические группировки.

Традиционные для Европы политические и идеологические течения в Польше проявились в несколько специфической форме. В межвоенный период правые выступали за свободную рыночную экономику, а левые — за различные варианты этатизма, т.е. участия государства в экономической жизни общества. В годы социалистического строительства правые ассоциировались с чем-то негативным (если не враждебным), а определение "правый" могло восприниматься как оскорбление. Этому не мешало то, что некоторые группировки правого происхождения, например ПАКС, явно одобряли социализм. Если говорить о левых, то они были представлены одним марксистско-ленинским течением. Какие-либо отклонения от последнего в рамках левых сил явно не одобрялись. Так, власти часто предъявляли претензии к так называемым "левацким загибщикам" троцкистского, маоистского или анархистского толка, а также к ревизионистам, подозреваемым в социал-демократизме.

После падения в Польше в 1989 г. коммунистического режима отношение к левым и правым в общественном сознании стало меняться. Левизна переставала быть в моде и даже трактовалась как синоним

зла, а правые обретали доброе имя. В последних видели антипод скомпромитировавшим себя левым, однако конкретное идейное и программное содержание, отождествляемое с понятием "правые", было очень разнообразно и даже противоречиво. Одни предполагали, что правые должны "рассчитаться" с партноменклатурой ПОРП, сохранив при этом унаследованный от социализма экономический строй (во всяком случае основные его элементы). Для других исторической задачей правых была модернизация Польши в соответствии с национальной традицией и при опоре на частную собственность. Некоторые же рассматривали правых как силу, которая должна создать новый строй, альтернативный не только социализму, но и западным либеральным демократиям. Такой разнобой взглядов впервые проявился во время кампании по выбору президента в 1990 г., когда под знаменами правых и защищали, и атаковали план Бальцеровича*. Подобное смешение понятий происходит до сих пор.

После четырех лет правления демократических кабинетов (1989–1993), которые больше можно охарактеризовать как правые, в польском обществе наблюдается как бы возврат симпатий к ценностям, обычно считавшимся левыми. Тому есть ряд причин. Годами общество воспитывалось не только в атмосфере левой (коммунистической) риторики, но и привыкало к определенным реалиям в социально-экономической сфере: полная занятость, социальное обеспечение, бесплатное образование и здравоохранение, элементы эгалитаризма в доступе к материальным ценностям и т.п. Отход от этих приобретений не мог в одночасье изменить критерии ценностей даже тогда, когда в этом непринято было громко признаваться. Это было видно уже во время парламентских выборов 4 июня 1989 г. Тогда голосовали против ПОРП, но ведь программа, представленная ее тогдашним противником – блоком "Солидарность", также была по существу левой. В ней не говорилось, например, об отходе от политики полной за-

*Л. Бальцерович – вице-премьер, министр финансов Польши (1989–1991), руководитель радикальных экономических реформ и жесткой антиинфляционной политики, получивших название "шоковой терапии".

нятости, от массового социального обеспечения, о демонтаже крупных государственных структур. Данная программа, по крайней мере в социальной и экономической сфере, была ближе левым, чем правым.

Деление партий на правые, центристские и левые не заходит в Польше очень глубоко и иногда выглядит достаточно условным. Объективное, обоснованное этнесение их в ту или иную политико-идеологическую категорию доступно по существу только узким политическим элитам и лицам, интересующимся теорией политики, историей общественной мысли. Большинство же людей, склоняющихся скорее эмоционально, чем рационально к какому-либо из этих направлений, вряд ли смогут четко определить характер своих убеждений и подкрепить их доказательными аргументами. Перемены в этом отношении будут, вероятно, происходить по мере поляризации убеждений вместе с кристаллизацией социальных структур.

Видимо, упорядочение политической сцены должно быть направлено на формирование двухполярной политической модели. Без разумного деления на правых и левых на этой сцене еще долго могут доминировать личные амбиции и интриги. Так, раскол в "Солидарности" был тесно связан с персональным выбором: Л. Валенса или Т. Мазовецкий. Это свидетельствовало о временном характере политической сцены, сформированной президентскими выборами 1990 г., поскольку в разных группировках оказались люди с одинаковыми идейными взглядами.

Существует мнение, что именно правые должны взять на себя основную тяжесть строительства Третьей Речи Посполитой. Чтобы облегчить эту задачу, правым надо добиваться согласия между собой и, что, может быть, более важно, искать пути формирования широкого движения, поддерживающего прокапиталистическое направление перемен. Правых может объединять мышление и деятельность, исходящие из таких принципов, как сильное государство, сильное самоуправление, частная собственность, уважение традиций, семьи и религии и, наконец, терпимость¹.

С точки зрения лидера Консервативной партии (КП) А. Халля, польские правые должны особенно думать: а) о безусловном соблюдении внешнеполитического курса, направленного на обеспечение полно-

правного членства Польши в политических, экономических и военных структурах Запада, в первую очередь в НАТО; б) о сохранении конституционного строя, основанного на разделении и равновесии властей и одновременно о продолжении курса на децентрализацию государства через обеспечение территориального самоуправления; в) о хороших отношениях между государством и костелом, основанных на взаимном уважении автономии и сотрудничества во имя всеобщего блага. Правым надо решительно противостоять попыткам отстранения костела от участия в общественной жизни и действиям, которые привели бы к острой мировоззренческой поляризации польского общества. А. Халль считает, что идейной основой правых неизменно является синтез консервативных, либеральных и христианско-демократических ценностей, который формируется в зависимости от исторического наследия отдельных народов².

Какие же политические образования можно отнести в нынешней Польше к правым? Наиболее заметными среди них являются Христианско-национальное объединение, Соглашение центристских сил, Консервативная коалиция, Союз реальной политики, Консервативная партия, Христианско-демократическая партия. Однако часто не бывает единого мнения при определении места той или иной партии в политическом спектре. Так, депутат сейма от Христианско-национального объединения М. Пилка не согласен с отнесением Конфедерации независимой Польши к правым группировкам, причем не только по причине ее экономических взглядов, но и из-за отношения к государству. Одним из основных критериев принадлежности к правым является, по мнению М. Пилки, чувство ответственности, особенно за государство, а деятельность Конфедерации в значительной мере направлена на дестабилизацию государства в надежде на ухудшение экономической ситуации, в результате чего возможно достижение успеха на выборах. Равно как и антикоммунизм Движения за Речь Посполитую и Соглашения центристских сил не может служить, по мнению М. Пилки, достаточным критерием для квалификации этих партий в качестве правых³.

Определенное раздвоение в имидже Конфедерации независимой Польши и Христианско-национального объединения (ХНО) отмечали

политические обозреватели Б. Вавжевска и П. Винчорек⁴. Возможно, это идет от тесной связи ХНО с костелом. Социальные идеи костела не носят прокапиталистического и либерального характера в таких областях, как отношения между работодателем и рабочим, характер собственности, конечные цели экономической деятельности. По мнению названных обозревателей, более всего в качестве модели правого лагеря подходит Консервативная партия А. Халля, которая гармонично сочетает правые идеи, касающиеся и надстройки, и базиса. Но данная партия, кажется, не имеет сейчас широкой поддержки, учитывая, с одной стороны, стиль ведения политической игры нынешней элитой, а с другой, — неготовность общества воспринимать "порядочную" политику. М. Пилка же считал, что КП нельзя отнести к правым. Эта партия — пример "ситуационной правизны", концепция которой воспринята А. Халлем еще в середине 80-х годов. Данная концепция предполагает нахождение для себя места в политической нише, а не решение реальных проблем, стоящих перед польским народом.

* * *

На парламентских выборах в октябре 1991 г. предпочтение избирателей в основном было отдано правоцентристским группировкам, однако значительная часть общества высказалась не просто за продолжение реформ, а за радикальное смещение их приоритетов и методов. Из участвовавших в выборах 18-ти партий и объединений больше всего голосов собрал Демократический союз во главе с бывшим премьером (сентябрь 1989 г. — ноябрь 1990 г.) Т. Мазовецким — 14,5 % голосов; далее Союз демократических левых сил — 12,1 %, Католическая избирательная акция — 9,2 %, Либерально-демократический конгресс — 8,6%, Гражданское соглашение центристских сил — 8,1 %, Конфедерация независимой Польши — 7,3 %, Польская крестьянская партия — Программный союз — 6,5%, профсоюз "Солидарность" — 5,5%, Движение "Крестьянское соглашение" — 3,4%, Союз реальной

132

политики – 2,5%. Наиболее вероятным стало создание под эгидой Соглашения центристских сил (СЦС) правоцентристской правительственной коалиции⁵. Руководители пяти политических объединений – СЦС, Либерально-демократического конгресса, Католической избирательной акции, "Крестьянского соглашения" и Конфедерации независимой Польши предложили президенту страны назначить на пост Председателя Совета министров Польши одного из лидеров СЦС Я.Ольшевского.

Иначе обстояло дело во время парламентских выборов в сентябре 1993 г. Правые выступили на них с четырьмя отдельными избирательными списками: Католический избирательный комитет (КИК) "Отчизна"; Соглашение центристских сил – Объединение польское; Коалиция за Речь Посполитую; Союз реальной политики.

В КИК вошли Консервативная партия, Партия христианских демократов, Крестьянско-христианская партия, а также Христианско-национальное объединение (лидер – В. Хжановский). Во время кампании по выбору президента в 1990 г. ХНО поддержало Л. Валенсу. В выборах 1991 г. оно стартовало под вывеской Католической избирательной акции, неожиданно для обозревателей и конкурентов получило 8,7% голосов, что дало ему 49 депутатских мест в сейме, 12 сенаторских мест и в итоге – третий по величине депутатских клуб в парламенте. Благодаря такой сильной позиции ХНО обеспечило своему лидеру пост маршала сейма. Партия Хжановского была представлена в двух правительственных кабинетах, сформировавшихся после выборов 1991 г., требуя прежде всего контроля над "идеологическими" ведомствами – министерствами культуры и образования. После роспуска парламента в июне 1993 г. ХНО первоначально стремилось создать коалицию с Крестьянским соглашением Г. Яновского, а затем широкий блок, в состав которого вошли бы также другие правительственные правые группировки, объединенные в Клубе Польская конвенция (Консервативная партия, Партия христианских демократов, Крестьянско-христианская партия). Когда выяснилось, что Крестьянское соглашение готово принять только одну из этих группировок как союзника, ХНО решилось на самостоятельное участие в выборах. До создания коалиции "Отчизна" дело дошло толь-

ко после вмешательства епископа Т. Гоцловского, который пригласил представителей ХНО и Польской конвенции на переговоры, во время которых было подписано соответствующее соглашение.

В сентябре 1993 г. группировки, входившие в КИК "Отчизна", насчитывали в своих рядах около 7 тыс. членов. Они не скрывали, что надеялись иметь поддержку костела. Комитет "Отчизна" стартовал под лозунгами "Сначала Польша" и "Поляки! Отчизна для нас". В совместной программе, принятой союзниками, подчеркивалась необходимость сохранения прочной позиции католического костела и уважения христианских ценностей в общественной жизни. Политики блока высказывались за люстрацию, были особенно заинтересованы в ограничении роли профсоюзов, а также в создании преференций для отечественных производителей.

В состав Соглашения центристских сил (СЦС) – Объединения Польского (ОП) наряду с первым входили Региональное соглашение Движения за Речь Посполитую А. Ануша, Движение Третьей Речи Посполитой Я. Парыса, Партия труда Т. Яцковского и Конгресс граждан Речи Посполитой В. Зембиньского. После выборов в 1993 г. лидеры ОП признали, что название союза "изжило себя" и создали новый "политический субъект" – Секретариат правоцентристских группировок (СППГ).

На парламентских выборах 19 сентября 1993 г. правые потерпели сокрушительное поражение и стали внепарламентской оппозицией. В целом же оправдались надежды на новую избирательную систему, которая должна была предотвратить раздробленность парламента на мелкие политические группировки. В Сейм вошли представители 6 крупных партий против 28 в прежнем его составе. Левые – Союз демократических левых сил и Польская крестьянская партия в совокупности получили в сейме 65% мест, а в сенате их преимущество оказалось еще большим – 70 мест из 100.

Правые партии уже через день после выборов стали искать причины собственных неудач, а также возможности превращения поражения в последующий триумф. А. Халль отмечал, что в проигрыше правых не во всем виноваты правые политики. Поворот влево в симпатиях польского общества должен был наступить. Выборы состоялись в ситуации, когда бремя реформ ощущало огромное большинство об-

щества, а их позитивные результаты оказались доступными пока лишь для меньшинства. Правые вместе со всем лагерем, вышедшим из "Соллидарности", заплатили за свои ошибки. Важнейшей из них была "братоубийственная" борьба, в которую были вовлечены потенциальные союзники. Пользу извлекли посткоммунистические левые. Главной же причиной поражения правых оказалась их неспособность создать за четыре года, прошедшие после падения коммунистической системы в Польше, интегрированное правое формирование⁷.

Необходимость предпринять попытку определить общие программные пункты правых подчеркивал также Ст. Михалкевич из Союза реальной политики. "Нас разделяют не только программные вопросы, но и персональные споры", – добавлял А. Мачеревич из Конфедерации для Речи Посполитой. Лидеры группировок, проигравших выборы, считали, что важнейшим вопросом для правых является регулирование взаимоотношений с Л. Валенсой. Даже непримиримый враг Валенсы, лидер Соглашения центристских сил, Я. Качиньски, подчеркивал, что в борьбе с левыми естественным союзником правых может стать именно президент⁸.

С. Сивек, бывший вице-председатель Соглашения центристских сил, полагал, что в проблеме интеграции правых важны три момента: поиск компромисса программ; создание совместной структуры новой, по возможности широкой правой формации; решение проблемы амбиций лидеров группировок. Работа над совместной программой и созданием совместной организации должна идти, с его точки зрения, одновременно. Хорошим примером метода достижения программных соглашений была идея, которую выдвинули на первой варшавской встрече Дискуссионного форума польских правых: выработка и представление политиками из двух, достаточно отдаленных крыльев правых (Союза реальной политики и Христианско-национального объединения) тезисов конституции польских правых. Кто-то шутливо заметил, что если эти две партии придут к соглашению, то остальные – тем более⁹.

Определение программных рамок, настолько широких, чтобы они могли вместить все элементы "правой мысли", полагает С. Сивек, не кажется трудным. Это – отношение к христианской самобытности народа и роли костела в общественной жизни; четкая позиция по поводу частной собственности; уважение демократической структуры и строя

в государстве, в том числе уважение общественного выбора и политических противников. Самое главное – думать о такой правой формации, которая сохранится годы, а не будет создана по случаю очередных выборов или демонстрации¹⁰.

Среди особенно сильно акцентируемых требований была подчеркнута необходимость смены лидеров, перехода молодых деятелей в "первую лигу". Однако в наиболее влиятельных правых группировках, к которым можно причислить (принимая во внимание количество голосов, полученных на выборах 1993 г.) Христианско-национальное объединение и Соглашение центристских сил, до "революции поколений" не дошло. Молодые по-прежнему остались на вторых ролях, хотя некоторые из них сочли, что им уже пришло время вести политику самим. А. Ануш (ранее состоявший в Движении за Речь Посполитую, затем участвовавший в выборах по спискам Соглашения центристских сил) создал вместе с группой соратников партию Польское объединение, а К. Уяздовски, вышедший из Консервативной партии А. Халля – Консервативную коалицию. Однако возникновение мелких партий не привело к радикальной смене поколений в руководстве правых. Не появились молодые лидеры, организационный талант и интеллект которых могли бы работать на новый имидж правого лагеря. Среди действующих лидеров также до сих пор ни среди старых, ни среди молодых не удалось найти ни одной личности, которая могла бы противостоять и Л. Валенсе, и левым и могла бы объединить всех правых под лозунгом борьбы за пост президента. Непосредственный ход президентской избирательной кампании в конце 1995 г. и ее итоги лишней раз продемонстрировали эту слабость правых.

Важной задачей, которая встала перед правыми в середине 90-х годов, было обновление своего общественного облика, стремление к тому, чтобы избиратели забыли о постыдном сериале создания и распада коалиций перед выборами 1993 г. В определенной мере это удалось реализовать: пресса, сосредотачивая внимание на ошибках и разногласиях в правящей коалиции левых сил, вольно или невольно показывала, что раздоры не являются имманентной чертой правых.

Однако радикального изменения облика правых можно, вероятно, достичь только двумя путями: созданием одной крупной партии или

же блока тесно сотрудничающих партий. На первый взгляд в этом вопросе нет ничего нового. Если перед выборами в сентябре 1993 г. правые выступили с четырьмя избирательными списками, то после некоторых перетасовок у правых оформились три блока: 1) Союз для Польши (Христианско-национальное объединение, Соглашение центристских сил, Движение за Речь Посполитую Шереметьева, Консервативная коалиция); 2) Соглашение 11 ноября (Союз реальной политики, Консервативная партия, Крестьянско-христианская партия, Христианско-демократическая партия); 3) Секретариат правоцентристских группировок (Христианско-демократическая партия труда, Партия верности Речи Посполитой, Польское объединение, а также сотрудничающее с ними Движение за Речь Посполитую Я. Ольшевского).

Если осенью 1993 г. коалиции создавались исходя из симпатий и антипатий их лидеров, то через год все более явны стали идейно-политические связи: избегающий крайностей и из-за этого наименее идеологически выразительный как целое блок Союз для Польши; радикально прокапиталистическое в экономической сфере, хотя очень осторожное в других областях, Соглашение 11 ноября; заигрывающий с "Солидарностью" Секретариат правоцентристских группировок.

Союз для Польши – так назвалась образованная в мае 1994 г. конфедерация Консервативной коалиции, Соглашения центристских сил, Крестьянского соглашения, Движения за Речь Посполитую, Христианско-национального объединения. Они приняли совместную идейно-программную декларацию. Предусмотрено, что руководство Союза должно состоять из 20 человек (по 4 человека от каждого из 5-ти учредителей). Конфедерация не имеет единого лидера – его функции должны поочередно исполнять, меняясь каждые два месяца, лидеры вошедших в нее партий. Последние сохраняют свои структуры и собственное руководство. Стратегические решения должны приниматься большинством голосов. В уставе Союза записано, что его цель – создание политического лагеря, объединяющего группировки, выросшие из христианских, национальных, независимых, крестьянских и консервативных традиций некоммунистического происхождения.

Стратегическую цель конфедерации сформулировал глава Консервативной коалиции К. Уяздовски: "отведение угрозы длительного правления левых". "Союз для Польши будет в состоянии заменить права-

щих сейчас в Польше левых", — говорится в упомянутой декларации. Его члены, заявил Я. Качиньски, считают себя "правыми демократами"; они обращаются к католическим ценностям, "привязаны к национальным ценностям", выступают за рыночную экономику, "всеобщий капитализм" ("Не для людей, которые уже сейчас богаты, а за капитализм как шанс для всех", — пояснил К. Уяздовски); признаны необходимыми "отход от наследства ПНР", стремление к объединению с Европой при сохранении национальной самобытности¹¹.

Однако между создавшими Союз группировками есть программные различия. Трудно, например, совместить негативное отношение к профсоюзам, проявляемое Консервативной коалицией К. Уяздовского, с позицией Крестьянского соглашения, которое выросло из "Солидарности". Также нелегко совместить убеждение Крестьянского соглашения в необходимости широкого вмешательства государства в экономику с либеральной позицией Консервативной коалиции. Различно отношение к проблеме объединения с Европой: проевропейски настроенное Соглашение центристских сил сталкивается с подходом Христианско-национального объединения, которое можно определить как "евроскептицизм".

Когда возник Союз для Польши, его лидеры считали, по мнению многих обозревателей, что тем самым была создана сильнейшая правая коалиция, и другие группировки, находящиеся в этом секторе политической сцены, должны признать ее ведущую роль. Такую претензию высказывали и отдельные деятели Союза, особенно Я. Качиньский. Однако возникшее одновременно Соглашение 11 ноября, объединившее Союз реальной политики, Консервативную партию, Партию христианских демократов, Крестьянско-христианскую партию, Национально-демократическую партию, в свою очередь, часто подчеркивало, что именно оно представляет подлинных правых. В такой ситуации достичь договоренности между двумя блоками было нелегко. Проблема усложнялась возникновением конфликта между партиями — лидерами этих блоков: Союзом реальной политики и Соглашением центристских сил. Хотя обе стороны утверждали, что различия между ними имеют программный характер, обозреватели без труда усматривали давние предубеждения, недоброжелательность, а временами даже пренебрежение, с каким относились друг к другу председатели названных партий.

Секретариат правоцентристских группировок – третий из правых блоков. "Мы отдаем себе отчет, что среди правых "диванов" наш – самый маленький", – говорил А. Ануш, лидер Объединения польского, входящего в состав Секретариата. Последний считает себя продолжателем действовавшей во время избирательной кампании 1993 г. по выборам в парламент коалиции Соглашение центристских сил – Объединение польское, которое, не переступив 5%-й порог (получило 4,4% голосов), не ввело в сейм своих представителей.

В процессе работы над программой Секретариата возникла идея проведения так называемых программных конференций. Было организовано 7 таких конференций в Кракове, в которых участвовало от 300 до 700 человек. Они представляли деятелей не только партий, входящих в Секретариат, но и Союза реальной политики, Христианско-национального объединения, Соглашения центристских сил. Две конференции были посвящены общеэкономическим вопросам, остальные – вопросам приватизации, самоуправления, просвещения и интеграции правых. Настоящим переломом в политической деятельности Секретариата явилась конференция 5 декабря 1993 г., на которой была создана общественная конституционная комиссия. Это было ответом на декларацию лидеров Союза демократических левых сил, заявивших, что парламент примет новый основной закон. Членами комиссии стали политики из "Солидарности" и правоцентристы. "Единственной силой, способной собрать 500 тыс. подписей под проектом конституции, является "Солидарность", – не скрывали правоцентристские политики. Акция, завершившаяся успехом (по оценке профсоюзных деятелей всего было собрано не необходимых 0,5 млн, а 1,5 млн подписей), сценировала сотрудничество между Секретариатом и "Солидарностью". Последняя объявила о поддержке Секретариата¹².

Главным программным достижением в период после поражения на выборах 1993 г. правые обязаны своим коллегам из левых. Чтобы можно было в будущем призвать избирателей отклонить парламентский проект конституции на референдуме, правые должны были представить обществу контрпредложение. Однако здесь каждый из правых блоков выбрал свой путь: Соглашение 11 ноября считало, что достаточно критики содержания будущего проекта, а Союз для Польши и Секретариат правоцентристских группировок заявили, что для того, чтобы

отрицать, нужно разработать и обнародовать альтернативный позитивный проект. Как отмечалось выше, Секретариат пошел еще дальше — созданная им конституционная комиссия (под патронажем "Солидарности") работала над проектом Основного закона, затем собирала подписи в его поддержку и в сентябре 1994 г. представила проект в парламент в рамках гражданской конституционной инициативы. Спикер сейма Ю. Олексы выразил "огромное удовлетворение тем, что профцентр решился внести свой проект в парламент в отличие от некоторых правых группировок, которые отрицают право нынешнего сейма и сената утверждать конституцию". Как заявил председатель конституционной комиссии Национального собрания Польши А. Квасьневский, из семи представленных проектов должен быть создан один общий: "...окончательный проект должен быть компромиссным и содержать новые решения. Если окажется, что эти решения кого-нибудь не устраивают, то он сможет лишь призывать своих сторонников голосовать против проекта в ходе референдума" (ожидалось, что это произойдет в 1995 г.)¹³. Союз для Польши счел, что представление его проекта конституции в сейм означало бы сдачу на милость левому большинству и только создавало бы видимость плюрализма. Данный проект остался только обнародованной идейной декларацией¹⁴.

Оценивая итоги выборов в Советы гмин, городов и воеводств, которые состоялись в июне 1994 г., местные политики и политические наблюдатели отмечали, что в стране практически нет политических сил, высказывающих недовольство результатами голосования. Как сообщила Государственная избирательная комиссия, в выборах приняло участие 33,78% граждан Польши, имеющих право голоса, к своим обязанностям смогли приступить около 52 тыс. новых депутатов местных советов. Вместе с тем комиссия отказалась объявить партийный состав новых представителей народа в советах гмин, сославшись на то, что подводить подобные итоги в случае местных выборов ей запрещает закон. К тому же, по словам председателя ГИК В. Лончковского, такие подсчеты затруднены тем, что в состязании за депутатские мандаты в стране приняло участие около двух тысяч политических группировок и коалиций, многие из которых сформировались исключительно на время предвыборной кампании.

Тем не менее, по уточненным данным, известно, что ведущий в правительственной коалиции Союз демократических левых сил победил на выборах в гминные и городские советы в 31 из 49 главных воеводских городов, в том числе в Варшаве. Правые группировки, объединившиеся перед выборами в коалицию Союз во имя Польши, провели больше всего своих депутатов в 9 воеводских городах, а оппозиционный центристский Союз свободы – в 6. Примечательно, что в столицах трех воеводств, в том числе крупнейшем индустриальном центре Катовице, большинство мандатов завоевали предвыборные группировки местного значения, нацеленные на решение проблем прежде всего жителей своего региона.

Выборы не принесли серьезных перестановок на внутривнутриполитической сцене страны. Левые силы подчеркивали, что "повторили прошлогоднюю победу на парламентских выборах", а в целом ряде регионов завоевали больше депутатских мандатов, чем в сейме. Правые группировки, потерпевшие сокрушительное поражение на парламентских выборах, остались довольны тем, что впервые им удалось выступить вместе в важной политической кампании и что "выборы остановили политическое наступление посткоммунистов" в стране. Что касается центристского Союза свободы, то он выразил удовлетворение, что избиратели отдали тем или иным группировкам абсолютное большинство мандатов лишь в пяти воеводствах, а это позволяло им в остальных регионах вести политическую игру за создание коалиций местного значения¹⁵.

Следующим важным этапом в деятельности политических партий стала подготовка к президентским выборам осенью 1995 г. Многие политики считали, что они могут стать катализатором крупных перемен на польской политической сцене. Предполагалось, в частности, что распадутся как правящая, так и оппозиционные коалиции. Особо большие изменения ожидалось в постсолидаристском секторе. "Как Союз свободы, так и правые блоки – Союз для Польши и Соглашение 11 ноября – живые трупы", – заявил лидер одной из солидаристских группировок. В "большом" (по определению Т.Мазовецкого) Союзе свободы основной причиной разногласий стало определение кандидата на пост президента. За этим, однако, лежал спор о стратегии и тактике партии,

о выборе модели оппозиционности по отношению к правительству СДЛС–ПКП и направления поиска союзников¹⁶.

Между Союзом для Польши и Соглашением 11 ноября отношения несколько изменились, когда дело дошло до серьезного кризиса в обеих коалициях. ХНО избегало критики Л. Валенсы и однозначного отказа от возможности поддержки его кандидатуры на новый президентский срок, чего настойчиво требовало Соглашение центристских сил. А в Соглашении 11 ноября дошло до раскола на сторонников выдвижения единого кандидата "послеавгустовского лагеря" на пост президента (Консервативная партия А. Халля и Крестьянско-христианская партия А. Балаша) и сторонников кандидатуры правых (Союз реальной политики, Партия христианских демократов и Национально-демократическая партия).

В этой ситуации наступила первая "перетряска союзов". Ее плодом стало возникновение оси Христианско-национальное объединение – Союз реальной политики. Именно этот политический расклад, как утверждали некоторые энтузиасты, гарантировал полную правизну ХНО в идейной сфере, а СРП – в экономической. Однако другие, в частности Я. Качиньски, полагали, что новая коалиция возникла исключительно с целью "вытолкнуть" Соглашение центристских сил из центра объединения правых.

Соглашение центристских сил использовало маневр, называемый "забегание вперед". Я. Качиньский выдвинул радикальный план объединения правых путем роспуска всех их группировок и создания вместо них новой партии. Предполагалось провести съезд, делегаты на который должны избираться в пропорции 1 чел. на 5 тыс. голосов, отданных за данную группировку на предыдущих парламентских выборах. Ответом был план и.о. председателя Христианско-национального объединения Р. Чарнецкого – создание федерации уже существующих правых организаций. По мнению автора плана такая модель интеграции давала возможность завоевать более широкий электорат и одновременно выполнить требование избирателей объединить правую часть политической сцены. Руководство конфедерацией предполагалось коллегиальным, однако голос каждого представителя соответствующей партии "весил" бы пропорционально поддержке, оказанной ей на последних парламентских выборах и с учетом результатов выборов в местные органы власти. Было сформулировано 6 принципов, на которых

должна была базироваться программа будущей конфедерации: примат польского интереса во внешней политике, создание сильного государства, обеспечение гражданских свобод, приоритет частной собственности, решительная борьба с преступностью и уважение традиции национальной самобытности. ХНО включило в свои предложения тезис, согласно которому кандидатом правых на пост президента не может быть Л. Валенса, что предполагал план Соглашения центристских сил. ХНО выразило пожелание, чтобы в состав конфедерации для начала вошло бы по крайней мере 10 партий из уже существующих правых блоков – Союз для Польши и Соглашение 11 ноября¹⁷.

Некоторые политики считали, что отдельные партии, входящие в разные блоки, не смогут преодолеть существующих между ними разногласий. Но это предположение не вполне оправдалось. Так, Соглашение центристских сил (из Союза для Польши), преодолевая свои давние предубеждения к Союзу реальной политики (Соглашение 11 ноября) и не напоминая тезиса о необходимости объединения всех правых вокруг Союза для Польши, решилось на участие в равноправных переговорах обоих блоков. Однако яблоком раздора оказался вопрос о выдвижении общего избирательного списка. Достаточно неожиданно дошло до очередной "перетасовки союзов". Вопреки прежним декларациям, ХНО признало решение о совместном старте в выборах преждевременным. Одновременно произошло сближение позиций Союза реальной политики и Соглашения центристских сил, которые требовали безотлагательного оглашения предвыборной интеграции правых.

По мнению лидера Консервативной партии А. Халля, солидаристские партии перед президентскими выборами представляли две противоречащие друг другу философии. Одна из них – это идея выдвижения общего кандидата "тех, которые не хотят возврата к ПНР", кандидата, который может выиграть и предотвратить "супермонополию" правительства левых. Другая философия – это желание обозначить партийную оригинальность путем выдвижения своего кандидата, что является идеей "вредной в ситуации господства коалиции СДЛС–ПКП". Однако "если другие выберут дорогу партийного эгоизма", то силы консервативной ориентации также "выступят под собственным знаменем"¹⁸.

14 января 1995 г. состоялась программная конференция правых партий, входящих в Союз для Польши и Соглашение 11 ноября (не принимало участие Движение за Речь Посполитую). По мнению Р. Чарнецкого (ХНО), эта конференция стала четвертым шагом в направлении интеграции правых. Первым было создание Союза для Польши и Соглашения 11 ноября, вторым – успех объединенных правых на выборах в местное самоуправление, третьим – встречи правых лидеров в варшавском костеле св. Катажины, названные Конвентом св. Катажины¹⁹.

Задачей последней конференции было согласование программ обеих правых коалиций. Были приняты общие программные принципы и заявление о выдвижении единого кандидата на пост президента. Трудности, с которыми пришлось столкнуться при работе над этими документами, свидетельствуют о программных и тактических различиях, разделяющих сегодня правых. Различия касаются, в частности, государственной системы: если Союз высказывается скорее за ее парламентско-президентскую форму, то Соглашение выступает за президентско-парламентскую. Соглашение более четко подчеркивает необходимость либерального, рыночного характера перемен в Польше, предлагая ликвидацию групповых привилегий, в том числе привилегий профсоюзов. Союз для Польши обращает внимание на необходимость укрепления семьи, увеличения расходов на науку, образование и борьбу с безработицей²⁰. Несовпадение позиций отмечалось также в вопросах национальной безопасности (выбрать ли линию однозначно прозападную или развивать добрососедские отношения также и с Востоком) и сельского хозяйства (Крестьянско-христианская партия выступала за еще большее ограничение вмешательства государства в эту отрасль). Зато согласие было достигнуто по вопросам о необходимости "национального ренессанса", отрицания "социализма и этатизма, подрывающих основы национального быта", а также проведения реприватизации и всеобщей приватизации.

У правых существуют различия и в подходах к проблеме модернизации польского общества. Часть правых группировок считает модернизацию своей основной задачей. Они хотят ее реализовать, учитывая национальную самобытность. Но встречаются и иные взгляды, в которых

выражаются опасения, что процессы модернизации как раз и приведут к утрате самобытности, суверенности. В политике это выражается в "переходе к обороне", когда проявляется осторожность и даже недоброжелательность к перспективам вхождения Польши в Европейский Союз, в поддержке протекционизма, в фиксации гарантии конституции уважения христианских ценностей и союза с костелом²¹.

Принятые на январской конференции "Совместные программные принципы" явились своего рода программой-минимум. По мнению Я. Качиньского этот документ свидетельствовал о том, что все польские правые продвигаются в направлении консерватизма. Он явился плодом многочисленных, иногда трудно достигаемых компромиссов. В частности, по настоянию Движения за Речь Посполитую и Национально-демократической партии включили пункт, гласящий, что правые группировки будут стремиться к членству Польши в НАТО. В компромиссной версии было принято положение, не допускающее "заключения союзов или постоянного сотрудничества с партиями, тяготеющими к традициям ПНР, а также с группировками, которые обрели левый идейно-политический облик". Не прошло поддерживаемое Союзом реальной политики предложение, декларирующее, что правые выступают за президентско-парламентскую систему – в конце концов было решено выразить поддержку парламентскому строю.

В "Совместные принципы" вошло также положение, что введение налогов может происходить исключительно по закону и что наряду со снижением фискальных нагрузок следует снижать налоговую прогрессию, вплоть до ее "устранения"; говорилось о необходимости сотрудничества между государством и костелом. Правые высказались также за люстрацию в соответствии с принципом "граждане имеют право знать прошлое общественных деятелей".

"Задачей лагеря правых в президентских выборах ПР будет выдвижение единого кандидата, имеющего шансы на поддержку широким спектром политических и общественных группировок", – записали правые в своей второй декларации. Однако они разделились не только по вопросу о составе формации, которая должна была бы такого кандидата поддержать, но и по поводу самой персоны кандидата²².

Таким образом, как программные, так и тактические разногласия постоянно расшатывали десять партий и группировок, входящих в Союз

для Польши и Соглашение 11 ноября. Однако несмотря на все различия, в правом лагере преобладал оптимизм. "Нам необходима правая формация многокрасочная, а не бесцветная", — утверждал М. Юрек из ХНО²³.

В марте 1995 г. основные политические силы приступили к "внутренним выборам", цель которых — определить претендентов на пост президента. Ряд внутрипартийных встреч провел, в частности, Союз свободы, считающийся в Польше наиболее серьезной оппозиционной парламентской силой. Окончательно кандидатура определилась в апреле на съезде, который выдвинул единого кандидата Союза свободы на президентские выборы. Не прошли кандидатуры экс-премьера Х.Сухоцкой и экс-министра обороны Я. Онышкевича. Победил бывший видный деятель "Солидарности" Яцек Куронь, продолжающий оставаться одним из самых любимых и популярных политиков в Польше²⁴.

Некоторые варшавские обозреватели выражали мнение, что правые партии настолько слабы, что даже в случае объединения не в состоянии своими силами провести "собственного" президента. Поэтому просчитывались варианты, согласно которым как только эти партии определятся с кандидатами, сразу же начнется игра за привлечение на свою сторону профсоюза "Солидарность", совмещающего ультралевые социальные требования с правыми политическими приверженностями²⁵. Это — единственная организация на правой стороне внутриполитической сцены, способная привести в движение от нескольких сот тысяч до более миллиона избирателей.

Отдельно следует рассмотреть проблему поиска правыми союзников. В этом тоже не было единодушия. Разделяло правых отношение к президенту. Прежний политический расклад среди внепарламентских правых партий может быть заменен делением по новым критериям, — считали противники Л. Валенсы. С одной стороны встанут группировки, не исключаяющие поддержки президента, а с другой — те, которые ни при каких условиях его не поддержат. Первый из этих лагерей может быть построен на основе связки Союза реальной политики — Христианско-национального объединения. Валенса не раз демонстративно показывал, что он является не только единственной силой, имеющей реальные возможности противостоять "коммуне" и ставить левый парламент перед угрозой роспуска, но также последовательным защитником хри-

стианских ценностей. На противоположной стороне могло остаться только Соглашение центристских сил с небольшой, но динамичной Консервативной коалицией. Деятели этих партий исключали сотрудничество с президентом не только потому, что уже однажды обманулись в Валенсе, но и ввиду своей убежденности, что в Польше есть многочисленный правый и антикоммунистический электорат, который разочаровался в Валенсе и не поддержит его ни при каких условиях. В свою очередь действия Валенсы были направлены на поиск антикоммунистического электората; вместе с тем нужно было воспрепятствовать возникновению правого блока, независимого от президента и способного выдвинуть собственного кандидата на президентских выборах²⁶.

Судьба правых в значительной мере зависит от их отношений с костелом. Политические инициативы ксендзов в последние годы стали почти обычаем. Во времена общенациональных кризисов, в период, предшествовавший "круглому столу", костел облегчал встречи между представителями "Солидарности" и тогдашнего руководства страны. Еще до выборов осенью 1993 г. среди правых политиков существовало убеждение, что "если бы мы были объединены", костел без сомнения нам бы помог. Архиепископ Т. Гоцловский присутствовал при рождении Католического избирательного комитета "Отчизна". Как тогда говорили, прилагательное "католический" в названии Комитета должно было служить доводом своего рода авторства костела в создании "Отчизны". Однако позиция церковной иерархии в целом была довольно сдержанна, и это интерпретировалось по-разному. Одни говорили о ее "мудрости", другие — о "выводах, сделанных из опыта последних лет", а некоторым казалось, что поставленный в трудную ситуацию в результате раздробленности правой формации костел не имел другого выхода, как только соблюдение дистанции.

После выборов 1993 г., когда правые начали интенсивно объединяться, а точнее говоря, дискутировать о необходимости объединения, епископат продолжал "политику невмешательства", заявив, что "уважает результаты выборов". Не называя непосредственно правых, он определил "многочисленность и раздробленность других партий" (т.е., значит, нелевых) как одну из причин такого, а не иного результата выборов. Этот комментарий, однако, не означал, что костел поможет

правым в объединении, но и не исключал, что такую поддержку имеют шанс получить все уже объединенные правые. "Нашей задачей является снять с костела заботу выбора между различными взглядами в рамках правого центризма, – говорил С.Сивек, когда-то близкий соратник Я. Качиньского в Соглашении центристских сил, а осенью 1993 г. – автор одной из интеграционных инициатив. – Если мы достигнем компромиссов, то не исключена награда в виде более или менее открыто проявляемой благосклонности костела"²⁷.

Осенью 1993 г. назывались по крайней мере два аргумента в пользу продолжения курса костела "на дистанцирование". Первый – официальный, вытекающий из общих взглядов, согласно которым костелу следует больше внимания обращать на спасение душ, чем на текущую политику. Второй – основанный на мнении одного из собеседников газеты "Речипосполитой", который это сформулировал следующим образом: "Правящие левые и костел наблюдают друг за другом. Не в интересах ни одной из сторон начинать конфликт, по крайней мере сейчас"²⁸.

Почти все известные правые лидеры, даже те, которые заявляли, что никогда не сядут вместе за один стол, пришли в ноябре 1994 г. по приглашению ксендза Майя в варшавский костел св. Катажины. Деятели Секретариата правоцентристских группировок, подчеркивавшие свои прекрасные отношения с ксендзем Майем, видели в Конвен-те способ выхода из изоляции. Ст. Нежеловски (ХНО) высказал мнение, что костел, как не zaangażированный в поддержке ни одной из партий, может помочь раздробленным и ссорящимся группировкам²⁹.

Кроме поиска в костеле моральной и интеллектуальной поддержки, в правых кругах существует тенденция рассматривать его и как политического союзника. При этом особенно учитывается, что костел по-прежнему имеет высокий общественный престиж, который в случае длительного правления левых может только возрастать, чего нельзя было сказать о популярности, например, президента.

Фактором, затрудняющим формирование серьезного правого лагеря, является присутствие на польской политической сцене Союза свободы – партии, образовавшейся в результате объединения в апреле 1994 г. Демократического союза (ДС) и Либерально-демократиче-

ского конгресса (ЛДК)³⁰. Она включает две потенциальные формации: социал-демократическую и консервативно-либеральную. Выборы в местные органы власти в июне того же года не принесли Союзу свободы большого успеха, но и не обернулись крупным поражением. Это была первая проверка популярности партии, существующей всего два месяца. Лидеры бывших ДС и ЛДК производили впечатление довольных: если трактовать выборы в местное самоуправление как плебисцит о доверии к различным политическим силам, то он показал, что популярность правящей левой коалиции по крайней мере не возросла.

Вместе с тем политический старт Союза свободы нельзя признать удачным. Получив средние результаты на местных выборах, он был обречен на коалицию, что являлось причиной дискомфорта в партии, которая надеялась действовать самостоятельно. Руководство Союза сразу же после выборов стало публично отказываться от локальных коалиций с СДЛС, указывая на правые группировки как на единственного партнера. Тем самым депутаты от Союза были поставлены в зависимое от правых положение: если партия может сотрудничать только с правыми, то она должна принять их условия. Яцек Куронь заявил, что уже слышит "триумфальный голос всех этих правых: вы должны идти с нами", подчеркивая, что он почувствовал себя проданным "политическим банкротам". Такую характеристику Куронь дал правым, причем в то время, когда считалось, что они завоевали успех на выборах. На заседании Совета Союза Я. Куронь резко воспротивился "правым наказам" и "левым запретам", и содержание соответствующей инструкции, которая пошла на места, было значительно смягчено — допускался союз с СДЛС и ПКП, но при условии уведомления центральных органов³¹.

Депутаты от Союза свободы значительно реже заключали локальные союзы с коллегами из СДЛС, чем из правых блоков. Еще реже соглашения с СДЛС имели характер официальных коалиций, как это было, в частности, в Люблине, Кошалине, Гожове. Обычно же это были "тихие" соглашения, как в Кракове и Тарнове. Союз свободы, несмотря на то, что по количеству избранных депутатов занял на выборах в местное самоуправление только третье место (после СДЛС и правых коалиций), имеет относительно больше глав местных админи-

страций³². Это связано со "срединной" позицией Союза, дающей возможность заключать соглашения как "слева", так и "справа". Но немногое тогда указывало на то, что в ближайшем будущем подобное станет возможным также в "большой политике", на центральном уровне.

В правых партиях велись бурные дискуссии об отношении к Союзу свободы. Сам же Союз стоит перед выбором на политической сцене стратегического партнера. Руководство партии стремится найти такого союзника на правом фланге, однако единое мнение по этому вопросу отсутствует, есть политики, которые хотели бы искать союзника в левом секторе. После заключения локальной коалиции с СДЛС в Варшаве Союз свободы для большинства правых группировок превратился в малоинтересного партнера по строительству предвыборного объединения "послеавгустовской Польши". "Это стыд и позор! В этой ситуации Союз не является и никогда не будет для нас политическим партнером", – заявил вице-председатель ХНО Ст. Нещеловски. По его мнению Союз вел себя "как Сталин в 1939 г., который проводил переговоры с союзнической миссией и одновременно подписывал пакт с Риббентропом". "Если бы союз с СДЛС распространился на парламент, то при встрече уже не о чем было бы говорить", – отметил вице-председатель Соглашения центристских сил Л. Дорн. Союз реальной политики уже давно исключил Союз свободы как потенциального союзника, считая при этом, что соглашение с СДЛС в Варшаве "увеличивает шансы упорядочения польской политической сцены": наконец-то избиратели смогут сориентироваться, какие группировки расположены на левом фланге, а среди них окажется и Союз свободы³³.

Менее критичны были по отношению к Союзу свободы Консервативная и Крестьянско-христианская партии. Перед местными выборами они в большинстве городов склонялись к коалиции с Союзом и рассчитывали на совместное с ним строительство "послеавгустовского лагеря" для кампании по выборам президента. Один из деятелей Консервативной партии – П. Фоглер высказал суждение, что варшавская коалиция Союза свободы с СДЛС может привести к распаду Союза и выходу из него правого крыла, с которым консерваторы хотели бы тесно сотрудничать. "Я всегда считал, что эта группировка слишком разнообразна, чтобы быть единой партией", – заявил он ³⁴.

Весьма вероятным потенциальным союзником правых партий оставалась "Солидарность". В первые месяцы после проигранных ею парламентских выборов в 1993 г. (ей не хватило 14 тыс. голосов, чтобы преодолеть 5%-й барьер) она не вмешивалась в политику. Казалось, что "Солидарность" вообще отказывается от политических амбиций и сосредотачивается на профсоюзной деятельности. Однако – достаточно неожиданно для некоторых обозревателей – она решилась на блок с Секретариатом правоцентристских группировок, организацией, объединяющей несколько мелких партий, которые определяют себя как "антикоммунистические и независимые".

Как уже говорилось, успешная акция по сбору подписей в поддержку общественного проекта конституции сцементировала сотрудничество между "Солидарностью" и Секретариатом. Очередными этапами сближения были упоминавшиеся совместные программные конференции. Особые ожидания были связаны с декабрьской (1994 г.) "интеграционной" конференцией правых. Надежда на успех была тем большей, что на сотрудничество с "Солидарностью" в последние месяцы начали рассчитывать также правые вне Секретариата. "Солидарность", усиленная конституционной акцией и все более частыми публичными выступлениями, получающая 10%-ю поддержку в социологических опросах, стала привлекательным партнером, особенно в свете приближавшихся президентских выборов. Однако значение декабрьской конференции из-за отсутствия официальных представителей важнейших правых партий было невелико. В то время правых и "Солидарность" все-таки больше разделяло, чем объединяло. Объединяющим были их общие антикоммунистические корни и схожее отношение к национальной традиции и месту костела в государстве. Но существуют и принципиальные разногласия, которые ограничивают возможности соглашения между профсоюзом и правыми партиями.

На правом политическом фланге проявились две явные позиции по отношению к "Солидарности". Сильные правые блоки – Союз для Польши и Соглашение 11 ноября – ожидали от профсоюза сотрудничества в референдуме по конституции, совместного участия в кампании, направленной на отклонение проекта конституции, выработанного Национальным собранием. Вместе с тем отрицался и конституционный проект,

подготовленный "Солидарностью". Для правых приемлемы идейно-философские положения этого проекта, но их согласие с социально-экономическими претензиями "Солидарности" (в частности, предусматривается большое влияние Трехсторонней комиссии и широкие социальные гарантии) было бы равносильно отказу от либеральной рыночной программы, которая привлекает хотя и небольшие, но надежные группы избирателей. Расчет делался также на то, что в случае выдвижения правыми единого кандидата на пост президента "Солидарность" его поддержит – и тогда большую роль может сыграть сохранившаяся динамичная структура профсоюза во всех регионах страны, структура, которой правые партии лишены. Что же касается Секретариата правоцентристских группировок, то он объединяет партии более слабые и до недавних пор игнорируемые остальными внепарламентскими коалициями. Следует подчеркнуть, что эти партии являются правыми главным образом в идейной сфере, касающейся отношения к национальной традиции и костелу, а их экономические концепции считаются в целом левыми – отсюда неудивительно сближение Секретариата с "Солидарностью".

Труднее было определить, что "Солидарность" ожидала от сотрудничества с Секретариатом. Многие указывало на то, что профсоюз, лишенный избирательным законом возможности самостоятельно участвовать в парламентских выборах и пока не решающийся на создание собственной партии, хотел, чтобы правоцентристы стали его "политическим выразителем". Если речь шла о создании профсоюзного "политического филиала", то относительно слабый, нуждающийся в партнерах Секретариат для такой роли подходил – слабым можно диктовать условия. Но не исключено, что "Солидарность" хотела бы, чтобы возможность для "вхождения в политику" ей обеспечивали и остальные правые партии – к этому их может вынудить общественно-политическая ситуация в стране. Однако Союз для Польши и Соглашение 11 ноября неизменно декларировали, что сделают все, чтобы не стать пристройкой к профсоюзу³⁵.

Определенные опасения правых относительно союза с "Солидарностью" в первую очередь связаны с неизбежной доминацией "Солидарности" в таком союзе. Капиталом "Солидарности" и одновременно

весьма сильным аргументом для занятия ею ключевой роли в блоке с правыми является историческое, легендарное название профсоюза, связанное с победоносной борьбой против коммунистов, а также живучие структуры – наверняка, значительно лучше организованные, чем партийные структуры – и не только правых группировок.

Взаимные настороженность, недоверие и амбиции в отношениях между отдельными правыми и центристскими лидерами и группировками привели к тому, что попытка создать осенью 1995 г. в ходе кампании по выборам президента единый антилевый фронт явно запоздала. При этом не всегда были правильно оценены смещения и переменчивость массовых настроений, степень популярности различных общественно-политических деятелей. Одно время, например, казалось, что политическая карьера Л. Валенсы близка к завершению – его рейтинг по результатам социологических опросов не достигал и 10%, значительно уступая показателям не только левого лидера А. Квасьневского, но и таких деятелей правого лагеря, как Я. Куронь, А. Олеховский. Однако последние недели избирательной кампании были проведены Валенсой очень энергично, в основном под лозунгами борьбы за спасение Польши от "красной опасности". В октябре о поддержке кандидатуры Валенсы заявила "Солидарность" и в конечном счете он вновь превратился в основную политическую фигуру, способную, по мнению многих поляков, остановить наступление левых.

В первом туре выборов (5 ноября 1995 г.) больше всего голосов набрал признанный фаворит А. Квасьневский – 31,5%, однако Л. Валенса уступил ему всего около 2%. Другие претенденты намного отстали – занявший третье место Я. Куронь не набрал и 10% голосов. В оставшиеся до второго тура две недели была предпринята попытка правых и центристов объединиться вокруг общей кандидатуры. С призывами голосовать за Валенсу выступили Т. Мазовецкий, Я. Куронь, К. Скубишевский, Я. Ольшевский и даже партнер социал-демократов по парламентско-правительственной коалиции, лидер Крестьянской партии В. Павляк. Шансы на победу, для которой во втором туре было достаточно относительного большинства, расценивались в соотношении примерно 43:41 в пользу Валенсы. Однако, как это было уже не раз, практика опрокинула казалось бы самые выверенные прогнозы – президентом Польши был избран А. Квасьневский. Вместе с тем бы-

ло опровергнуто довольно распространенное мнение о политической "кончине" Л. Валенсы. У него есть достаточные основания претендовать на лидерство в широкой правой и правоцентристской части политического спектра Польши. В общественно-политической жизни страны многое будет зависеть от реального стремления правых лидеров к долгосрочному, стратегическому единству действий.

Примечания

- 1 Rogóyski A. Odpowiedzialność prawicy // Rzeczpospolita. 1992. 14–15.III.
- 2 Hall A. Jaka przyszłość dla prawicy //Rzeczpospolita. 1993. 30.IX.
- 3 Pilka M. Na prawo od lewicy //Rzeczpospolita. 1993. 22.IV.
- 4 Wawrzewska B., Winczorek P. W drodze na prawo //Rzeczpospolita. 1993. 10–12.IV.
- 5 Semka P. Polityczne zaduszki //Tygodnik Solidarność . № 44. 1991. 1.XI. S. 1; Miktaszewska M. Falstart polskiej demokracji //Ibid. S.5.
- 6 Katolicki komitet wyborczy "Ojczyzna" //Rzeczpospolita. 1993. 14.IX.
- 7 Hall A. Jaka przyszłość dla prawicy //Rzeczpospolita. 1993. 30.IX; Terentiew R. Tak zwana prawica //Tygodnik Solidarność. № 40. 1993. 1.X. S. 5; Macierewicz A. Prawica, ale jaka? //Ibid. № 13. 1994. 25.III. S. 4–5.
- 8 Zdort M. Na prawicy: dalszy podział czy zjednoczenie. Raczej obóz niż partia //Rzeczpospolita. 1993. 29.IX.
- 9 Siwek S. Alternatywa zjednoczenia prawicy //Rzeczpospolita. 1993. 21.X.
- 10 Ibidem.
- 11 Groblewski K. Prawicowe flirty //Rzeczpospolita. 1994/ 12.V; Groblewski K. Pięciu konfederatów //Ibid. 1994. 13.V.
- 12 Zdort M. Kanapa najmniejsza. Sekretariat Ugrupowań Centroprawicowych //Rzeczpospolita. 1995. 25–26.II; Królak St. Bilans jednego otwarcia //Tygodnik Solidarność. № 11. 1994. 11.III. S. 4–5.

13 Konstitucyjna alternatywa "Solidarności" //ИТАР-ТАСС. Сер. СЕ. 1994 г. 8 сентября. С. 13–15; *Graczyk R.* Propozycje do odzuczenia? //Tygodnik powszechny. № 30. 1994. 24.VII. S. 4.

14 *Zdort M.* Rok (bez) prawicy: W poszukiwaniu nowej twarzy // Rzeczpospolita. 1994. 19.IX. S. 3, 4.

15 Wybory w Polsce – недовольных нет //ИТАР-ТАСС. Сер. СЕ. 1994. 29 июня. С. 12–14; *Budzisz M.* Po wyborach samorządowych – z myślą o prezydenckich //Rzeczpospolita. 1994. 15.VII; *Olszewski Ksz.* Przymierze dla Polski. O wynikach wyborów władz miejskich i konstytucji //Tamże. 1994. 21.VII; *Prawica wraca na scenę* //Tamże. 1994. 21.VI. S. 1,2.

16 *Zdort M.* Przetarasowanie koalicji: Kampania prezydencka będzie "katalizatorem" zmian na scenie politycznej //Rzeczpospolita. 1994. 18.X. S. 2.

17 Kościół chce połączyć i pogodzić prawicę //Rzeczpospolita. 1994. 12–13. XI; Jednoczenie prawicy według ZChN //Tamże. 1994. 15.XII. S. 3.

18 Konserwatyści czekają na męża stanu //Rzeczpospolita. 1994. 5.XII. S. 2.

19 Czwarty krok prawicy. ZChN dąży do zbliżenia z "Solidarnością" //Rzeczpospolita. 1995. 10.I. S. 2.

20 Najpierw wspólny program, potem koalicja. Konfederacja na osi ZChN-UPR //Rzeczpospolita. 1994. 28.XII. S. 2.

21 *Hall A.* Co dalej z prawicą? //Rzeczpospolita. 1995. 16.II.

22 *Zdort M.* Prawica targają spory //Rzeczpospolita. 1995. 14–15.I. S. 5; *Janicki M.* Prawica częściowo razem //Polityka. № 3. 1995. 21.I. S. 7.

23 Prawica: wielobarwna, a nie bezbarwna, Jedność mimo różnorodności //Rzeczpospolita. 1995. 16.I. S.2.

24 *Paradowska J.* Start dwupłatowca. Unia Wolności: rozsądek ponad uczuciami //Polityka. № 14. 1995. 8.IV. S. 1,5; *Корнилов Л.* Автор польской шоковой терапии возвращается в большую политику //Известия. 1995. 6.IV.

25 Startует президентская гонка //ИТАР-ТАСС. Сер. СЕ. 1995 г. 22 марта. С.16–17; *Paradowska J.* Pałac marzeń. Kandydaci prawicy: niech wygra najlepszy, czyli ja //Polityka. № 26. 1995. 1.VIII. S. 6.

26 Czego chce prawica za poparcie Lecha Wałęsy //Rzeczpospolita. 1994. 4.X. S. 2; *Zdort M.* Wałęsa dzieli prawicę //Tamże. 1994. 2.XII. S. 2; *Hall A.* Co dalej z prawicą? //Tamże. 1995. 16.II.

27 *Usidus M.* Kościół a dalsze losy prawicy // Rzeczpospolita. 1993. 27.X. S. 2.

28 *Ibid.*

29 *Zdort M.* Duchowna sukienka pomaga skłóconym: Przedstawiciele Kościoła partonują integracji prawicy //Rzeczpospolita. 1994. 3-4. XII. S. 2.

30 См. подробнее: *Майорова О.Н.* Либерально-демократический конгресс в поисках своего места на польской политической сцене // Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995, с. 88–96.

31 *Subotić M.* Uroki środka. Lokalne potyczki Unii Wolności // Rzeczpospolita. 1994. 25. VII. S. 3; *Smyk E.* Przepis na władzę //Tygodnik Solidarność. № 32. 1994. 5.VIII. S. 10–11.

32 *Groblewski K.* Niedobre wyjścia //Rzeczpospolita. 1994. 4.VII. S. 2; *Subotić M.* Unia nie potrafi być opozycją //Tamże. 1994. 1–2. X. S. 2.

33 *Zdort M.* Prawica zde gustowana sojuszem UW z SLD //Rzeczpospolita. 1994. 7.XI. S. 2; *Paradowska J.* Mieszanie bez cukru: Czy obecny układ polityczny wyczerpał swe możliwości? //Polityka. № 9. 1995. 4.III. S. 8.

34 *Subotić M.* Wszystko na sprzedaż: Po zawarciu koalicji SLD-UW w Warszawie //Rzeczpospolita. 1994. 7.XI. S. 5.

35 *Zdort M.* “Solidarność” dla prawicy czy prawica dla “Solidarności” //Rzeczpospolita. 1995. 9.I. S. 5; *Waszkiewicz B., Zdort M.* Sojusz “Solidarności” z prawicą wciąż możliwy // Tamże. 1995. 31.I. S. 2; *Janicki M.* Wszystkie partie “Solidarności” //Polityka. № 16. 1995. 22.IV. S. 3.

А.Б.Едемский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СЕРБИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 1993 г.

Определяющая тенденция в политической жизни Сербии на протяжении последних лет – отношение к усилиям мирового сообщества по прекращению конфликта в Боснии. В мае 1993 г. С. Милошевич и Социалистическая партия Сербии (СПС) предприняли рискованный с внутривластной точки зрения шаг, поддержав план сопредседателей Лондонской конференции С. Вэнса и лорда Д. Оуэна по урегулированию этого конфликта. Социалисты оказали давление на руководство боснийских сербов и парламент сербов в Пале, потребовав согласия с указанным планом, но он был отвергнут на референдуме боснийскими сербами¹. Эти действия социалистов вызвали недовольство в стане сербских радикалов; правящая коалиция, и без того непрочная, дала серьезную трещину.

Политическая жизнь Сербии дошла до точки кипения к осени 1993 г., когда лидер сербских радикалов В. Шешель обвинил СПС и лично президента республики С. Милошевича в предательстве интересов сербского народа. Поводом для такого обвинения стало решение официального Белграда пойти навстречу требованиям международного сообщества и оказать давление на боснийских сербов, требуя принятия ими плана по урегулированию ситуации в Боснии и Герцеговине. Сербская радикальная партия (СРП) выступила с инициативой о выражении в парламенте недоверия правительству Сербии. Коалиция между СПС и СРП была взорвана.

Партия власти сделала ответный ход, обнародовав 28 сентября 1993 г. заявление, в котором призвала "все демократические силы Сербии" к борьбе против "угрозы диктатуры и фашизма", против "зла, которое олицетворяет Шешель". Лидер радикалов был обвинен в стрем-

лении "подорвать усилия по восстановлению мира на территории бывшей Югославии", "нагнетании военного психоза", "разжигании ненависти к сербам среди граждан другой национальности". При этом прозвучали резкие обвинения в том, что Шешель создал незаконные вооруженные формирования на сербских территориях вне Югославии. Вслед за этим последовали аресты сербских добровольцев, принимавших участие в военных действиях в Боснии и Хорватии.

В ответ В. Шешель, отвергая все наветы в "военной наживе и бабышничестве", обвинил СПС в коррупции, продажности и стяжательстве, назвав своих партнеров по правительственной коалиции "сборищем преступников, живущих в роскоши при всеобщем обнищании сербского народа". Он выдвинул ряд требований явно популистского плана, среди которых были предложения установления на период санкций единой зарплаты для всех госслужащих, распределения по низким ценам основных продуктов и товаров первой необходимости, а также продажи государственных представительских объектов для выплаты пособий пенсионерам, что вызвало особое раздражение в стане социалистов.

Обмен политическими колкостями не стал последней ступенью полемики. 7 октября на заседании парламента В. Шешель обвинил правящую СПС в серии злоупотреблений, включая коррупцию и распродажу интересов сербского народа, инициировав обсуждение в парламенте возможности голосования за недоверие правительству. Социалистам удалось сманеврировать, устроив недельный перерыв в заседании. Используя монопольный контроль над средствами массовой информации, они ответили резкой критикой действий В. Шешеля, не дав эфирного времени радикалам². Вслед за этим, воспользовавшийся удачно складывавшейся для этого международной ситуацией (расстрелом парламента в Москве осенью 1993 г.) президент Сербии С. Милошевич распустил сербскую Скупшину и назначил новые выборы на 19 декабря 1993 г. В ходе короткой избирательной кампании основным пунктом предвыборных программ всех партий стала дискуссия о будущем сербского народа на территории бывшей социалистической Югославии. Как саркастически отмечали наблюдатели, в ходе предвыборной гонки все партии соперничали друг с другом в определении размеров "великой Сербии"³.

То обстоятельство, что средства массовой информации по-прежнему контролировались правящей партией, позволило СПС создать впе-

чатление у избирателей в верности проводимого руководством страны внутри- и внешнеполитического курса как единственно возможного в той ситуации для всего сербского народа на территории бывшей Югославии. В ходе спринтерской предвыборной кампании партия власти не ограничилась информационной блокадой оппозиции, но и провела аресты среди лидеров радикалов, выдвинув против них обвинения в террористической деятельности на территории Боснии.

Итоги выборов в новый 250-местный состав сербского парламента не принесли больших сюрпризов. Социалисты значительно увеличили свое представительство, получив 123 места, тогда как их прежний партнер по правительственной коалиции Сербская радикальная партия – всего 39. Остальные места распределялись следующим образом: Демократическая оппозиция Сербии – 45 мест; Демократическая партия Сербии (ДПС) – 29 мест; Демократическое сообщество венгров Воеводины – 5 мест; Коалиция албанских партий – 3 места (албанские партии Косово вновь бойкотировали выборы).

Итоги выборов показали, что радикалы существенно ослабили свое влияние в обществе, а СПС его значительно укрепила. Второй политической силой в стране стало движение ДЕПОС – коалиция ряда партий во главе с Движением обновления Сербии В. Драшковича. Резко возросло влияние Демократической партии⁴. Хотя социалисты добились успеха, оправдав курс на разрыв с радикалами В. Шешеля, им все же не удалось получить абсолютного большинства, необходимого для формирования однопартийного правительства.

Формирование однопартийного правительства в Сербии, которое, в силу доминирующего положения этой республики в югославской федерации, является основным элементом исполнительной власти в СРЮ, внесло немало драматических моментов в политическую жизнь страны. Для создания работоспособного кабинета СПС был необходим союз с какой-либо из партий, представленных в Скупщине республики. Социалисты предприняли поиск союзников⁵. 28 декабря 1993 г. лидеры различных парламентских партий встретились с президентом Сербии С. Милошевичем для обсуждения путей и вариантов формирования нового правительства. В ходе встречи СПС подтвердила свой предвыборный лозунг, вложив его на этот раз в уста спикера партии Ивицы Дашича, заявившего о готовности социалистов к созданию коалиции с лю-

бой из партий, за исключением СРП. Но процесс формирования кабинета осложнился. 29 декабря газета "Борба" сообщила об отказе оппозиционных партий поддержать "правительство социалистического меньшинства". Менее жесткую позицию занял Зоран Джинджич, лидер ДП, который объявил о готовности помочь в формировании нового кабинета, но лишь в том случае, если он будет "правительством национального спасения", члены которого оставят в стороне партийные интересы. Джинджич указал, что СПС больше не может управлять Сербией одна, однако следует считаться с тем, что на выборах она получила значительную часть голосов избирателей и не может быть исключена из процесса управления страной. "Если партии сербской скупщины не научатся находить компромисс, то согласия не будет достигнуто, а если не будет согласия, то мы будем иметь экономическую блокаду, новые выборы и новый кризис"⁶.

Неудивительно, что наблюдатели уделяли большое внимание взглядам З. Джинджича и позиции всей Демократической партии (ДП) в целом. По сравнению с последними выборами "демократы" увеличили число депутатских мандатов в пять раз, что говорило о росте ее влияния в Сербии. В то же время сам рекламно-красивый лидер демократов привлекал симпатии избирательниц по всей республике, а его появление в руководстве страны, могло бы содействовать прекращению "демонизации" сербского народа и в международных средствах массовой информации. Поэтому понятно, что закулисные переговоры между социалистами и Джинджичем о формировании кабинета взволновали наблюдателей. Однако сделка не состоялась, так как в ходе переговоров Джинджич выставил неприемлемое условие – лидер ДП считал возможной коалицию лишь при получении для себя поста премьер-министра, тогда как С. Милошевич привык единолично решать подобные дилеммы⁷.

Если итоги декабрьских (1993 г.) выборов еще раз продемонстрировали неспособность оппозиционных партий выступить единым фронтом против правящей СПС, то состоявшиеся послевыборные консультации по поводу формирования кабинета показали, что большинство антиправительственных заявлений и слов презрения в отношении СПС нельзя считать искренними. Лидеры всех партий (за исключением по-

следовательной в своей критике президента С. Милошевича и социалистов Демократической партии В. Коштуницы) были готовы забыть о своих критических замечаниях в адрес властей и пойти на компромисс с СПС в расчете на получение мест во властных структурах Сербии, оправдав это стремлением принести пользу народу и усилить позиции своей партии.

Начало 1994 г. показало, что наследники СКЮ во главе с С. Милошевичем прочно контролировали положение в стране. Им вновь удалось предотвратить создание единого антисоциалистического фронта оппозиции. Поиск союзников для формирования кабинета потребовал чуть больше времени, но в этот раз, с учетом негативного опыта допущения радикалов в правительство, в результате чего они получили возможность авторитетно разоблачать "темные махинации власти", руководство СПС более тщательно отнеслось к отбору партнеров. С. Милошевич выбрал иной путь создания коалиции, решив отколоть несколько депутатов от оппозиционных партий в самом парламенте. В числе кандидатов в союзники рассматривались депутаты из фракции ДП и движения ДЕПОС. Возможность такого хода стала очевидной уже 1 февраля, когда представитель СПС Драган Томич, набрав при голосовании в Скупшине 125 голосов, был избран на пост председателя парламента⁸. Тем самым руководство СПС получило новое подтверждение реальности сформирования "социалистического" правительства при поддержке "независимых" депутатов – их следовало лишь "найти". Дальнейший ход событий полностью подтвердил оправданность подобного курса.

В конце февраля президент Сербии поручил формирование кабинета Мирко Марьяновичу⁹. Следующим шагом стало присоединение к социалистам некоторых депутатов, отколовшихся от других партий. В начале марта дал согласие войти в правительство Слободан Радулович – член ДП. В то же время ее лидер З. Джинджич указал, что партия не намерена официально присоединяться к правительству М. Марьяновича¹⁰.

15 марта 1994 г. новый премьер Сербии обнародовал перед Скупщиной состав своего правительства. Оно состояло из социалистов, но ряд портфелей получили члены партии Новая демократия (НД), входившей во время предвыборной кампании в блок ДЕПОС. По воле судьбы

небольшая партия, которая в одиночку не преодолела бы пятипроцентный барьер и смогла сделать это лишь в коалиции с ДЕПОСом, предала своих партнеров в обмен на приближенность к власти. При этом НД не ограничилась ролью пассивного статиста. Ее лидер Душан Михайлович занял видное место критика оппозиции, обвиняя своих недавних союзников в неконструктивных действиях в решающий момент истории сербского народа в излишне критичном подходе к сотрудничеству с правительством¹¹.

Сформированная к весне 1994 г. правящая коалиция сделала возможной беспрепятственное проведение правительством твердого экономического курса, который получил одобрение обозревателей и оказался достаточно успешным в условиях жестких международных экономических санкций против СРЮ. В числе его положительных сторон стало обеспечение стабильности валюты, подавление скачков инфляции¹². В целом итоги первого года деятельности правительства позволяли говорить об устойчивости кабинета, когда нейтральные наблюдатели и правящие силы одобряли его действия, а оппозиционные лидеры умеренно или резко критиковали¹³.

События 1994 г. вновь показали, что оппозиция не способна оказать эффективное противодействие "партии власти". Как и в прошлом, оппозиционеры не были готовы отложить свои разногласия с целью объединения для устранения от власти СПС и проведения радикальных реформ. В 1994 г. сделать это стало еще труднее, поскольку главным для всех политических сил продолжали оставаться не радикальные преобразования в стране, а "сербский вопрос" на Балканах – будущая государственная принадлежность территорий, населенных сербами и оказавшихся спорными в результате развала югославской федерации в 1991 г.

Действия оппозиции по объединению сил для противостояния монополии СПС не были последовательными. Напротив, характерной чертой стала дальнейшая фрагментаризация оппозиционного политического спектра. Спорадические призывы к единению последствий не имели. Так, призыв лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницы на ее съезде 26 июня 1994 г. сформировать "национальное демократическое ядро" сходно мыслящих партий, группировок и индивидуалов, так как "демократия является условием подлинно национальной политики", отклика не получил¹⁴.

Несмотря на потребность в объединении, вектор политического развития оппозиции был направлен в другую сторону – деление продолжалось. В начале июня 1994 г. была создана новая политическая партия, ядро которой составили одиннадцать бывших депутатов прежней Скупщины Сербии, ранее входивших, но затем исключенных из движения ДЕПОС и не избранных в декабре 1993 г. в новый парламент. Данная партия (группа Слободана Ракичица) сохранила за собой название ДЕПОС, еще больше запутав ситуацию вокруг формирования оппозиционной коалиции. Группа пыталась привлечь к себе политиков других формирований (Сербского движения обновления (СДО) и др.)¹⁵.

Главной разделительной темой для всех партий, а также спорным вопросом в политической жизни продолжали оставаться подходы к двум во многом взаимосвязанным проблемам: необходимость отмены международных санкций против Сербии как составной части Союзной Республики Югославия, ложившихся тяжелым грузом на экономику и население страны; вопрос о будущей государственной принадлежности тех земель бывшей социалистической Югославии, в которых сербское население к началу 90-х годов составляло большинство.

По отношению к этим проблемам политический спектр Сербии распался на две части. По одну сторону стояли партии (СПС, Новая демократия и ДЕПОС во главе с В. Драшковичем), поддерживавшие решения правительства, которое под давлением международного сообщества (в том числе и России) потребовало от боснийских сербов принятия плана "контактной группы", по другую – все остальные. Среди последних выделялись Радикальная партия, Демократическая партия и Демократическая партия Сербии, резко критиковавшие действия правительства и поддерживавшие его политические силы. При этом оппозиционные партии по-прежнему не могли договориться о единстве действий. Это позволяло режиму умело маневрировать, сглаживая оппозиционных лидеров, создавая с ними тактические союзы, приближая к властным структурам то одного из них, то другого. За весь период противостояния оппозиции "партии Милошевича" лишь лидер ДПС В. Коштуница сохранил репутацию непримиримого критика и соперника "команды власти", упорно не соглашаясь пойти с нею на любой альянс¹⁶. В 1994 и начале 1995 г. политическое руководство Сер-

бии продолжило политику давления на лидеров боснийских сербов, несмотря на жестокую критику этих действий со стороны оппозиции и их непопулярность в общественном мнении страны. Оно (под определенным влиянием российских дипломатов) поставило целью добиться снятия экономических санкций, наложенных СБ ООН в мае 1992 г. По мнению сербских лидеров, путь к ослаблению и снятию санкций лежал в продолжении поддержки плана урегулирования в Боснии, выработанного "контактной группой" (пятью странами — Великобританией, Францией, Россией, США и Германией) весной—летом 1994 г. и предложенного на утверждение противостоящим силам в Боснии.

Позиции С. Милошевича и правительства Сербии, поддержанные СПС и НД, были малопопулярны среди политических и религиозных кругов страны. Поведение руководства боснийских сербов, мужественно противостоящего совместному комбинированному (политическому, экономическому и пропагандистскому) давлению международного сообщества, к которому присоединился официальный Белград, вызвали симпатии и прямую поддержку со стороны оппозиционных партий и движений Сербии.

Реакция политических партий Сербии на действия правительства в отношении боснийских сербов оказалась в центре политической жизни Сербии на протяжении многих месяцев второй половины 1994 г. Памятуя о правительственном и общественном кризисе в конце 1993 г., сербское руководство не сразу взяло на себя смелость усилить давление на боснийских сербов. Ожидаемое сопротивление оппозиции и потенциально всего сербского общества было оправданным — в обмен за поддержку плана Вэнса-Оуэна весной 1993 г. Белград не получил облегчения в системе экономических санкций.

Двуличие международного сообщества, обосновывавшего введение санкций в мае 1992 г. военной поддержкой Белграда боснийских сербов, но настаивавшего на сохранении санкций (под новыми предложениями), после того как официальный Белград прекратил поддержку Пале и даже оказал давление, вызывало понятное негодование в стране. Подобная реакция была особо оправдана тем, что лишь недавно по всей Сербии добровольцы, направлявшиеся помочь своим "собратьям за Дриной", повсеместно считались героями...

Возмущение сербского общества, выражением которого были заявления оппозиционных партий, осудивших антисербские действия руководства СРЮ и Сербии в отношении Пале, стало сдерживающим фактором для С. Милошевича. Сербское руководство должно было получить определенные международные гарантии (предоставленные в какой-то мере Россией), а также обеспечить себе хотя бы минимальную поддержку внутри страны с тем, чтобы давление на Р. Караджича и его группировку в Пале в целях принятия плана "контактной группы" по разделу Боснии и снятия санкций с Белграда не взорвало политическую жизнь страны.

В начале июля 1994 г. на конференции в Белграде, прошедшей в Сербской патриархии с благословения патриарха Павла и обсудившей план "контактной группы" в контексте последних событий в Боснии, сербское духовенство обратилось с призывом к народу страны "встать на защиту их многовековых прав, свобод и жизненных интересов для их физического и духовного выживания на землях их отцов и дедов"¹⁷. Данный призыв прозвучал неспроста: к тому времени руководство Сербии предприняло несколько превентивных шагов, рассчитывая погасить резкую реакцию оппозиции на согласие официального Белграда с требованием международного сообщества ввести санкции против боснийских сербов со стороны СРЮ. Заявления югославского и сербского руководства, направленные против лидеров боснийских сербов с целью представить их как основных виновников тяжелого, в результате санкций, положения сербов в СРЮ, были одновременно направлены и против тех политиков в самой Сербии, которые поддерживали Пале. 7 июня 1994 г. президент СРЮ З. Лилич, занявший этот пост летом 1993 г. при поддержке С. Милошевича, отметил, что "никто не имеет права решать от имени граждан СРЮ вести дело к опустошению собственной страны. Стратегия вовлечения Сербии и СРЮ в войну не пройдет. Миллионы граждан Югославии не могут быть заложниками одного лидера вне зависимости от его принадлежности к СРЮ, Сербской Республике в Боснии или Республике Сербская Краина (на территории Хорватии). Никто не давал им этого права, и война должна закончиться." В то же время Лилич обещал максимально возможную экономическую поддержку этим двум сербским республикам в их контактах с СРЮ¹⁸.

Это заявление, которое было расценено как "пробный шар" С. Милошевича, брошенный при помощи югославского президента, позитивно восприняли в рядах СПС¹⁹ и в рядах группирующихся вокруг нее политических сил (председателем Новой демократии Д. Михайловичем и лидером Гражданского альянса Сербии Весной Пешич)²⁰. Тем самым был фактически завершен скрытый до тех пор процесс поиска СПС официальных партнеров для формирования коалиционного правительства. 28 июня 1994 г. С. Милошевич после встречи с Д. Михайловичем заявил о позитивной оценке решения НД присоединиться к правительству, поддержав таким образом идею создания кабинета национально-го единства. Президент Сербии посчитал, что НД в своих действиях исходила из патриотических мотивов, оставляя в стороне мелкие партийные интересы. Сам лидер НД, оценивая свою коалицию с СПС, заметил, что у него нет причин быть разочарованным²¹.

Поведение НД содействовало укреплению позиций СПС в политической жизни, позволяя начать массированную кампанию для подготовки решения о полной изоляции боснийских сербов. 10 июля Д. Михайлович заявил, что план, подготовленный международной контактной группой по Боснии является "последним шансом для мирного решения", поскольку боснийские сербы "не могут получить большего для своих национальных интересов посредством решений военных". При этом он выразил надежду, что боснийские сербы "примут правильное решение — мир, самую большую победу, которая может быть выиграна сербским народом в это время"²².

Ярким событием внутривнутриполитической жизни Сербии стало решение югославского и сербского руководства блокировать границу с боснийскими сербами и прекратить поставки (за исключением гуманитарной помощи) в начале августа 1994 г., а затем согласие на мониторинг границы с Боснией со стороны международных наблюдателей в обмен на поэтапное снятие санкций с союзной Югославии. Эти меры были поддержаны правящими партиями²³, а спустя некоторое время и движением В. Драшковича.

Давление белградского руководства на боснийских сербов было воспринято в штыки большинством партий Сербии. ДПС назвала заявление С. Милошевича и письмо правительства Сербии к руководству боснийских сербов с призывом принять план "контактной группы"

"скандалным". На пресс-конференции вице-председатель ДПС Предраг Протич отметил, что из 14 поводов, по которым СРЮ были навязаны санкции, вопрос Боснии был только одним из них. Он указал, что санкции не будут сняты до тех пор, пока международное сообщество не убедится в выполнении остальных тринадцати условий²⁴.

Решение правительства и руководства подняло бурю в парламенте Сербии. В августе-сентябре 1994 г. состоялось несколько чрезвычайных его заседаний. По требованию 84-х депутатов от СДЮ, СРП и СДС было созвано чрезвычайное четвертое заседание для обсуждения реакции югославских и сербских властей на решение боснийских сербов отказаться от плана "контактной группы". Однако "партия власти" провела резолюцию в поддержку политики правительства и президента. События достигли кульминации к концу августа, когда Демократическая партия представила проект декларации, потребовавшей от скупщины (парламента) принятия соглашения о принципах и основе создания конфедерации СРЮ с республикой боснийских сербов. В ответ на это вице-премьер Р. Маркович огласил новую декларацию правительства о мирном плане²⁵. Скупщина голосовала в поддержку последнего. Резолюция, предложенная клубом депутатов ДЕПОСа, не прошла. Депутаты трех партий – СРП, ДПС и Сербского движения обновления покинули сессию, пытаясь создать парламентский кризис. Однако оказалось, что в парламенте существует необходимый кворум, и было собрано нужное большинство из 130 депутатов СПС, Новой демократии, Гражданского совета Сербии²⁶.

Позиции властей укрепило ослабление санкций против Югославии, предпринятое СБ ООН в конце сентября 1994 г., которое посеяло среди населения надежды на их скорую полную отмену. Хотя критический запал оппозиции и сохранился, но массовой поддержки населения она не получала. Генеральный секретарь СПС Миломир Минич назвал ослабление санкций шагом к признанию политики СРЮ. Партнер СПС по коалиции партия Новая демократия сочла этот шаг "большим стимулом для населения и политических сил, высказывающихся за мир. При этом Новая демократия осудила "сторонников безответственной политики и войны".

Наиболее непримиримую позицию в отношении большинства действий правительства и сербского руководства в целом продолжала

занимать Сербская радикальная партия. Ее лидеры как бывшие союзники социалистов могли со знанием дела, авторитетно критиковать своих недавних партнеров. Главным полем критики оставалась "защита интересов сербского народа". Еще в начале 1944 г. в интервью журналу "Глобус" В. Шешель указал, что он не имеет ничего против нормализации отношений между Загребом и Белградом, но с учетом важной оговорки – нормализация не должна производиться "за счет интересов Республики Сербская Краина"²⁷. Радикалы резко осудили удары авиации НАТО по позициям боснийских сербов в первой половине 1994 г., связав их с попустительской деятельностью С. Милошевича и руководимых им сил. Радикалы оставались наиболее энергичными защитниками действий руководства боснийских сербов, осуждая планы "великих держав" по урегулированию в Боснии как "вредные для славянства".

С весны 1994 г. яростная, но безвредная для правящих кругов Сербии, критика со стороны СРП трансформируется в совершенно непредвиденные формы. Ведущие деятели радикалов, чувствуя свою неспособность совладать с руководством Сербии, пошли на первоначально, казалось бы, случайные инциденты, которые вскоре превратились в норму, своего рода "новый курс" сопротивления всевластию СПС. Это выразилось в различных некорректных формах публичного оскорбления социалистов (плевках, выплескивании в лицо оппонентов стаканов с водой и др.). Например, после того как 18 мая 1994 г. спикер федерального парламента Р. Божович лишил слова депутата СРП Д. Марковича, начавшего обвинять власти в политических и криминальных скандалах, выступающий выплеснул стакан воды в лицо спикеру²⁸. В ответ на это власти подвергли лидеров радикалов серии административных наказаний – штрафы, заключение на короткие сроки. Радикалы попытались превратить судебные разбирательства в трибуну для обличения режима. Это продолжалось в течение всего 1994 г. Среди всех оппозиционных партий радикалы, как уже отмечалось, наиболее резко осудили позицию сербского правительства и югославского руководства по поддержке плана контактной группы по нормализации положения в Боснии и согласие Белграда на "герметизацию" границы СРЮ силами наблюдателей ООН с территорией, удерживаемой боснийскими сербами.

Однако В. Шешель раскрыл мотивы, которыми руководствовался С. Милошевич в своих действиях в отношении Р. Караджича. По его мнению, объединение Пале и Белграда не в интересах Милошевича, так как в этом случае добавилось бы 1,5 млн избирателей, из которых даже 100 тысяч вряд ли проголосовали бы за него. По данным Шешеля, Милошевич намеревался добиться смещения Караджича с руководящих постов (конституционным или неконституционными способами)²⁹. Серия инцидентов в парламентах Сербии и Югославии, в результате которых В. Шешель и его ближайшее окружение были осуждены за хулиганское поведение, стала ярким показателем достаточной прочности позиции "партии власти" в стране. В условиях полного правительственного контроля за средствами массовой информации лидер радикалов явно стремился подобным некорректным способом все же привлечь к себе внимание общественности, использовать судебную скамью для обличения режима и создания "ореола мученика". Его соратники называли все это "геройским поведением".

Взгляды В. Шешеля в тюрьме стали еще резче и бескомпромисснее. Оценивая деятельность С. Милошевича, он отметил, что "тот совершил скрытый государственный переворот при помощи майоризации и подкупа отщепенцев из оппозиционных политических партий, навязал парламентариям правила, ограничивающие свободу их критики". Всю деятельность сербского руководства В. Шешель назвал "предательской и криминальной", естественно, "не отражающей национальные интересы сербского народа". По его прогнозам, С. Милошевич предаст и сербскую Крайину (в Хорватии), и Косово и Метохию, область Рашку и область Панония в Воеводине, а затем согласится с отделением Черногории от Сербии. "Этот современный сербский Калигула может сократить Сербию до размеров острова Ада Цыганлия (остров в Белграде, место рекреации в летние месяцы – А.Е.) с тем, чтобы остаться у власти".

Как и подобает лидеру оппозиционной партии В. Шешель резко негативно оценил "катастрофические результаты политики режима социалистической партии во всех сферах деятельности", ибо "государством откровенно владеют самые большие криминальные преступники, ни одна грабительская или коррупционистская афера не выведена на чистую воду. Все эффективно прикрывается. Экономика страны уни-

чтожена". Социалисты « не имеют никакой политической концепции. Они – пленники устаревшей и исчезнувшей идеологии; они приняли сербский национализм не искренно даже в то время, когда им размахивали как знаменем. Они действуют по принципу дожить с властью до завтрашнего утра. Каждый день у власти для них – большой успех. Их не беспокоит наше будущее. Когда они увидят, что корабль тонет окончательно, они поспешат к пограничным заставам, поскольку свои счета в иностранных банках давно пополнили огромными количествами валюты, награбленной у бедного и обманутого народа.»

В. Шешель также попытался сыграть на антиамериканизме и ксенофобии. По его словам, С. Милошевич ныне надеется стать ключевым человеком для американцев в балканском регионе. Но он жестоко ошибается, так как американцы выбросят его "как выжатый лимон". Не обошлось, разумеется, без восхваления собственной партии. Он назвал свой арест причиной того, что "Милошевич воспринимает СРП как единственную оппозиционную партию в нынешнее время", поскольку будто бы "только радикалы сегодня знают, как можно одолеть Милошевича и вытащить страну из политического, экономического и социального кризиса"³⁰.

В то же время лидеры СРП не забывали о борьбе против поднимавшего голову ортодоксального коммунистического движения. Они распространяли документы, датированные сентябрем 1991 г. и подтверждавшие причастность Лиги коммунистов – Движение за Югославию (в данном случае генералов Николы Узелца и Живана Мирчетича) к вооружению мусульман перед началом военных действий в Боснии³¹. При этом В. Шешель по-прежнему не демонстрировал желания наладить сотрудничество с оппозиционными партиями, называя Джинджича и Коштуницу людьми, которые осознают, что СРП единственная альтернатива СПС. Досталось и В. Драшковицу, по мнению Шешеля, ныне (после арестов и избиений 1993 г.) "послушному и готовому к сотрудничеству с преступным правящим кланом"³². Последнее высказывание достаточно странно, так как когда весной 1994 г. стало ясно, что режим начал охоту на В. Шешеля, именно В. Драшкович немедленно изъявил готовность сформировать антиправительственную коалицию, но появление в конце мая 1994 г. на совместной конференции его и

В. Шешеля, призвавших ДП и ДПС сплотить ряды, не нашло отклика у З. Джинджича и В. Коштуницы³³.

Демократическая партия привлекает пристальное внимание наблюдателей внутривнутриполитической жизни Сербии. Она сделала значительный рывок на выборах декабря 1993 г., увеличив свое представительство в парламенте в пять раз, т.е. до 29 депутатов, которые имеют поддержку в 140 городах и местечках Сербии, где существуют ее территориальные организации. Лидер ДП З. Джинджич, отличается не только рекламной внешностью, но и умением вести полемику с оппонентами, находить с ними точки соприкосновения в деле создания коалиций и тактического маневрирования. В начале 1994 г. в ходе формирования правительства существовала, как уже отмечалось, возможность вхождения представителей ДП в его состав, но требование об обязательном получении З. Джинджичем поста премьер-министра сорвало намечавшуюся коалицию. После этого ДП стала одним из объектов пропагандистской кампании СПС с целью дискредитации партии и ее лидера³⁴.

Позиция ДП в отношении урегулирования боснийского кризиса отличалась достаточной мягкостью. Она критиковала точку зрения официального Белграда, вместе с тем соглашаясь с предложениями международного сообщества (планом Вэнса-Оуэна, а затем – "контактной группы"), не исключая возможной корректировки отдельных их компонентов, в то же время входя в положение Р. Караджича, вынужденного, по его мнению, противостоять разделу Боснии в отношении 51% к 49%, поскольку боснийские сербы не готовы с этим согласиться³⁵.

Вместе с тем в оценке положения в Боснии и Сербской Крайине руководство ДП исходило из тезиса о том, что любое внешнее влияние – не главное в политике боснийских и хорватских сербов, включая и позицию Белграда. ДП пыталась балансировать в этом вопросе, сохраняя благожелательное отношение к действиям сербских лидеров вне Сербии, но в то же время пытаясь не получить от международного сообщества ярлыка "радикалов". 13 июля 1994 г. З. Джинджич, комментируя предложения "контактной группы", указал, что боснийские сербы не могут быть удовлетворены ни качеством предложенных территорий, ни системой связей между ними. Он также не отверг план воз-

возможности соединения Сербской Республики Босния с Югославией даже на конфедеративном уровне³⁶. Спустя несколько дней З. Джинджич направил письмо лидерам боснийских сербов, в котором указал, что наступило время для международного сообщества получить единый ответ от сербской нации, который "установит мир". В письме было отмечено, что ответ Сербии, Сербской Республики (в Боснии), Республики Сербская Краина и всех сербов, живущих за рубежом, "должен состоять из объединенного выступления за мир, который в будущем принесет нашей нации гарантии, что никогда больше ей не придется использовать оружие для защиты своей свободы и независимости как пришлось уже пятый раз в этом столетии". Лидер ДС указал, что "длительный мир возможен, только если он основан на почетном компромиссе, а не на диктате или капитуляции". Единый ответ сербского народа убедит демократический мир, что только справедливое решение будет гарантией мирного будущего для всех балканских народов³⁷.

Во второй половине 1994 г. под влиянием политики официального Белграда по полной изоляции боснийских сербов позиция ДП сблизилась с радикалами В. Шешеля и Демократической партией Сербии В. Коштуницы. 25 августа 1994 г. именно ДП стала автором проекта резолюции, предложенной на обсуждение в парламенте, основным содержанием которой стала идея о необходимости проработки и провозглашения конфедерации между Республикой Боснийских Сербов и Федеративной Республикой Югославии.

Руководство начало с этого времени решительно отрицать все свои прошлые неофициальные контакты с сербскими социалистами и президентом Сербии С. Милошевичем. Со стороны ДП и лично З. Джинджича усилились обвинения в адрес СПС в том, что она "работает над возвращением самой классической коммунистической формы правления", что ДП "никогда не согласится на контроль со стороны какой-либо партии всех средств массовой информации, всей экономики, государственной администрации, армии, полиции..."³⁸.

В конце 1994 г. ДП политически укрепилась. В ее состав вошла вышедшая из движения В. Драшковича группа известных политиков (М. Маркович, В. Гайич, Д. Миличич и Б. Васильевич), солидарных с позицией ДП по защите национальных ценностей сербского народа, созданию единого государства сербов на Балканах.

В апреле 1995 г. на очередном ежегодном собрании (Скупшине) ДП присутствовало рекордное число делегатов — 730 (вопреки блокаде со стороны средств массовой информации прибыло 85% приглашенных). Доклад З. Джинджича был одобрен подавляющим большинством, а сам он вновь был избран председателем партии. Примечательным событием стало появление в числе гостей съезда первого президента "третьей Югославии" Добрицы Чосича.

Несколько по-иному проявляла свой оппозиционный характер Демократическая партия Сербии. Ее лидер В. Коштуница отказался, как уже упоминалось, встречаться с С. Милошевичем по поводу получения каких-либо преимуществ или мест в коалиционном правительстве с социалистами. Обозреватели отмечали, что мрачная антикоммунистическая фанатичность лидера В. Коштуницы привлекала к нему лишь таких же, как и он, фанатично верящих в справедливость своего дела сторонников в общей борьбе против СПС — партии "перекрасившихся коммунистов".

ДПС выступила за создание единого государства в составе Республики Сербской (в Боснии) и СРЮ³⁹. Вместе с тем В. Коштуница говорил, что весь сербский народ должен голосовать на референдуме за предложенный план "контактной группы", так как "согласие или несогласие с ним окажет влияние как на сербов Боснии, так и на граждан Сербии и Черногории"⁴⁰.

В конце 1994 г. В. Коштуница выдвинул идею организации сербско-сербской встречи, подразумевая под этим диалог сербов "по обе стороны реки Дрина" и поиск единой обоснованной позиции Белграда, Пале, Подгорицы и Книна. При этом он ссылался на решения архиерейского собора Сербской православной церкви в Баня-Луке о том, что сербы не могут быть лишены права на достижение полностью легитимной цели — самоопределения. Главное препятствие реализации этой идеи В. Коштуница видел в сохранении в Сербии недемократического режима, в результате чего и возникают все проблемы сербского народа. Особой критике со стороны ДПС подвергся С. Милошевич, именуемый "циничным националистом", т.е. исповедующим национализм с целью удержания власти. И все это при том, что в случае угрозы своим властным полномочиям "циничный националист" легко превращается в "интернационалиста", что, по мнению В. Коштуницы, продемонстрировали действия С. Милошевича во второй половине 1994 г.⁴¹.

В рассматриваемый период коалиция ДЕПОС и его стержневая партия — Сербское движение обновления, переживали определенный кризис. В его основе лежала известная непоследовательность лидера движения — Вука Драшковича, продолжавшего именовать себя сербским националистом, сторонником идеи "Великой Сербии", однако выступившим с осуждением "этнических чисток", проводившихся сербами в Боснии⁴². Лидер СДО и ДЕПОСа высоко ценился европейскими политиками, считавшими его возможной демократической альтернативой С.Милошевичу. Сам В. Драшкович маневрировал между позицией мирового сообщества и "сербской идеей".

Вместе с тем маневры между осуждением политики руководства Пале и попыткой дистанцироваться от официального Белграда вели к упомянутой непоследовательности курса, заставляя многих видных членов СДО пересмотреть свое отношение к В. Драшковичу. 3 сентября 1994 г. вице-президент СДО Михайло Маркович и генеральный секретарь движения Владимир Гаич заявили о своей отставке, мотивировав ее "событиями и отношениями внутри партийного руководства, которые приняли такие пропорции, что бесполезно говорить о демократических нормах внутри СДО⁴³. К ним присоединились Драган Милич и Бранко Васильевич. Вслед за данным несколько туманным объяснением "диссиденты" СДО высказались определеннее. Как впоследствии объяснил уход В. Гаича и его группы один из членов "молодого поколения" СДО Б. Васильевич, движение "оставило национальную политику, бывшую его защитным знаком". Козырем прежнего курса был вопрос выживания и сохранения сербского навола в республике Сербской и в Республике Сербская Краина. Это — « исторический момент, в ходе которого на развалинах бывшей Югославии сербы должны создать свое государство». Второй причиной Б. Васильевичем был назван организационный вопрос. По его словам, "СДО — популистская партия, движение и в качестве такового представляет собой волну, которая все сметает на своем пути или же разбивается о стену. СДО разбился о режим, а поэтому был необходим переход его в новую фазу, превращения из движения в подлинную политическую партию". Это и попытались сделать В. Гаич и молодежь вокруг него, в числе которых был и сам Б. Васильевич. В качестве третьей причины называлась узурпация власти со стороны ряда лиц из окружения В. Драшковича, ко-

торые не были готовы нести ответственность за поражения в ходе предвыборной кампании. "Диссиденты" не ставили под сомнение авторитет лидера движения В. Драшковича, но выразили недовольство влиянием его супруги Даницы на принятие политических решений, от которых зависела деятельность СДО⁴⁷.

Решение о смягчении санкций против СРЮ в гуманитарной и спортивной сферах было с удовлетворением воспринято коалицией ДЕПОС и его основной партией – СДО. В. Драшкович призвал к дальнейшему и быстрому снятию санкций ООН. По его мнению, нет оснований к их сохранению. Он также осудил высказывания тех политических лидеров Сербии, которые считали, что за решение СБ ООН о смягчении санкций уплачена высокая цена. По его мысли, нет такой цены, которую не следует заплатить с тем, чтобы предотвратить разрушение, потоки беженцев, нищету и ужас, сопровождающие продолжение войны⁴⁵.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

В середине 90-х годов режим, опирающийся на СПС, продолжал держать бразды правления в своих руках, умело маневрируя и раскалывающая оппозицию.

Оппозиция оставалась разобщенной, лидеры всех основных ее партий (за исключением ДПС) продолжали втайне надеяться на благосклонное внимание С. Милошевича, рассчитывая оказать влияние на политический курс страны участием в правительстве или получением некоторых материально-финансовых льгот, с тем чтобы укрепить свои партийные организации.

При этом лидеры оппозиции были готовы идти на коалицию лишь в случае смертельной угрозы со стороны правящего режима (чего не предвиделось ввиду стремления правительства освободиться от санкций и вернуться к нормальному взаимодействию с внешним миром.). Правящему режиму удалось сформировать правительство, которое достаточно умело руководило экономическими преобразованиями в условиях жестких санкций со стороны международного сообщества. Стабильность в экономической жизни позволила "партии власти" начать давление на боснийских сербов, чтобы в обмен на отмену санкций против Белграда побудить их принять план "контактной группы".

Белград получил некоторое ослабление санкций в результате согласия оказать давление на боснийских сербов ("герметизация грани-

цы"), что укрепило позиции СПС внутри страны и снизило чувствительность общества к критике со стороны оппозиционных партий, обвинявших посткоммунистический режим в предательстве интересов сербского народа. Вместе с тем атаки боснийских мусульман на позиции боснийских сербов, имевшие место в конце 1994 – первой половине 1995 г. несколько скомпенсировали сложившийся перевес СПС в общественной жизни. Оппозиционные партии получили основание обвинить ее правящие круги в целом в том, что их политика давления на Пале позволила мусульманам нарушить перемирие и перейти к активным военным действиям. Но правящий режим в Сербии продолжал прочно удерживать власть в республике.

Последующее давление (в том числе и военное) мирового сообщества на боснийских сербов, организованное под руководством США (миссия помощника госсекретаря США Р. Холбрука) в августе–сентябре 1995 г. вызвало некоторое возмущение со стороны сил оппозиционных правящему режиму. Но это не внесло изменений в ситуацию в Сербии. Равноправное участие С. Милошевича наряду с лидерами мусульманской части Боснии и Хорватии на переговорах в Дейтоне (США), а затем и при подписании соглашений в Париже, показало, что югославский режим получил формальную поддержку в столицах стран-участниц контактной группы. Это позволило сербскому лидеру еще больше укрепить собственные позиции, провести "чистки в партии", избавившись от оппозиции избранному курсу в "боснийском вопросе" внутри СПС.

На заседании Главного комитета СПС в конце ноября 1995 г. были сняты с постов заместителей председателя Главного комитета Борислав Йович и академик Михаил Маркович (это состоялось в их отсутствие), а из состава Исполкома СПС выведен Милорад Вучелич. Замены были проведены и в руководстве городского комитета Белграда и в Воеводине. Проведенные перестановки наблюдатели связали со стремлением С. Милошевича убрать оппозицию дейтонским соглашениям, а также свидетелей прошлого курса СПС, скрыто (а порой и явно) поддерживавшего идею создания Большой Сербии на территориях проживания сербов в соседних с Сербией регионах. Большинство смещенных

руководителей в критические дни геноцида хорватских частей над населением сербских территорий Хорватии летом 1995 г. требовали введения частей ЮНА для поддержки сербов. Вместе с тем перестановки в руководстве СПС имели также скрытый подтекст. Они устранили противников сближения СПС с движением Объединенные левые Югославии (возглавляемое супругой С. Милошевича М. Маркович), курс на которое взял лидер СПС в предверии выборов в высшие законодательные органы Югославии.

Примечания

¹ Договоренности, предложенные лидерам трех общин Боснии и Герцеговины сопредседателями международной конференции по бывшей Югославии, получили название "план-Вэнса-Оуэна". Они состояли из следующих основных компонентов: соглашение по конституционному устройству; карта разделения страны на десять автономных провинций, а также соглашение по военным и смежным вопросам. К ним принято относить и документ по "временным договоренностям в отношении БиГ", первые два раздела которого посвящены принципам создания временного центрального правительства страны на переходный период и временных правительств провинций. Проект организации временного управления Боснией и Герцеговиной в переходный период, переданный 29 января 1993 г. С. Вэнсом и лордом Д. Оуэном на одобрение представителям трех общин, был полностью опубликован ИТАР-ТАСС (См.: КОМПАС. 1993. № 29. С. 3–14).

² *Markotich St. Serbian President Focuses on Creating a Greater Serbia* // RFE/RL Research Report. Vol. 3. № 30. 1994. 29 July. P. 11–12; *Кондрашов А.* Конфликт между социалистами и радикалами // Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС). 1993. 1 октября. С. 7–9.

³ *Černi L.* Svi konci u vzdovim rukama // *Danas*. Broj 51. 1993. 28 prosinca. S. 42.

⁴ Итоги голосования во многом подтвердили результаты опроса социологов, проводившегося в ноябре 1993 г. Центром политических исследований и изучения общественного мнения Института общественных наук Белградского университета. Согласно опросу, 52 % населения имели "очень благоприятное" или "достаточно позитивное" отношение к С. Милошевичу. 41% оценивали свое отношение к нему "как очень неблагоприятное" или "достаточно неблагоприятное". 27% населения считали Милошевича политиком, который заслуживает наибольшего доверия. Для сравнения: соотношение Воислава Шешеля было 23%

(благоприятная оценка) к 50% (неблагоприятная). Соотношение В. Драшковица – 23% против 48% "очень неблагоприятно" и 20% "весьма неблагоприятно". Итоги опроса объясняют причину того, почему все партии придерживались тезиса о необходимости создания "Большой Сербии". На вопрос о том, полагают ли они, что правительство Сербии должно обеспечить "защиту прав сербов вне СРЮ", три четверти опрошенных посчитали это приоритетом действий правительства или, по крайней мере, желательной целью. Лишь 14% указывали на нежелательность подобных действий правительства, так как страна имеет "слишком много более важных проблем, чем забота о сербах вне Сербии". 11% не было уверено в том, следует ли ставить эту проблему в число приоритетных. Сходным было и отношение населения страны к проблемам "боснийского урегулирования". 37% считали, что сербы должны сохранить завоеванные территории. 33% полагали, что большая часть территорий должна быть сохранена. Лишь 10% полагало, что боснийским сербам следует согласиться с территориальным разделением "плана Вэнса-Оуэна", и сохранить только то, что предлагало оставить мировое сообщество. Любопытными были ответы на вопрос: "считаете ли вы, что существуют еще дополнительные территории в соседних странах, которые справедливо принадлежат Сербии". 15% респондентов выразили свое "полное согласие", 17% указали, что согласны "в некоторой степени", 44% – "не согласились", а 23% сообщили, что они не готовы к ответу (см.: *Markotich St., Moy P. Political Attitudes in Serbia*// RFE/RL Research Report. Vol. 3. № 15. 1994. 15 April. P. 36.

5 Несколько ранее, в последние месяцы 1993 г., С. Милошевич предпринял усилия договориться с известным югославским бизнесменом из Женевы Б. Вукобратом, запрашивая его о согласии занять место премьера Сербии (см.: *Barišić M. Milošević noví Panić* // *Danas*. Broj 51. 1993. 28 prosinca. S. 10–11. Больше это, правда, похоже на предвыборный маневр, целью которого было показать возможности режима быстро преодолеть последствия санкций, имея во главе правительства опытного предпринимателя с широкими связями в международном бизнесе и политических кругах ведущих стран Запада и России. В Москве на презентации его книги весной 1993 г., состоявшейся в здании ИМЭМО, присутствовало немало авторитетов, в том числе и мэр Москвы Юрий Лужков.

6 Supplement to the RFE/RL Research Report. 1994. Vol. 3. № 3. P. 15. По нашему мнению, не следует придавать большого значения словам Джинджича, поскольку его толерантность к социалистам объяснялась в тот момент борьбой за пост председателя Демократической партии. Тогда возникли сложности с занятием этого поста, так как часть партийных функционеров обвинила его в недемократическом, ав-

178

торитарном стиле руководства. Следовательно, подобные маневры были необходимы Джинджичу для "внутреннего" употребления. 31 января он избирается председателем партии ("за" его избрание проголосовало 286 человек, "против" – 69), контроль над организацией был восстановлен (RFE/RL News Briefs. 1994. 31 January–4 February. P. 12).

⁷ *Кондрашов А.* Итоги парламентских выборов в Сербии // КОМПАС, Вестник ИТАР-ТАСС. 1994. № 2. С. 20.

⁸ Итоги голосования продемонстрировали, что социалистам уже удалось получить поддержку от других членов парламента. Пресса отмечала вероятность достижения соглашения между СПС и Демократической партией Джинджича, содействовавшей победе кандидата СПС, хотя сам Джинджич это опроверг (см.: *Markotić St. Serbia's New Government*// RFE/RL Research Report. Vol. 3. № 17. 1994. 29 April. P. 9). Пресса, основываясь на том факте, что в момент голосования в зале присутствовал только 121 социалист-депутат, тогда как Томич получил 125 голосов, делала вывод, что СПС нашла точки соприкосновения с людьми Джинджича и им самим. Хотя последний указывал, что депутаты его партии голосовали за оппонента Томича – представителя "радикалов" (Supplement to the RFE/RL Research Report. 1994. Vol. 3. № 6. P. 15).

⁹ *Borba*. 1994. 23 februar.

¹⁰ RFE/RL News Briefs. 1994. 7–11 March. P. 14.

¹¹ *Markotich St. Milošević Flexes His Political Muscle* //Transition. Vol. 1. № 1. 1995. 30 January. P. 56; *Markotich St. Serbia's New Government* // RFE/RL Research Report. Vol. 3, № 17. 1994. 29 April. P. 8–12.

¹² Об итогах первых семи месяцев деятельности правительства сообщалось в материале ИТАР-ТАСС о совещании у президента Сербии С. Милошевича высокопоставленных государственных и хозяйственных деятелей 13 сентября 1994 г. (см.: Вести Европы. 1994 г. 19 сентября. С. 7–9). Об итогах первого года см.: *Markotich St. Milošević Flexes His Political Muscle* //Transition. Vol. 1. № 1, 1995. 30 January. P. 56.

¹³ *Костий В.* Окретни специјалисти //НИН, 1995. 7 април. С.10–14.

¹⁴ *Opposition leader urges formation of national democratic core*// SWB EE/2033 C/3 1994. 28 Jun. В отличие от случая с Джинджичем подобный призыв последовательного борца с наследием коммунистов

и партией власти фанатически преданного этой борьбе В. Коштуницы не следует трактовать как мостик для выборов в руководство своей партии, хотя на том съезде В. Коштуница был переизбран председателем ДПС.

15 New party formed by 11-member group of Depos deputies //SWB, EE/2016 C./10 1994. 7 June.

16 Очередным шагом, усиливающим "партию власти" в Сербии стало во многом синицированное супругой президента Милошевича Мирьяной Маркович объединение партий, групп и движений левой ориентации, начатое в конце июля 1994 г. На состоявшейся 23 июля 1994 г. в Белграде встрече представителей 22 партий была принята программная декларация. По мысли инициатора этого объединения супруги Милошевича Мирьяны Маркович, накануне XXI столетия левые нуждаются в новой теории, новой организации и новых людях. Однако, если теоретизирование по поводу новых концепций, которые необходимо изобрести и взять на вооружение в следующем столетии, имело лишь неопределенные перспективы, то в краткосрочном плане режиму удалось обеспечить поддержку некоторого спектра политиков для снятия санкций в ФРЮ. Как отметила Маркович на пресс-конференции, все сербы Боснии и Югославии примут "пакет предложений" международного сообщества, поскольку "это единственный путь для сербов Боснии и всех, занятых в войне" (см. *New left-wing parties want unification; New left-wing group urges Bosnian Serbs to accept peace plan* //SWB EE/2056 C./3). Деятельность сторонников Милошевича на левом крыле была особенно успешной. 24 августа 1994 г. Югославский совет Лиги коммунистов – Движение за Югославию издало заявление указавшее, что "решение продолжить войну мотивировано не интересами сербского народа в Боснии и Герцеговине, а интересами их представителей в Пале". В заявлении было указано, что "представляется логичным, что власти в Пале выступают против мира, так как их экстремизм сделал вклад в войну в той же мере, что и мусульманский или хорватский экстремизм". В заявлении было указано, что власти Пале сопротивляются миру "по личным мотивам", поскольку в условиях мира встанет вопрос об их ответственности за различные деяния, совершенные в ходе военных действий. В заявлении отмечалось, что обретение мира – в интересах всех народов региона (см.: *Personal reasons behind Pale continuation of war* //SWB 26 Aug 94 EE/2084 C./1).

17 Serb bishops appeal for rejection of contact group's Bosnian map; Bishops call for referendum amongst Serbs on Bosnian future //SWB EE/2041 C./1–2. 1994. 7 July.

- 18 Lilić says FRY citizens cannot be hostages of any leader – war must end //SWB EE/2020 C/1.
- 19 Там же. С. 2.
- 20 Там же. С. 1.
- 21 Данная встреча была широко растиражирована средствами массовой информации и состоялась в день завершения первых 100 дней деятельности правительства Марьяновича, сразу же после встречи Милошевича с главой кабинета.
- 22 Serbian New Democracy Party Leader: Bosnian Serbs should accept peace plan. //SWB EE/2045 C/1. 1994. 12 July.
- 23 Socialsit Party supports Yugoslav government's action against Bosnian Serbs //SWB EE/2067 C 4: 1994. 5 Aug.
- 24 SWB EE/2066 C/1. 1994. 5 Aug.
- 25 Полный текст см.: SWB EE/2086 C/5. 1994. 29 Aug.
- 26 Serbs have no chance of getting more than already offered Jović //SWB EE/2048 C/3. 1994. 15 July.
- 27 RFE/RL News Briefs. 1994. 31 January – 4 February. P. 12.
- 28 Supplement to the RFE/RL Research Report. Vol. 3. № 21. 1994.
- 29 Borba. 1994. 10 Jun. S. 2.
- 30 См. интервью В. Шешеля в еженедельнике НИИ. Оливера Милетовић. Сањао сам Слобу. //НИИ. 1994. 11 новембар. С. 18–19.
- 31 SWB EE/2020. 1994. 13 June. C/2.
- 32 См. интервью В. Шешеля в еженедельнике НИИ. Оливера Милетовић. Сањао сам Слобу //НИИ. 1994. 11 новембар. С. 18–19.
- 33 Kovačić M., Mikuljanac M. Drašković uz Šešelja čekaju se Đinđić i Koštunica //Nedeljna Borba. 1994. 21–22 Maj. S. 1.
- 34 Зоран Ђинђић, председник Демократске странке, Хоће да ме склоне // НИИ. 1994. 21 октобар. С. 16–17.
- 35 Зоран Ђинђић, председник ДС – Драган Бујовић. Ми нисмо анђели //НИИ. 1995. 21 април. С. 16.
- 36 Contact group proposals “unacceptable” – opposition parties //SWB EE/2048. 1994. 15 Jul. C/3.

- 37 Democratic Party leader Koštunica advocates union with Bosnian Serbs // SWB EE/2024 C./2–3; DS party head urges “honourable compromise” on Bosnian Serbs // SWB EE/2052 C./1.
- 38 Зоран Ђинђић, председник ДС – Драган Бујовић. Ми нисмо анђели // НИН. 1995. 21 април. С. 16.
- 39 Democratic Party leader Koštunica advocates union with Bosnian Serbs // SWB EE/2024 C./2–3.
- 40 Contact group proposals “unacceptable” – opposition parties // SWB EE/2048 C./3. 1994. 15 Jul.
- 41 Глишић М. Петокрака с ружом // НИН. 1994. 2 децембар. С.15–16. В статье дано интервју с В. Коштуницей.
- 42 Markotich St., Moy P. Political Attitudes in Serbia // RFE/RL Research Reports. 1994. 15 April. Vol. 3. № 15. P. 33.
- 43 SWB. 1994. 6 Sep. EE/2093 C./2.
- 44 См. интервју с Бранко Васильевичем (в еженедельнике НИН: Мичетић Л. Одлазак апостола СПО-а // Нин, 1995. 10 фебруар. С.16–17.
- 45 Drašković: further lifting of sanctions necessary // SWB EE/211 C./3–4.

С.А. Романенко

ХОРВАТСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО
ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЬО ТУДЖМАНА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ХОРВАТИИ
1991 – 1995 гг.

Хорватское демократическое сообщество (ХДС) – крупнейшая партия в Хорватии с момента обретения ею государственной независимости. 30 мая 1990 г. состоялось конституирующее заседание избранного на многопартийной основе парламента – Сабора. 25 июня 1991 г., опираясь на результаты проведенного 19 мая того же года референдума, Сабор принял Декларацию о суверенитете и независимости Республики Хорватия. ХДС является наследницей хорватского национального движения. С этой, ныне правящей, партией справедливо ассоциируется обретение независимости и борьба за сохранение целостности хорватских этнических и административных территорий, доставшихся ей в наследство от бывшей СФРЮ, границ, в одночасье из внутрифедеративных превратившихся в межгосударственные.

Если под понятием "самоопределение" понимать только политико-правовой акт создания национального независимого государства, то сотрется грань между самоопределением и сепаратизмом. Поэтому национальное самоопределение необходимо рассматривать не только как единовременный политико-правовой акт, но и как имеющий длительную историческую протяженность этнополитический и пси-

---

Данное исследование выполнено при поддержке IREX и Московского отделения Российского научного фонда.

хологический процесс, находящий свое выражение в политических лозунгах, правовом принципе и психологической самоидентификации.

В течение XIX–XX вв. хорватам довелось испытать на себе различные формы национального политического самоопределения. С конца XIX в. у них начала складываться национальная политическая система, включавшая в себя политические партии, автономные и местные органы власти и электорат. Как этно-территориальная общность они обладали территориально-политической автономией и в монархии Габсбургов (1868–1918) и в королевской Югославии (1939–1941). Их территория была разделена на несколько административных единиц в той же межвоенной Югославии. У них было псевдонациональное государство в период второй мировой войны. Наконец, в послевоенной Югославии Хорватия обрела статус одной из республик – члена федерации. В 1991 г. после распада СФРЮ осуществилась многовековая мечта хорватов и цель их национального движения на протяжении двух веков – было создано независимое хорватское национальное государство¹.

Трагедия как самой идеи, так и истории создания такого государства состоит в том, что эта тенденция не нашла поддержки в XIX в. у России и Франции, а позже – и в Вене и Берлине. Она вновь была отвергнута державами-победительницами после первой мировой войны, поскольку Хорватия являлась частью побежденной союзницы Германии – Австро-Венгрии. После второй мировой войны независимость Хорватии увязывалась в сознании победителей не только с тем фактом, что Независимое государство Хорватия А. Павелича практически выступало на стороне держав Оси, но и с идеологией и политической практикой, направленной на создание моноэтничного государства. Идея создания независимого хорватского национального государства долгое время не воспринималась ни европейской политикой, ни общественным мнением, которые игнорировали факт создания еще в ходе войны хорватской государственности решениями Краевого антифашистского веча национального освобождения Хорватии (КАВНОХ), действовавшего в рамках Антифашистского веча национального освобождения Югославии (АВНОЮ).

И вот Хорватия добилась независимости. Осуществилась мечта нескольких поколений хорватов и стратегическая цель их националь-

ного движения. Кем и как, какие политические силы стояли за этим? Почему рухнул югославизм – фундамент общего государства югославян с 1918 г.?².

В 1989–1991 гг. в Хорватии резко интенсифицировался процесс национального самоопределения, одной из характерных черт которого стало формирование новой национальной политической системы. Тогда стали возникать новые партии (некоторые из них заявили о себе как о продолжателях и наследниках старых хорватских партий в монархии Габсбургов и межвоенной Югославии – Хорватская партия права (ХПП), Хорватская крестьянская партия (ХКП)), оформляться различные течения национальной и социально-политической идеологии. Венцом этого процесса и историческим итогом деятельности хорватского национального движения к концу XX в. стало отделение Хорватии от Югославии и создание независимого хорватского национального государства. С другой стороны, распад СФРЮ неизбежно породил проблему самоопределения бывшей государствообразующей национальности-нации – сербов. С такой же проблемой после распада монархии Габсбургов и Российской империи, а также СССР столкнулись, соответственно, австрийские немцы, венгры и русские.

В принятой 17 июня 1989 г. Программной декларации ХДС говорилось, что причина всеобщего общественно-политического, государственного, экономического и морального кризиса, а также крайней обостренности межнациональных отношений – в исторической неудаче коммунистической коллективистской доктрины и однопартийной системы. Выход партия видела в демократическом преобразовании всей политической жизни.

Среди провозглашенных целей на первое место партия поставила установление правового и конституционного порядка, присущего парламентской демократии и плюралистическому обществу. Этого можно было бы добиться на основе Всеобщей декларации прав человека ООН. "ХДС исходит из международного права и из взятых на себя СФРЮ обязательств, по которым любое государство, в том числе и ОР Хорватия имеют суверенное право избрать свою экономическую, политическую, общественную и культурную систему в соответствии с волей собственного народа и без вмешательства, давления или препятствий

извне", – отмечалось в декларации. Партия считала, что любой народ, независимо от места проживания, имеет право на сохранение и развитие своей национальной культуры и самобытности. Поэтому она выступала за возобновление и расширение деятельности хорватских культурно-просветительских обществ в Боснии и Герцеговине, а также в Сербии, за восстановление деятельности сербского культурно-просветительского общества "Просвета" в Хорватии³.

В тот момент ХДС в своей деятельности исходила из реальностей и "придерживалась Конституций СР Хорватии и СФРЮ", "стремилась действовать в рамках Социалистического Союза Хорватии, с тем, чтобы преобразовать его в демократическую трибуну для выражения различных мнений и интересов". При этом партия не скрывала своей цели – "освободиться от менторства Союза коммунистов". Наиболее важными из своих целей ХДС в тот момент провозглашала:

- осуществление общих гражданских прав и политических свобод – свободы выражения убеждений, правовой защищенности и неприкосновенности личности без различия национальной и религиозной принадлежности и идейной и политической позиции;

- гарантия неотъемлемого права на создание организаций в соответствии с их программами за исключением организаций, пропагандирующих насилие, расовую, национальную, религиозную и политико-идеологическую нетерпимость и ненависть;

- превращение профсоюзов в свободные организации трудящихся, независимые от государственного и политического контроля, а рабочего самоуправления – в реальное участие трудящихся в управлении;

- полную и безусловную свободу выражения религиозных убеждений, национальных чувств, осуществление права на свободное художественное творчество. Ибо "свобода – самая большая ценность Хорватии, и только она обеспечит нам жизнь, достойную человека и отечества хорватов".

На рубеже 80–90-х годов, несмотря на свои антикоммунистические позиции, ХДС твердо придерживалось в своей Программной декларации той точки зрения, что "отношения в государственном сообществе народов Югославии могут основываться только на уважении историче-

186

ских прав хорватской нации, подтвержденных решениями АВНОЮ и КАВНОХ о праве любого, в том числе и хорватского народа, на самоопределение вплоть до отделения". Таким образом, уже тогда, хотя и в несколько завуалированной форме отделение было провозглашено конечной целью. Национальному сознанию многих народов, населяющих страны Центральной и Восточной Европы, после падения коммунизма в начале 90-х годов было свойственно идеалистическое отождествление возникновения национального независимого государства с созданием демократической политической системы. И Хорватия не была в этом смысле исключением. Но осуществление лозунга и принципа национального самоопределения, как показал исторический опыт, не всегда ведет к демократии, а процесс самоопределения – не всегда утверждает у власти демократические силы.

Создается впечатление, что для руководителей и идеологов партия национальное самоопределение превратилось в некое неизменное, раз и навсегда данное право этнической общности, неизменный мифологизированный и фетишизированный принцип. Но остается неясным, почему именно этническая общность стала обладать извечной привилегией быть субъектом государственного права. Ведущая оппозиционная сила хорватского национального движения, так же как и правящие круги Белграда, рассматривала только этническую общность как субъект государственного права, исходя из принципа "одна национальность – одна территория – одно государство – одна нация". Но подобная точка зрения не была единственной в хорватском национальном движении.

20 мая 1989 г. состоялся учредительный съезд Хорватского социально-либерального союза (ХСЛС), превратившегося во вторую по силе партию в независимой Хорватии. Если верить опросам общественного мнения, по числу сторонников Союз постоянно преследовал ХДС, а в 1992 г. даже опережал его. ХСЛС возглавили Дарко Бекич и Звонко Леротич. Председателем Совета стал Славко Гольдштейн, а его заместителями – Владо Готовац и Франьо Зенко.

ХСЛС также стоял на позициях хорватской государственности, но его программные принципы в значительной мере отличались от ХДС. Либералы полагали, что "свободно только то общество, в котором свободен и социально защищен каждый человек. Это означает,

что человек является высшей ценностью". В своих основных правах он должен быть защищен от идеологического и государственного принуждения, и "только на основе этих ценностей могут произойти изменения, которые бы вывели нас из нынешнего состояния и органически вернули в Европу", – говорилось в программе ХСЛС. В этом состояло одно из принципиальных отличий ХСЛС от ХДС, который по традиции исходил не из принципа свободы индивидуума, а из права общности. Но этот принцип выдерживался применительно к социально-политическим отношениям, и далеко не всегда распространялся на отношения этнополитические⁴.

Своими целями ХСЛС провозглашал обретение физической и духовной неприкосновенности личности, восстановление гражданских и политических свобод, правовой и социальной защищенности, свободу организаций в соответствии с убеждениями людей и их интересами. К ним относились и право всех физических и юридических лиц на собственность, на принадлежность к предпринимательскому слою. Партия выступала за "противодействие осуществлению любой программы, которая выступает или реализует насилие, национальную, религиозную и идеологическую, политическую или расовую нетерпимость", поскольку "осуществляя свои права, индивидум не может лишать других людей таких же прав". Общей целью провозглашалось создание "правового государства, в котором закон будет высшей нормой поведения граждан" (в противовес "титовской" коммунистической Югославии).

Для достижения этих общих целей ХСЛС предполагал использовать политический плюрализм, создание многопартийной парламентской системы, юридическое закрепление равноправия всех форм собственности, установление смешанной экономики с развитым мелким производством, а также самоуправление трудящихся на предприятиях в зависимости от формы собственности, свободное создание профсоюзов и отмену земельного максимума. В итоге всех этих преобразований должно было возникнуть "общество благосостояния, наподобие существующих в самых передовых демократиях, которое создано эволюцией и основано на предпринимательстве, образовании и науке, моральной ответственности и труде, а не на революционном насилии", говорилось в программе ХСЛС.

Если часть нарождавшихся партий взяла курс на национальную независимость, то другие отождествляли с демократией югославизм, в котором видели возможность сохранения Югославии как формы национального самоопределения и эволюционных экономических и политических преобразований.

Одной из партий, представлявших югославистское течение, была партия Объединение за югославянскую демократическую инициативу (ОЮДИ). Ее создатели полагали, что на место "плохого", "неправильного" югославизма может прийти "хороший", "справедливый" югославизм. Они не видели того, что все исторические формы и национальные разновидности югославизма исходили из идеи и психологии этнического национализма, что югославизм уже отыграл свою историческую роль, что сохранение Югославии возможно было только без югославизма – на основе полиэтничного гражданского общества, которое так и не сформировалось. Как, впрочем, нет в полном смысле слова гражданского общества и сейчас в новых независимых государствах. Партия по традиции увязывала югославизм с демократией, не видя, что он исчерпал свой демократический потенциал и препятствует процессу национального самоопределения, по-прежнему противопоставляла югославизм "национализму и сепаратизму"⁵.

Создание партии было провозглашено 2 февраля 1989 г. на философском факультете Загребского университета. Там же приняли и "Манифест за югославянскую демократическую инициативу" и устав партии. Ее председателем стал Бранко Хорват, заместителем – Предраг Матвеевич, а председателем Исполнительного комитета – Жарко Пуховски.

Партия "стремилась внести демократическую инициативу в политическую жизнь Югославии" и исходила из следующих предпосылок:

во-первых, "Югославия в данный момент существует как государство, которое не организовано, не легитимизировано демократически. Его конституционная форма и правовая система не создают условий для деятельности общественности, отражающей все разнообразие интересов и идей";

во-вторых, "нынешняя Югославия во многих политических делах является лишь результатом национально-государственных легитимных решений, принятых в прошлом, так что федеративное пространство,

уровень его организации не имеет почти никакой субъективности, которая проистекала бы из прямого волеизъявления ее граждан";

в-третьих, "Югославия функционирует посредством навязанной обществу политической и, в особенности, экономической системы, что делает невозможным осуществление гражданином собственных интересов и права на объединение с другими гражданами с целью улучшения материального, духовного и политического положения на принципах личной заинтересованности";

в-четвертых, "привилегии, которыми обладает государственно-партийное руководство, делают невозможным в Югославии установление демократического суверенитета народа (puka)⁶, охватывающего всех граждан независимо от их национальных, профессиональных, религиозных, политических, социальных, культурных и иных различий.

ОЮДИ предполагало, что необходимы и возможны следующие мероприятия:

– конституирование Югославии как демократического и федеративного сообщества, как сообщества граждан и федеральных единиц; предоставление конституционных гарантий гражданам в качестве основной предпосылки демократических интеграционных процессов как на уровне федерации, так и на уровне федеральных и местных образований; политическая реформа Югославии – федеративного сообщества, созданного на принципах демократии посредством деятельности общегославского парламента; создание политических, культурных и правовых предпосылок для законодательно гарантированного политического плюрализма; сохранение законодательных гарантий участия каждого имеющего работу гражданина на управление учреждением или предприятием, в котором осуществляется его трудовая деятельность.

Очевидно, что югославизм ОЮДИ не имел ничего общего с "югославизмом" белградского коммунистического руководства и армейской верхушки, решившими любой ценой сохранить свою империю, пусть и в весьма усеченном виде. Но схожие с идеями ОЮДИ идеи существовали и у части сербского национального движения. И хорватские, и сербские демократы-югослависты видели причины кризиса и распада в пороках самой "титовской" Югославии⁷.

Но была ли реальной демократизации социалистической Югославии и перевод ее на рельсы рыночной экономики и создания полиэтнического гражданского общества? Возможность формирования объединенной антикоммунистической и демократической "Ю-оппозиции" рассматривалась группой загребских аналитиков под руководством Душана Биланджича и Славена Летицы. Они выделили две основные тенденции в политическом развитии 1988–1989 гг. – "отход от классической большевистско-однопартийной риторики и преобладание гражданских демократических и этноцентристских принципов в политической стратегии подавляющего большинства организаций". Очень скоро эти тенденции сменились полным господством именно той самой "риторики" при подавляющем господстве "этноцентристских принципов", практически независимо от социально-политической характеристики существующих партий и национальной принадлежности вновь образовавшихся государств.

Хорватские политические аналитики в качестве возможных направлений создания оппозиции и сохранения Югославии указывали на пересмотр концепций югославянского сообщества. Они считали, что "культурная (этническая, социальная и т.д.) гетерогенность югославянских территорий вновь делает актуальным тезис о конфликтности и дезинтегративности Балкан". Новую парадигму единства, полагали они, нужно строить на новых рациональных и прагматических элементах: не столько на общности "крови и территории", сколько исходя из общности экономических и культурных интересов. Иными словами, создание нормального полиэтничного гражданского общества означало отказ от югославизма как теории, основывающейся на принципах этнической однородности и привилегий и прав этнической общности. Вместо панславизма и романтического югославизма, полагали они, надо развивать югославизм, который основан на общности интересов, являющейся элементом европейской экономической интеграции⁸. По сути дела они стремились к созданию общего югославского демократического движения, которое могло бы путем реформ сохранить общее государство.

Не остался в стороне от дискуссий и еще существовавший тогда Союз коммунистов Хорватии (СКХ). Его идеологи пытались примирить противоборствующие тенденции, в очередной раз "расширить" рамки официальных догм. Вот что сказал Целестин Сарделич на заседании ЦК СКЮ по проблемам межнациональных отношений в мае 1989 г.: "В стратегии общественной реформы СКХ существуют четыре главных направления, имеющих решающее значение для развития межнациональных отношений – рыночная экономика, правовое государство, равноправная федерация и плюралистическая демократия. Мы выступаем за развитие на современных принципах рыночной экономики как части мирового рынка, что обеспечит свободную экономическую инициативу индивидуумам и коллективам на всей территории Югославии... Рыночная конкуренция, основанная на экономической свободе индивидуума и гарантированном законом равноправии различных форм собственности – самое эффективное средство стимулирования инициативы и творчества производителей, экономического прогресса"⁹. В отличие от ХДС проблемы экономического переустройства стояли у СКХ на первом месте.

Хорватские коммунисты выступали также за создание "современного и эффективного правового государства, которое уважает свободное развитие рыночных процессов, но препятствует складыванию монополий и обеспечивает равноправный доступ к общественным ресурсам, эффективную защиту прав и свобод человека, его правовую защищенность и равноправие всех членов сообщества". Коммунисты Хорватии выступали за становление "равноправной федерации – социалистического сообщества свободно объединившихся и равноправных наций и национальностей, республик и областей". Федеративный принцип, полагали они, является основой взаимоотношений и совместной жизни народов в СФРЮ. Они признавали лишь федерацию единственной формой национального самоопределения югославянских народов.

СКХ ставил своей целью создание "плюралистической демократии, базирующейся на суверенности граждан – индивидуумов, на неотъемлемости их политических прав и свобод, на свободе политической деятельности и создания политических организаций, на проведении прямых и тайных выборов при выдвижении нескольких кандидатов с альтернативными программами, а также при равноправии и уважении

различных интересов и позиций, при гарантии безопасности и прав каждой личности и меньшинств". Интересно, замечает С. Летица, что Ц. Сарделич использовал аргументацию об антинационалистическом потенциале плюрализма и тем самым поставил под вопрос классическую позицию КПЮ и СКЮ, утверждавших, что последний ведет к формированию партий по этническому признаку и национализму¹⁰.

Политика СКХ относительно хорватской республиканской государственности исходила из того, что "СР Хорватия – это общее отечество и государство хорватской и сербской наций, а также территория, на которой разворачивается деятельность других наций и национальностей, на ней проживающих". Она рассматривалась как часть СФРЮ – общего отечества и государства всех югославянских наций и национальностей. Сообщество хорватов и сербов в Хорватии, по словам Ц. Сарделича, есть непреложный факт, основывающийся на историческом осознании общности основных национальных интересов в течение длительного исторического периода. Хорватская нация реализует право на собственную государственность в своем национальном государстве – СР Хорватия. Но хорваты, проживающие в других социалистических республиках и в то же время являющиеся частью хорватской нации, осуществляют свою государственность в рамках этих республик. Нигде в границах СФРЮ хорватская нация не может быть национальным меньшинством, которому покровительствует его национальное государство – СР Хорватия. Этот же принцип действует и в отношении других народов Югославии.

При обсуждении проблем хорватско-сербских отношений, надо иметь в виду, что подобное понимание государственности сформировалось не только в рамках коммунистической традиции. Иллиризм, например, был важной фазой не только хорватской, но и сербской национальной интеграции в хорватских областях. Хорватско-сербская историческая общность, равноправие хорватов и сербов в СР Хорватии, их братство и единство окрепли в ходе национально-освободительной борьбы и социалистической революции, что нашло свое выражение в резолюции КАВНОХ, законным наследником которого и является СР Хорватия", – заключил Ц. Сарделич, сославшись на те же решения периода национально-освободительной борьбы о государственности Хорватии, что и его оппоненты из ХДС. Это историческое обо-

снование вошло в новую Конституцию Хорватии, принятую 22 декабря 1990 г.¹¹.

В конце концов противоречия между национальными движениями и республиканскими партийными элитами привели к знаменитому уходу делегатов от СК Хорватии и СК Словении с XIV съезда СКЮ в январе 1990 г. СКЮ практически прекратил свое существование. ¹

Таким образом, в конце 80-х годов в Хорватии существовали и идеи возрождения демократического югославизма, и попытки приспособить коммунистический вариант югославизма к новым условиям. Но было ли возможно сохранение Югославии на принципах югославизма? В реальности эти попытки оказались иллюзией: на смену "плохому" югославизму не пришел и уже не мог прийти "хороший". Югославизм уже не мог служить фундаментом государственности. Более того, он и стал одним из главных факторов, обусловивших распад Югославии. Подобно принципу национального самоопределения, югославизм как концепция межэтнических и межнациональных отношений, как региональный вариант "славянской идеи", не имел неизменного значения, раз и навсегда данного. Югославянская общность не могла заменить гражданское полиэтничное общество; югославизм остался в своей основе теорией этнической исключительности. Он исчерпал себя исторически.

К сожалению, часто теории возможного мирного и демократического переустройства Югославии связывались с иллюзией "хорошего" югославизма, тогда как единство страны можно было сохранить только избавившись от югославизма (как и от любого иного узкого этнического национализма – сербского, хорватского, боснийского и др.), отказавшись от принципа "одна этническая общность – одна территория – одно государство". Но сочетание социальных, экономических, этнических и политических процессов не позволило национальному сознанию югославянских народов осуществить это в наше время. Поэтому можно сказать, что в начале 90-х годов в Югославии один вид этнополитического национализма взял верх над другим его видом.

Началась открытая политическая борьба за статус Хорватии, за лидерство в осуществлении целей национального движения. В этом отношении Хорватия не отличалась от других стран Восточной и Центральной Европы: на политической арене появился харизматический

194

лидер — бывший "титовский" генерал, историк-диссидент Франьо Туджман и его партия-движение.

В 1992–1994 гг. Хорватия стояла на распутье: становиться ли моноэтническим тоталитарным государством, превращаться ли в многонациональное государство (с этнотерриториальными образованиями внутри) или стараться создать полиэтничное гражданское общество на принципах демократии.

В начальный период независимости явно преобладали тенденции к созданию хорватского государства по принципу национальность—нация. Это привело к резкому обострению хорватско-сербских отношений, ставшему основной проблемой жизни Хорватии и не разрешенному до сих пор.

Насколько возможно создание в Хорватии многонационального государства путем предоставления сербам широкой автономии в качестве временной, промежуточной формы национального самоопределения, шага на пути создания полиэтничного гражданского общества? Готово ли было к такому повороту хорватское национальное сознание? Обратимся к опросам общественного мнения, регулярно проводимым загребским еженедельником "Глобус". В глазах 79% респондентов в феврале 1993 г. образ хорватского патриота выглядит таким: "истинный хорватский патриот любит свой народ, его прошлое, он готов защищать свободу и независимость своей родины; он уважает гимн, флаг и конституцию хорватского государства; о Хорватии и хорватах он думает и пишет в благоприятном и позитивном духе, готов не покидать Хорватию в момент опасности". Иной образ "хорватского патриота" собрал лишь 12% голосов: "настоящий хорват уважает законы республики, ее власти и президента; он трудолюбив и скромен, трудится ради процветания Хорватии, добровольно и своевременно платит налоги и исполняет другие обязанности; он придерживается христианских и религиозных правил в повседневной жизни". Результат опроса позволил социологам сделать вывод о том, что "представления хорватов о патриотизме сильно отличаются от "стандарта" стабильных и спокойных государств и народов. Им важнее, что люди чувствуют, а не то, что они делают"¹².

Добавим к этому и весьма завышенную самооценку хорватов: лишь немногие признали, например, возможность совершения хор-

ватскими солдатами военных преступлений, в которых их обвиняют и сербы, и босняки, и представители ООН.

В такой ситуации очень трудно проводить рациональную политику. Трудно еще и потому, что в стране практически нет сложившейся партийно-политической системы. Организации, называемые партиями, нельзя считать таковыми в западноевропейском смысле слова. Скорее, это были "обломки" старой политической и интеллектуальной элиты, создавшие свои группировки для единственной цели – борьбы за власть, которая по-прежнему является источником материального благополучия. Учитывая обостренность национально-территориальной проблемы, оппозиционные организации стараются перехватить инициативу у президента и правящей партии, используя наиболее радикальные национальные и внешнеполитические лозунги.

Еще 14 февраля 1990 г. Сабор принял поправки к конституции, тогда еще СР Хорватии, узаконившей многопартийную систему. Первые многопартийные выборы прошли в апреле того же года. После двух туров ХДС получило 41,5% голосов и 2/3 мест в палате депутатов Сабора. Поддержавшие ХДС коммунисты-реформаторы во главе с Ивицей Рачаном быстро утратили влияние и на долгое время оказались на задворках хорватской политики. (Хотя в 1995–1996 гг. наметилась тенденция к росту популярности наследников реформированного СКХ – социал-демократов.) Франьо Туджман был избран председателем Президиума Хорватии, фактически же он стал президентом.

В утвержденной 22 декабря 1990 г. новой конституции Хорватии говорилось о том, что "создание политических партий является свободным, а политические партии строятся по территориальному принципу". Запрещалась деятельность партий, "ставящих своей программной целью или своей деятельностью создающих угрозу насилем демократическому конституционному строю, независимости, единству или территориальной целостности Республики Хорватия"¹³.

После выборов в нижней палате представителей в августе 1992 г. ХДС получило 85 мест, Хорватский социально-либеральный союз – 13, остальные несколько партий – по 3–4 места. Эта расстановка сил с небольшими изменениями сохранилась, хотя иногда ХСЛС по социологическим опросам 1993–1994 гг. и опережал ХДС¹⁴.

К фракции ХДС принадлежало около 70 депутатов, хотя от нее и откалывались небольшие группы политиков (например, во главе со Стипе Месичем). Социал-демократическая партия (СДП), колебавшаяся между оппозицией ХДС и ее поддержкой, имела 6 мест. Не склонная к компромиссу с "партией власти" Хорватская национальная партия во главе с бывшей оппозиционной коммунистской С. Дабчевич-Кучар – тоже 6. Руководство Хорватской крестьянской партии (ХКП) и три ее депутата отвергали слухи о том, что они пользуются поддержкой ХДС.

Крупнейшая оппозиционная партия – ХСЛС увеличила свое представительство за счет "перебежчиков" до 16 депутатов. На крайне правом фланге, в имевшей 5 депутатов фракции Хорватской партии права Д. Параги, произошел раскол. Минимальным числом в палате депутатов представлены добившиеся успехов на местных выборах в феврале 1993 г. региональные партии – Далматинская акция (ДА) и Истрийский демократический сабор (ИДС). 13 сербских депутатов от Сербской национальной партии (СНП) попали в Сабор по решению властей как представители сербского населения в Хорватии.

Одновременно проводились и первые прямые президентские выборы. Победу на них одержал Ф. Туджман, получивший 57% голосов, кстати, на 12% больше, чем его партия. Голоса между тремя наиболее солидными конкурентами распределились следующим образом: Д. Будиша – 21,7%, С. Дабчевич-Кучар – 6,02%, Д. Парага – 5,4% (10% проголосовали за четырех других кандидатов).

На выборах в августе 1992 г. ХДС получило больше мест, чем могли себе представить ее руководители. При этом важно отметить, что люди отличали политику ХДС в общегосударственном масштабе и на местном уровне, а личная популярность президента Ф. Туджмана превышала популярность его партии. Победы ХДС на выборах и ее приход к власти во многом проистекали из харизмы ее лидера, из того, что ХДС оказалась единственной партией, сумевшей отождествить себя с национальным движением хорватов, с обретением национальной государственной независимости.

Состоявшиеся в феврале 1993 г. выборы в палату жупаний – верхнюю палату Сабора и местные органы власти позволили социо-

логам "Глобуса" утверждать, что "Будиша завоевывает Хорватию". В самом деле, если сравнить результаты выборов в августе 1992 и в феврале 1993 г., то бросается в глаза рост влияния оппозиционных партий, причем не только ХСЛС, но и Хорватской крестьянской партии.

	ХДС	ХСЛС	ХКП	СДП региональные партии		прочие независимые депутаты	
авг. 1992	43,72	17,33	4,6	5,40	3,11	24,0	2,20
февр. 1993	43,14	26,32	11,05	3,93	5,54	6,79	3,23

(Данные приводятся в %) ¹⁵.

Стремясь осмыслить причины относительной неудачи ХДС на местных выборах в феврале 1993 г., "Глобус" провел опрос, в ходе которого респондентам было предложено ответить на вопрос "Почему в моем городе ХДС проиграла местные выборы?" Результаты получились такие:

- снижение жизненного уровня – 13,1%;
- бездарность и низкий авторитет местных функционеров – 10,6%;
- привилегии политических деятелей – 10,4%;
- контроль и насилие над средствами массовой информации – 9,2%;
- более качественные программы оппозиционных партий – 8,9%;
- наличие у оппозиции лучших кандидатов – 7,8%;
- общее недовольство ХДС – 6,6%;
- коррупция местной администрации – 6,4%;
- оккупация хорватских территорий войсками ООН – 6,1%;
- рост безработицы – 4,9%;
- бремя беженцев – 4,5% ¹⁶.

После выборов раздались взаимные поздравления ХДС, ХСЛС и ХКП. В эту обойму не попала лишь региональная ИДС, одержавшая в своем регионе уверенную победу, и Далматинская акция, которая может быть удовлетворена голосами, полученными на выборах ¹⁷. ХДС контролировала палату жупаний, победила в большинстве жупаний; Истрийский демократический сабор получил все, что хотел и смог, Далматинская акция превратилась в респектабельную партию, а ХСЛС и ХКП доказали, что обладают силой и постоянно растут.

Но ХДС оказалась и единственной партией, понесшей потери. Она утратила правящие позиции в Пуле, Риеке, Пазине, Чаковце, Коп-

ривницах; партия потеряла два своих центра – Осиек и Сплит, в которых победили либералы. Выборы обернулись для ХДС утратой влияния и популярности в крупнейших городах Далмации и Славонии, хотя она и сохранила свои позиции в Загребе. Кроме того, поражение ХДС потерпела и в Истрии, где получила только три места в жупанийской купшине, а ИДС – 35 мандатов.

7 февраля 1993 г. ХДС потерпела первое серьезное поражение во внутренней политике. Но при этом был сделан важный шаг в становлении новой хорватской государственности – конституирование второй палаты Сабора и местных органов власти.

Выборы в палату жупаний выявили поляризацию сил. Выделяются на общем фоне три партии – ХДС, ХСЛС и ХКП. На парламентских выборах в августе 1992 г. эти партии вместе получили 60,21% голосов, а в феврале 1993 г. – 80,51%.

Региональные партии не пользовались популярностью в общенациональном масштабе. На голосование за ХДС не повлиял ни отказ Хорватской партии права от участия в выборах, ни слабость части оппозиции. Но проблема регионализации экономической и политической жизни Хорватии постепенно стала выдвигаться на первый план.

Главная причина таких итогов, по мнению Мирьяны Касаповк, – внутренняя дифференциация в национальном движении, которое выдвинуло ХДС, с одной стороны, и которое направлялось и контролировалось этой партией–движением в течение трех лет, – с другой. Это движение в Хорватии возникло в 1990 г. перед первыми свободными выборами. По своим социальным характеристикам оно было похоже на аналогичные движения в других восточноевропейских странах, т.е. являлось ненасильственным, массовым, антикоммунистическим, демократическим, националистическим, откровенно или латентно популистским, эйфоричным. Движение и партия просуществовали вместе два года, так и не отделившись одно от другого¹⁸. ИДС в своем регионе стало применять те же методы, что и ХДС в Хорватии в целом. Но эти движения различаются по своей природе, способу возникновения, движущим силам и целям.

В Хорватии, разъясняла М. Касаповк, развивались два процесса: часть национального движения превращалась в правящую партию и переходила в государственные структуры, а другая – разложилась на

обособленные социальные группы. Усиление оппозиции зависело от степени разложения национального движения. При этом некоторые партии пытались стать движениями в движении: Хорватская национальная партия и Хорватская партия права пытались радикализировать национальную риторику и политику.

После выборов 1990 г., считает политолог, в Истрии возникло полиэтническое антицентралистское и неидеологизированное, в основном прагматическое движение, стремившееся сохранить и извлечь максимальную пользу из выгод региона Истрии в условиях военных тягот и социальных страданий в Хорватии, получить возможно большую политическую самостоятельность в Хорватии. Регионализму противостоит национальная идеология Республики Сербская Крайна (РСК). Большую проблему представляли инфляция и безработица.

Остро стояла проблема характера политического режима. Конечно, он не может быть демократическим в полном смысле слова по нескольким причинам. Во-первых, этнополитическое самоопределение ведет к территориальному размежеванию, к психологическому конфликту новой "титупольной" нации-национальности с соседями и национальными меньшинствами. Во-вторых, отсутствует развитая политическая культура и психология. Собственно говоря, еще не выросли подлинные демократы и либералы – им просто неоткуда было взяться. Нынешних же можно называть таковыми лишь условно. Отсутствуют структурированные партии. У власти стоят люди, занимавшие и в коммунистической иерархии не последние посты. В ходе экономических преобразований – особенно в условиях внутренней и внешней войны – приходится использовать и насилие, и нерыночные методы. Не говоря уже о борьбе элит и группировок за власть и собственность при укоренившихся коммунистических представлениях о собственности и недостаточности соответствующей законодательной базы.

Хорватия, сочетая в себе авторитарный режим и открытость по отношению к Западу, не ищет "особых" национальных путей экономического развития, стремится соотнести свои специфические задачи с опытом других стран. Еще в 1989 г. в экономической части программы ХДС говорилось о необходимости "развития народного хозяйства на принципах равноправия всех форм собственности, свободного рынка товаров, рабочей силы и капитала, правовых гарантий

частного предпринимательства"²¹. Будучи в рамках Югославии и используя экономические проблемы в целях национально-политической борьбы, партия провозгласила "пересмотр размера отчислений из национального дохода Хорватии", явно имея в виду выплаты в общедо- федеральный бюджет в пользу Сербии и других "отсталых" республик.

Экономика и недра рассматривались как собственность нации и государства, а обладание ими – как часть национального самоопределения. В тот момент общая экономическая программа ХДС практически ничем не отличалась от программ других оппозиционных партий национальной хорватской или югославистской ориентации. Она выступала за "развитие тех отраслей хозяйства, которые уменьшают уровень безработицы, за сотрудничество с иностранными предпринимателями, создание совместных предприятий, приведение в соответствие микро- и макроэкономических критериев, инициатив и планов, развитие производственных отношений, основанных на владении акционерным капиталом, развитии туризма, принятии мер к обузданию инфляции"²².

Чем же объяснить успех ХДС, дважды победившей на парламентских и президентских выборах?

Такому успеху способствовала форма ХДС как партии-движения и большее понимание рядовыми избирателями ее лозунгов и целей, чем, например, программы интеллектуалов из ХСЛС. Несомненной популярностью пользовался и сам Франьо Туджман – с одной стороны, бывший титовский генерал, а с другой – диссидент с многолетним стажем и профессиональный историк. Именно он стал харизматической фигурой в процессе обретения Хорватией независимости и перехода к рыночной экономике.

Конституцией, принятой 22 декабря 1990 г., вводились новые экономические, социальные нормы и отношения собственности. Это уже был открытый отказ от принципов социализма. Вопрос, однако, в том, как и насколько быстро, особенно в условиях войны и оккупации части территории, сможет пройти смена форм собственности и принципов функционирования экономической и финансовой систем.

Закон о Национальном банке (НБ) был принят в ноябре 1992 г. НБ является независимым учреждением в проведении финансовой и

внешней политики, ответственным за нее перед Сабором Хорватии. Национальный банк сразу же столкнулся с большими трудностями: война и ее последствия, задача превращения социалистической экономики в рыночную, высокая инфляция, отсутствие резервов иностранной валюты. Сокращение инфляции до уровня, совместимого с уровнем в основных западных странах, стало условием введения постоянной валюты.

Согласно выкладкам хорватских экономистов, рост совокупного общественного продукта остановился в 80-е годы и резко снизился в начале 90-х годов. Реально он сократился на 9% в 1990 г., на 23% – в 1991 г., на 20% – в 1992 г., на 4% – в 1993 г. Производство промышленной продукции упало в 1990 г. на 11%, в 1991 г. – на 29%, в 1992 г. – на 15% и только на 6% в 1993 г. Безработица составила в 1990 г. 9%, выросла до 15% в 1991 г., а к концу 1993 г. она повысилась до 18%. В 1991 г. резко снизился уровень заработной платы; он начал расти со второй четверти 1993 г.²³

В этот период НБ и правительство Хорватии усилили свои позиции для проведения экономической политики, которая соответствует рыночно ориентированной открытой экономике. Удалось, например, сбить высокую инфляцию. Снижение инфляции с 50 до 8% в год было большим успехом. Однако такая политика привела к падению производства.

Успех программы стабилизации зависел после проведенных реформ от других аспектов экономического курса. Финансовая политика сделала свое дело, и дальнейшие реформы нельзя оттягивать, заключили экономисты.

Как же само общество оценило результаты политики президента и правительства первых лет независимости, проводимых преобразований, их темпов и форм? (Заметим, часто результаты опросов общественного мнения расходятся с результатами выборов, которые и являются главной оценкой деятельности политиков и политических партий.)

Почти 70% опрошенных считали, что за низкий уровень зарплаты ответственность несет правительство, а отрицали это 13,4%. Около 54% полагали, что рост забастовок является следствием роли госу-

дарства в экономике и медленной приватизации. Более 51% респондентов ответили, что забастовки могут улучшить положение работающих; но 28,2% не согласились с этим. В то же время 68% занятых назвали всеобщую забастовку приемлемым средством борьбы. Подавляющее большинство – 60% считает, что правительство хочет ограничить право на забастовку, а более 70% – убеждены, что власти должны выполнять требования бастующих. И, наконец, на общий вопрос: "Хуже или лучше вам живется по сравнению с тем, как жили 2–3 года назад?", респонденты дали социологам загребского еженедельника "Глобус" в марте 1993 г. такие ответы: гораздо лучше – 1,3%; в основном лучше – 4,0%; так же – 21,6%; в основном хуже – 37,3%; гораздо хуже – 31,7%; затруднились с ответом – 4,1%²⁴.

Назначенный на пост главы правительства в апреле 1993 г. и сохранивший его до ноября 1995 г. Никица Валентич в интервью тому же "Глобусу" прямо заявил: "Я капиталист и буду бороться за хорватский капитализм". Н. Валентич сменил Хрвое Шаринича после относительно неудачных для ХДС выборов в местные органы власти и палату жупаний Сабора в феврале 1993 г. Кроме того, президенту и правящей партии необходимо было сменить команду, сменить имидж.

Н. Валентич потребовал полной поддержки со стороны своей партии. "Без этого я превратился бы в камикадзе", – заявил премьер. Это было необходимо в связи с усилившимся давлением консервативного крыла ХДС на правительство, главу которого считают представителем либеральной фракции в партии власти. "Я убежденный либерал", – сказал о себе новый премьер. Общественное мнение его причисляет к либералам, в то время как ко многим другим деятелям ХДС отношение двойственное: одни их считают либералами, другие – консерваторами.

Весной 1993 г. в ХДС возникла угроза раскола. Согласно опросу, опубликованному "Глобусом" 9 апреля, 35% респондентов считало возможным раскол партии, а 27% – невозможным. Чуть более трети не имели определенного мнения. При этом "либералы" пользовались гораздо большей поддержкой общественного мнения: за них выразило готовность проголосовать в случае отделения почти 49%, в то время как за "консерваторов" – только 14,5%²⁵.

В тот момент ХДС не разделилась. Но "либеральная" и "консервативная" фракции продолжают существовать. Их соперничество во многом определяет и политику президента.

Н. Валентич предлагал войти в правительство членам других партий, но как специалистам, а не как политикам. Вряд ли такое предложение могло удовлетворить оппозицию, хотя она и выступала за формирование общенационального правительства (прежде всего, ХСЛС). Не устроила эта идея и коллег Н. Валентича по партии.

Приоритетными целями Н. Валентич провозгласил сокращение инфляции, решение проблемы собственности, быстрой приватизации. "Я искренне и глубоко верю в капитализм. Я верю только в частную собственность и постараюсь как можно быстрее приватизировать Хорватию. Без нее у Хорватии нет никаких шансов. Я привлеку иностранный капитал, который купит предприятия. Но надо защитить и мелких производителей. Предприятия, находящиеся в собственности государственных фондов, должны быть разделены между работающими на них людьми. Приватизация – наша конечная цель", – заключил премьер свое интервью "Глобусу".

Проблема приватизации осложнялась прежде всего своим объемом и нехваткой государственных средств. Граждане требовали возврата собственности, оцениваемой в восемь миллиардов марок. Нужно было денационализировать 1795 предприятий, 50 тыс. земельных наделов, 204 судна, 19 рудников. Бывшие хозяева потребовали возвращения домов, автомобилей, драгоценностей и т.д. Было предъявлено 2 тыс. исков, а рыночная цена имущества, подлежащего возврату, была в три раза больше суммы, которую в валюте государство уже задолжало гражданам²⁶. Кроме того, многие здания и предприятия или были разрушены, или находились на неконтролируемой правительством Хорватии до августа 1995 г. части территории самопровозглашенной Республики Сербская Крайна.

В начале 1995 г. опросы общественного мнения показывали высокую популярность и президента Ф. Туджмана, и ХДС (более 30%). Ведущая оппозиционная партия – ХСЛС и ее лидер Д. Будиша относительно стабильно получали в этих опросах 25–30%.

Общественное мнение, однако, противоречиво и непостоянно. Выше уже приводились данные о причинах недовольства положением в

стране и политикой правительства в феврале 1993 г. В марте 1994 г. общество относилось к его деятельности с достаточной долей критичности: только 5,7% опрошенных оценили его деятельность на "отлично", в то время как 16,2% – на "хорошо", 27,3% – на "удовлетворительно". А у 17,3% премьер получил "неуд". В июне 1994 г. были названы следующие причины недовольства: Хорватия полностью не освобождена – 85,5%; снизился жизненный уровень – 85,4%; нежелание иностранных государств оказать помощь – 39,5%; неспособность руководства – 47,6%; ошибочная экономическая политика – 56,2%; рост преступности – 75,3%²⁷.

Но нельзя не сказать, что кабинету Н. Валентича удалось добиться значительных успехов. Помимо экономических показателей об этом говорит и отмеченный выше факт, что глава правительства в 1994 г. был назван лучшим премьер-министром страны с момента обретения ею независимости. Так считали 55% опрошенных, лишь 1,2% назвали лучшим его непосредственного предшественника. В июне 1994 г. в списке "самых уважаемых политиков" Н. Валентич оказался рядом с президентом. По-видимому, на подобную оценку его премьерства повлияло становление национальной экономики, прекращение боевых действий, последствия принятых ранее непопулярных, но необходимых решений.

В многонациональных государствах для оценки идеологии и деятельности партий существуют две шкалы – социально- и национально-политическая. Очень часто они могут не совпадать. Например, сторонники рыночной экономики и экономического либерализма, даже сторонники демократии и республиканцы могут занимать в национальном вопросе позиции жесткого централизма и этнического национализма, что в конечном счете ведет к нарушению тех прав и принципов, за которые они сами выступают. С другой стороны, консерваторы, понимая, что принципы социально-политической демократии не всегда сохраняют демократический характер политики властей в области межэтнических отношений, могут выступать за более плавный переход от многонационального государства к полиэтничному, за сохранение на определенном этапе законодательных прав этнических и национальных меньшинств.

Критика правительства даже с самыми лучшими намерениями часто вызывает негативную реакцию властей. Практически полный

правительственный контроль установлен над ТВ, радио, что особенно болезненно, поскольку газеты в розницу очень дороги. Но и положение прессы немногим лучше²⁸.

Перед Хорватией стоит и иная проблема: как сохранить целостность в границах, из федеративных межреспубликанских превратившихся в государственные, как удержать территории и решить проблему взаимоотношений с проживающими на них сербами, которые также заявляют о своем стремлении и праве на самоопределение "вплоть до отделения" и которые готовы отстаивать это право всеми возможными средствами, включая военные.

Сербская проблема, как неоднократно заявлял руководитель Сербской национальной партии в Хорватии Милан Джукич, выходит за рамки так называемой Сербской Краины – территории Хорватии, на части которой сербы составляли этническое большинство и которые теперь практически покинуты хорватами. Фактическим отделением этих территорий от Хорватии в результате боевых действий и самопровозглашения независимости этих "краин" – Республики Сербская Краина – и объявления о ее объединении с Сербской республикой Боснии и Герцеговины и продиктовано решение Загреба не продлевать мандат сил ООН, принятое в январе 1995 г. Силы ООН, по мнению международного сообщества, препятствовали военному столкновению и, по мнению хорватских властей, мешали воссоединению Хорватии в этом же сообществом признанных границах.

Антивоенное движение в Хорватии очень слабо, поскольку действия Белграда и Югославской народной армии в 1991–1992 гг. нельзя не признать агрессией. Невозможно забыть бои за Вуковар и Осиек,, многомесячную блокаду и обстрелы Дубровника. Но и хорватская сторона перешла грань, отделяющую оборонительную войну от стремления любой ценой подавить национальное движение сербов, живущих в стране²⁹.

По новой конституции Республика Хорватия является "единым и неделимым демократическим и социальным государством". Власть в нем "исходит от народа и принадлежит народу как обществу свободных и равноправных граждан". При этом свобода, равенство, национальное равноправие, миротворчество, уважение прав человека, неприкос-

новенность собственности, господство права и демократическая многопартийная система являются высшими ценностями ее конституционного строя. Гражданам Хорватии гарантируются все права, и они пользуются всеми свободами независимо от их расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, образования, общественного положения и других особенностей. Все они равны перед законом.

Республика Хорватия по конституции 1990 г. "утверждается как национальное государство хорватского народа и государство представителей иных народов и меньшинств, являющихся его гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других". Таким образом, представители всех народов и национальных меньшинств обладают равными правами. Конституция гласит, что им гарантируется свобода своей национальной принадлежности, свобода употребления своего языка и письменности и культурная автономия. Но официальным языком является хорватский, а письмом — латинский алфавит. В конституции не зафиксировано право на образование представителей меньшинств на родном языке.

Запрещаются и подлежат наказанию призывы или побуждения к войне или использованию насилия, к национальной, расовой или религиозной ненависти, к любому виду нетерпимости³⁰.

Практически вся оппозиция, в том числе и партии называющие себя "демократическими" и "либеральными", выступала за военное решение проблемы Сербской Краины, отказывалась видеть "сербскую проблему" в Хорватии в целом. Принятая 25 июня 1991 г. Декларация о правах сербов и других национальных меньшинств предоставляла право пропорционального участия всех национальностей в органах государственной власти и местного самоуправления. Сербским депутатам было выделено 13 мест в палате депутатов и еще 5 — представителям других национальностей³¹.

Лидеры ХСЛС часто выступали даже с более резкими речами, чем президент и правительство по "сербской проблеме" в Хорватии и о принципах и условиях общего мирного урегулирования с Югославией и Боснией. Видимо, годы войны сделали свое дело, и партия не

может не учитывать господствующие настроения тем более, если она хочет прийти к власти. А в национальном вопросе сейчас ХДС можно было обойти только используя более радикальную в национально-политическом отношении риторику. (Ситуация изменилась в 1995—1996 гг.: сейчас ХСЛС занимает более умеренную позицию в "сербском вопросе".) На позиции ХСЛС и других оппозиционных хорватских партий не могла не сказаться и хорватская национальная традиция и политическая культура последних пятидесяти лет, построенные на насилии и нетерпимости.

Проблемы самоопределения бывшей государствообразующей национальности, автономии этнических меньшинств в полиэтническом и многонациональном государстве сплелись в один тугий узел. Превратится ли Хорватия в многонациональное государство и полиэтничное гражданское общество? Это возможно при отказе в принципе от признания этнических общностей субъектами государственного права. Но на это не пойдут ни хорваты, ни сербы.

Во многом можно согласиться с обоснованной, хотя и не очень оптимистичной точкой зрения председателя Сербской демократической партии и заместителя председателя Сабора Милана Джукича: "Самая крупная ошибка политики хорватского государства состоит в том, что оно допустило актуализацию тезиса о том, что все сербы в Хорватии проживают лишь на территории Сербской Крайны. Но сербский вопрос в Хорватии не сводится к проблеме Крайины, а состоит из других проблем, которые необходимо обсуждать с официальными представителями страны"³².

Конечно, территории самопровозглашенного государственного образования, называемого Республика Сербская Крайина, никогда не входили в состав сербского государства. Но сербы — и как общность, и как национальное меньшинство, и как граждане должны иметь равные права с хорватами. "Сербы сыграли большую роль в борьбе за целостность и суверенитет Хорватии. А власти сначала не обращают внимания на сербов за пределами Крайины, а когда надо — используют их", — с горечью продолжал М. Джукич.

Вторая ошибка, по его мнению, состояла в ведении переговоров с крайинскими сербами. Надо было вести переговоры о решении кризи-

са в Крайине, а разрешения проблемы можно добиться тогда, когда в РСХ будут распущены террористические формирования, члены которых не являются гражданами Хорватии. После этого можно обсуждать восстановление хорватской государственной системы в Крайине.

СДП осудила военные акции Хорватии по освобождению силой нескольких областей. Она была убеждена, что это не приведет к разрешению конфликта. "Мы понимаем, сколь необходимо для Далмации восстановление нормальной связи с Хорватией, но против применения силы", – говорил М. Джукич в 1993 г. Да и мировое сообщество не поддержало бы ввод хорватской армии под защитой "голубых касок". Такая политика, справедливо считает он, подрывает доверие сербов к хорватскому государству. А это приведет к возникновению теорий о роли сербов как "конституирующей нации" в Хорватии, к требованию территориально-политической автономии". Вполне очевидно, что пока нет гражданского общества, нет и мира, а мир невозможен на основе перераспределения территорий и полномочий между этническими общностями, признанием их собственниками территории и субъектами государственного права и на отрицании (или признании вторичности) прав личности. В таких условиях невозможно ни мирное разрешение конфликта, ни формирование и функционирование полиэтнической и многопартийной демократической системы.

Сербская демократическая партия находится в очень трудном положении "чужого среди своих и своего среди чужих". Хорватская политическая элита без энтузиазма относится к ее существованию. С другой стороны, и ХДС, и оппозиция пытались перетянуть ее на свою сторону, сделать дополнительным козырем в собственной политической игре. Но, как отметил М. Джукич, его партия не хотела бы вступать ни в какие коалиции с оппозицией, поскольку в этом случае "превратилась бы в ее рабов". Используя СДП, оппозиция могла бы атаковать правящую партию. В этом и состояла причина того, что СДП не присоединилась к бойкоту заседаний Сабора, устроенного хорватскими оппозиционными партиями летом 1993 г. СДП, как парламентская партия стремится вести диалог по всем вопросам в Саборе с правительством. Оппозицию СНС собирается защищать и поддерживать лишь тогда, когда увидит, что их интересы близки, когда это пойдет на благо граждан Хорватии, в том числе и сербам. "Если выполнить резолю-

цик Совета Безопасности 769, подтверждающую международно признанные границы Хорватии, Крайины останутся частью Хорватии, а их жители свяжут свои судьбы с судьбой Хорватии", – считал М. Джукич.

Но СДП выступила против хорватской оппозиции, поддержавшей военный путь окончательного решения проблемы Крайины. По ее мнению, это привело бы к гибели 120–150 тыс. сербов. Среди оппозиционеров чаще всего разговор идет о военном решении. А СДП против такого решения, поскольку война не приведет и не может привести к разграничению двух международно признанных государств и возвращению оккупированных территорий. Хотя и Хорватия не может бесконечно мириться с изоляцией или отторжением части ее территории.

Но новая война поставила бы под угрозу все достижения Хорватии, добытые с таким трудом в последние годы не только внутри страны, но и на международной арене. Это доказала и ограниченная акция по "восстановлению конституционного строя", проведенная властями Хорватии в начале мая и августе 1995 г. Прекращение переговоров с Книном, охлаждение отношений с мировым сообществом, срыв туристского сезона после обстрелов Загреба и Дубровника, потеря ожидавшихся и столь необходимых валютных поступлений, обвинения в нарушениях прав человека – вот только некоторые результаты этой акции. Экономический смысл победы в такой войне теряется, утрачивается смысл конфликтов как таковых. Ибо "победители", если таковые будут, получают выжженную землю, разрушенные заводы, всеобщую нищету собственного народа.

Данная статья была завершена весной 1995 г. До момента ее появления в печати произошли значительные изменения обстановки во всех странах-участницах конфликта. Прекратила свое существование самопровозглашенная Республика Сербская Крайина. Подписано соглашение об урегулировании сохранившейся ее части – территории Восточной Славонии. Подписаны документы общего мирного урегулирования в Дэйтоне. Значительно изменился закон о национальностях и избирательный закон в Хорватии. На его основании прошли досрочные выборы в Сабор и органы местного самоуправления. Анализ этих документов и этнополитических процессов весны-зимы 1995 г. – предмет дальнейшего исследования.

Примечания

¹ См. например: Формирование независимых национальных государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986; Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991; *Beuc I. Povijest institucija državne vlasti kraljevine Hrvatske, Slavonije i Dalmacije*. Zagreb, 1985; *Sidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda 1860–1914*. Zagreb, 1968; *Jelavich B. and Ch. The Establishment of the Balkan National States 1804–1920*. Seattle, London, 1977; и др.

² См.: *Романенко С.А.* Югославия: от "братства и единства" к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе. (Драма национальных противоречий). М., 1994; *Романенко С.А.* Австро-Венгрия или Югославия? // Австро-Венгрия. Исторический опыт многонационального государства. М., 1994; *Биланджич Д. и др.* Хорватия между войной и самостоятельностью. Загреб, 1991; *Roots of Serbian aggression*/ Ed. Covic B. Zagreb, 1993; *The Demise of Yugoslavia* // *East European Politics and Societies*. Fall, 1992. Vol. 6, № 3; *Ramet S.P.* Nationalism and Federalism in Yugoslavia 1962–1991. 2-nd ed. Bloomington and Indianapolis, 1992; *Čuvalo A.* The Croatian National Movement, 1966–1972. Columbia University Press, 1990; *Pawlovitch S.K.* The Improbable Survivor. Columbia, 1988; *Geis I.* Der Jugoslawien krieg. Frankfurt am Main, 1993.

³ *Programska deklaracija Osnjivačke skupštine Hrvatske demokratske zajednice* // *Što jest i što hoće HDZ*. S. 16–24; *Tuđman F.* О провизисној нуџности и протусловљу самoodређења и интеграције европских народа. Ibid. S. 72–76; *Šibl M.* Narodni suverenitet i pravo na saoodređenje. Ibid. S. 51–52; *Milardović A.* Nove stranke Hrvatske '90. Bilje, travnja 1990. S. 106–112.

⁴ См.: *Letica S.* Четврта Југославија. Загреб, 1989. С. 313–315; *Milardović A.* Op. cit. S. 83–89.

⁵ *Letica S.* Op. cit. S. 311–313; См. также: *Matvejević P.* Jugovlavenstvo danas. Drugo izd. Beograd, 1984.

⁶ В хорватском языке существуют два понятия – "puk" и "narod", которые на русский язык переводятся как "народ". Первое означает социальную характеристику, второе – этнополитическую. Авторы программы ОЮДИ использовали понятие "puk".

⁷ См. напр.: *Романенко С.А.* Югославия: от "братства и единства" к войне и распаду... С. 273–275.

- ⁸ *Letica S.* Op. cit. S. 320–323.
- ⁹ *Ibid.* S. 280–285.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 281.
- ¹¹ *Ustav Republike Hrvatske*. IV ird. Zagreb, 1992. S. 7–8.
- ¹² *Globus*. Zagreb, 1993. 12.II.
- ¹³ *Ustav Republike Hrvatskw*. S. 9. Законы, регулирующие механизм выборов в Хорватии см.: *Milardović A.* Op. cit. S. 19–38.
- ¹⁴ *Globus*. 1994. 17. VI; *Kompas*. Zagreb. Ožujak 1992.
- ¹⁵ *Globus*. 1993. 12.II.
- ¹⁶ *Globus*. 1993. 19.II.
- ¹⁷ *Globus*. 1993. 12.II.
- ¹⁸ *Globus*. 1993. 19.II.
- ¹⁹ *Globus*. 1993. 11.VI.
- ²⁰ См. материалы социологических опросов, публиковавшихся еженедельников “*Globus*” в 1993–1994 гг.
- ²¹ *Što jest i što hoće HDZ*. S. 17.
- ²² *Ibid.* S. 23; *Globus*. 1993. 09.IV.
- ²³ Выводы и данные взяты в следующих изданиях: *Jančkov L.* Monetary policy and iflation in Croatia. Institut za razvoj i međunarodne odnose // Reform Round Table Worling Paper. Zagreb, 1994. № 10; *Crnković-Požaić S.* Unemployment and labor market flexibility in the transition to a market economy: The case of Croatia. Institut za razvoj i međunarodne odnose // Reform Round Table Working Paper. Zagreb. 1994. № 12; *Tadić V.* Agricultural reform in Croatia. Institut za razvoj i međunarodne odnose // Reform Round Table Working Paper. Zagreb, 1994. № 11.
- ²⁴ *Globus*. 1993. 12.III.
- ²⁵ *Globus*. 1993. 09.V.
- ²⁶ *Globus*. 1993. 09.V.
- ²⁷ *Globus*. 1994. 25.III.
- ²⁸ См.: *Банац И.* Трудные дни Хорватии // *Сегодня*. 1994. 25.I; *Facts about the Media in Croatia*. Zagreb, 1993.

29 См.: *Roots of Serbian aggression*. Zagreb, 1993.

30 *Ustav republike Hrvatske*. S.9–11, 15.

31¹ См.: *Биланджич Д. и др.* Хорватия между войной и самостоятельностью. С. 50–70; *Povelja o pravima Srba i drugih nacionalnosti u Republici Hrvatskoj u Ustavni zakon o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj*. In: *Milardović A. Dokumenti o državnosti Republike Hrvatske*. Zagreb, 1992. S. 91–92, 94–109; Меморандум правительства СР Югославии о нарушении прав человека и гражданских прав сербского народа в Республике Хорватия. Опубликован в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи ООН и ЭКОСОС (A/50/92 и E/1995/15) 7 марта 1995 г.

32 *Globus*, 1993. 14.VI. См. также: *Дажич М.* Српска Крајина. Историјски темелъ и наставак. Книн, 1994; Програмски циљеви српске демократске странке. In: *Milardović A. Nove stranke Hrvatske*. S.157–160.

Г.Ю. Харцева

"ЛЕВЫЕ" И "ПРАВЫЕ" В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СПЕКТРЕ СЛОВАКИИ

Коренное преобразование политической системы Чехословакии, начавшееся с декабря 1989 г., привело к формированию многопартийности и претворению в жизнь таких демократических ценностей, как свобода личности, независимость средств массовой информации и т.д. В числе первых шагов "бархатной революции" были реформа отношений собственности, начало процесса разгосударствления и приватизации, либерализация цен, проведение свободных выборов. Однако реализация этих радикальных перемен с самого начала не проходила безболезненно в повседневной жизни чехословацкого общества. Противоречия, выявившиеся на этом сложном пути, привели в конечном итоге на рубеже 1992–1993 гг. к распаду единого чехословацкого государства и к образованию двух новых, независимых – Чехии и Словакии.

В настоящей статье предпринята попытка выявить роль основных словацких политических партий и блоков в общественной жизни Словацкой Республики на разных этапах периода после "бархатной революции" ноября 1989 г. и кратко охарактеризовать расстановку политических сил в СР в настоящее время.

Хронологически все посленоябрьское пятилетие жизни Словакии более или менее четко распадается на три периода: 1) с ноября 1989 г. по март 1991 г. В этот период еще действовала самая массовая политическая организация страны – движение Общественность против насилия (ОПН), хотя внутри него проходил процесс дифференциации, что и привело в конечном счете к распаду этой организации и выделению из ее рядов Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) во главе

с В. Мечъяром; 2) с весны 1991 г. по конец 1992 г. – период, включающий дальнейшую дифференциацию партий и движений, когда более или менее абстрактные программные установки начинают конкретизироваться, а в июне 1992 г. прошли вторые за посленоябрьский период парламентские выборы, результаты которых подтолкнули чехословацкое государство к распаду; 3) январь 1993 г. – начало 1995 г. – два года независимой Словацкой Республики.

К первым свободным парламентским выборам в Словакии в июне 1990 г. (находившейся тогда еще в составе ЧСФР) тщательно готовились и пришли как попавшая в опалу у большинства словацких граждан компартия (КПС)*, так и новые, а также возрожденные партии и движения. Однако политический спектр республики еще не был таким пестрым и количество организаций было значительно меньше, чем в последующие годы.

Основную часть внутривнутриполитической арены занимало аналогичное чехословацкому Гражданскому форуму (ГФ) ОПН. Оно, как и ГФ, возникло на волне революционных событий и провозгласило себя открытым политическим движением граждан. В начале ОПН полностью стояло на позициях ГФ, имевшего краткую, но довольно емкую программу, в соответствии с которой Чехословацкая Республика должна была стать правовым демократическим государством в духе традиций чехословацкой государственности и международных принципов, а отношения между гражданами и государством регулироваться будущей новой конституцией. В программе формулировалось требование коренного, последовательного и необратимого изменения политической системы, для чего предлагалось отказаться от закрепленного в конституции положения о руководящей роли КПЧ в обществе, от ее монополии на средства массовой информации. Намечалось создание или восстановление демократических институтов, которые обеспечили бы всем гражданам участие в решении общественных дел и предоставление всем существующим и вновь возникающим партиям и другим политическим и общественным организациям равных условий для участия в свободных выборах во все представительные органы. Заявлялось о сохранении принципа федеративного государственно-правового устройства страны.

*В тот период она являлась составной частью Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ).

В области народного хозяйства программа ставила целью создание недеформированного рынка, ликвидацию монопольных позиций крупных предприятий, обеспечение условий для равноправного существования различных типов собственности и постепенного открытия экономики миру. Предполагалось, что государство будет и впредь выполнять ряд незаменимых функций, проводить на макроуровне политику регулирования, чтобы справиться с инфляцией, растущей внешней задолженностью и грозящей безработицей. Указывалось, что "лишь государство может гарантировать необходимый минимум общественных и социальных услуг и охрану окружающей среды"¹.

Такая программа, хотя ее задачи и цели были сформулированы достаточно обобщенно и пути их достижения не конкретизировались, тем не менее позволила ОПН объединить вокруг себя в первые месяцы после ноября 1989 г. самые широкие слои населения.

Вместе с тем перед пятым съездом (сеймом) ОПН, проходившем в апреле 1990 г., на заключительном этапе подготовки к парламентским выборам газеты начали помещать письма читателей, в которых не одобрялись некоторые действия руководства движения, в частности, его попытки постоянно вмешиваться в кадровую политику. В печати, прежде всего в органе компартии Словакии – газете "Правда", даже прозвучали упреки в том, что оно стремится установить новый тоталитаризм взамен старого. На съезде эта "естественная потеря симпатий" мотивировалась "данью нарастающему плюрализму в обществе"². Участники сейма детально обсудили программу ОПН, получившую название "Шанс для Словакии". Данное название, как и стремление если и не выработать сразу свою, оригинальную программу, то хотя бы сделать определенный акцент на особенностях Словацкой Республики, объяснялось выявившимися к весне 1990 г. чешско-словацкими противоречиями и нарастанием недовольства большей части словацкого населения "прагоцентристской" политикой руководства Чехословакии и нерешенностью словацкого вопроса (по существу считавшееся с 1969 г. федерацией государство было по сути унитарным, что не устраивало словаков, с 1920 г. боровшихся за свою автономию)³.

Программа "Шанс для Словакии" была более конкретной, чем программа Гражданского форума именно в том, что касалось проблемы государственно-правового устройства страны и решения национально-

го вопроса. Словацкая государственность рассматривалась "как естественное и неотъемлемое право завершить осуществление всех аспектов суверенитета современного европейского народа, а ее воплощение виделось "в единой демократической федерации с таким же суверенным чешским государственным элементом". Подразумевались "совместные действия, как взаимовыгодное соединение сил, объединенных общими внутри- и внешнеполитическими, экономическими и культурными интересами"⁴. В программу был включен также, правда, в самой общей форме пассаж о соблюдении интересов национальных меньшинств.

Оставаясь в 1990 г. и начале 1991 г. наиболее массовой организацией в Словакии, декларируя в той же довольно общей форме демократические преобразования, ОПН в этот период продолжало охватывать большую часть словацкого политического спектра, в котором другие партии, разделяющиеся – порой весьма условно – на "правых" и "левых", пока выступали или с гораздо более расплывчатыми программами или были недавно созданы и еще не успели проявить себя в реальной деятельности.

И все же в этот период можно назвать, кроме ОПН, несколько наиболее заметных словацких партий, выделявшихся среди других или своими традициями, или более или менее определенной программой, или вставшими во главе их яркими личностями, впервые появившимися на словацком политическом небосклоне еще в 60–70 годы как, например, диссидент Ян Чарногурский. К таким (некоммунистическим) политическим организациям можно отнести Христианско-демократическое движение (ХДД) во главе с Яном Чарногурским, Демократическую партию Словакии (ДПС) и Словацкую национальную партию (СНП). У первых двух организаций, условно говоря, правоцентристского толка, достаточно сходные программы. Особняком стояла СНП, квалифицируемая как правая националистическая, которая с самого начала в качестве одного из основных пунктов своей программы выдвинула требование о независимом самостоятельном словацком государстве.

Руководство ХДД, в целом поддерживавшее общедемократическую программу ОПН, выступило также за восстановление христианских традиций в культуре и внутривнутриполитической жизни страны. Так, роль

партийной газеты "Словенский денник" (начавший выходить в апреле 1990 г.) ее шеф И. Чарногурский* определил как посланника мира и согласия "между словаками и другими европейцами вокруг нас – чехами, венграми, украинцами, австрийцами"⁵.

Христианские демократы призывали к терпимости по отношению к своим оппонентам, политическим противникам и в основном (по крайней мере их руководители) стремились придерживаться этого принципа. Это проявилось, в частности, в отношении к Коммунистической партии Чехословакии. Так, в апреле 1990 г., когда на волне антикоммунистических настроений начали раздаваться требования о запрещении КПЧ, Ян Чарногурский решительно высказался против этого. Будучи сторонниками "аутентичной", т.е. подлинной, федерации, ХДД не одобряло националистических выступлений и митингов, организация и участие в которых с самого начала были характерны для членов Словацкой национальной партии.

Демократическая партия Словакии была создана в декабре 1989 г. на базе сохранившейся после 1948 г. Партии словацкого возрождения. Ее основатели считают ДПС возрожденной партией послевоенного времени, набравшей в 1946 г. на парламентских выборах более 62% голосов избирателей. На формирование идейного облика партии большое влияние, особенно на начальном этапе, оказали словацкие эмигрантские круги в США и Канаде, настроенные в духе чехословакизма и традиций первой Чехословацкой Республики. Программа и политические цели ДПС в целом не отличались от соответствующих установок ХДД и исходили из традиций светских христиан, современного экуменизма национальных корней, признания целесообразности чехословацкой федерации и др. Об этих целях, в частности, говорилось в самой общей форме на съезде ХДД в Нитре в феврале 1990 г. представителями обеих партий: возвращение народу всех долгов прошлого периода, создание демократического государства и жизнь в атмосфере свободы в Европе, "которая является матерью и для словаков"⁶. Что касается различий между двумя партиями, то сами руководители ДПС подчеркивали лишь одно: считая свою партию не менее христианской, чем ХДД, они стремились "избежать разделения на различные веро-

*Брат Я. Чарногурского, один из руководителей ХДД.

исповедения и конфессии"; поэтому, по их мнению, ДПС должна была стать "партией всех религиозных слоев и общественных групп"⁷.

Левая часть политического спектра в этот период фактически тоже лишь формировалась. Основным его представителем являлась Коммунистическая партия Словакии, которая после ноября 1989 г. оказалась в достаточно сложном положении – и партия в целом, и каждый отдельный коммунист, порой независимо от своей личной деятельности, подвергались не только справедливой критике, но нередко и несправедливым нападкам. Вместе с тем КПС не покинула политической арены, боролась за восстановление доверия граждан Словакии. Руководство партии во главе с П. Вайсом делало первые шаги, пытаясь перестроить ее в современную демократическую политическую силу⁸. Лидеры КПС на митингах, на встречах с избирателями, через прессу призывали к консолидации и конструктивному сотрудничеству партий ради создания социально справедливого общества. "Давайте, – заявил П. Вайс на встрече с жителями одного из районов Братиславы (где он выступал в качестве депутата), – будем уважать опыт развитых демократий, функционирующих на базе уравновешенного политического спектра, в котором имеет место и левая партия"⁹. Эти попытки к диалогу часто наталкивались на недоверие и враждебность значительной части словацкой общественности. В то же время звучали голоса отдельных деятелей если не в защиту самих коммунистов, то в защиту их права на существование в плюралистическом обществе.

Так, Ян Чарногурский, выступивший против требований о запрете компартии, оценил и стремление ее руководства к преобразованию КПС в демократическую организацию. Он заявил: "В прошлом КПЧ (в составе которой была КПС. – Г.Х.) была тоталитарной партией, навязавшей тоталитарный режим всеми обществом. Поддержка и пропаганда такой партии могли бы привести к мысли об уголовном преследовании. Необходимо, однако, осознать, что ныне происходит внутреннее перерождение партии. Она поддерживает процесс демократизации общества.

Во главе КПЧ стоят новые люди. Как каждый член общества, так и компартия должна иметь возможность воспользоваться правом прощения. Современная компартия имеет свое место в политической системе Чехословакии, а выборы без нее не были бы свободными, так как у избирателей отсутствовала бы альтернатива"¹⁰.

Вместе с тем лидер ХДД высказал пожелание, чтобы КПЧ проиграла на предстоящих выборах "с крупным счетом", так как она все еще остается верной марксизму-ленинизму – вредной идеологии, которая завела Чехословакию в тупик. В отношении возможной победы коммунистов на выборах представители большинства партий также считали, что это был бы проигрыш трудящихся.

В этот же период в Словакии начали формироваться и другие левые партии. Так, в марте 1990 г. была создана Партия демократического социализма (ПДС), в программе которой была четко выражена ориентация на социальную защиту граждан, самоуправление на предприятиях, на последовательную федерализацию Чехо-Словакии и создание системы эффективной охраны окружающей среды. Заявлялось, что ПДС будет стремиться к созданию с другими политическими партиями и движениями "левого центра", в который предполагалось включить Социал-демократическую партию Словакии (СДПС), клуба "Возрождение", словацкую организацию Чехословацкой социалистической молодежи, профсоюзные и другие организации. По мнению ПДС, это была бы "коалиция граждан, объединенных принципами социальной справедливости, демократии и гуманизма"¹¹. Но левые партии были еще очень слабыми и их, как выяснилось позднее на выборах, отнюдь не усилило то, что они отмежевались от КПС. В марте 1990 г. три мелких партии – Либерально-демократическая, Партия независимых демократов и Партия национального благоденствия выступили с совместным заявлением, призывавшим граждан Словакии содействовать укреплению "партий центра", к которым они отнесли себя: "Нашу обеспокоенность, – говорилось в заявлении, – вызывает возможность возникновения такой ситуации, когда общественное мнение будет представлено, с одной стороны, Гражданским блоком (контуры этого блока принимали все более четкие очертания в составе Демократической партии, движения Общественность против насилия и Христианско-демократического движения), а с другой стороны, – компартией. Мы призываем всех граждан во-время осознать угрозу подобного разделения власти и понять, что партии в центре политического спектра являются единственным гарантом равновесия на политической сцене"¹².

Итак, бурное посленоябрьское полугодие во внутривнутриполитической жизни Словакии характеризовалось становлением плюрализма, кри-

стабилизацией различных интересов, постановкой проблем, к решению которых республика приступила после первых парламентских выборов. Сами же выборы принесли следующие результаты принявшим в них участие партиям и движениям. В Народную палату Федерального собрания голоса в Словакии распределились таким образом: ОПН – 32,5%, ХДД – 18,98%, КПС – 13,8%, СНП – 10,96%, Сосуществование (движение национальных меньшинств, в первую очередь венгерского) – 8,58%, Демократическая партия – 4,4%, социал-демократы – 1,89% и т.д.

Итоги выборов оценивались по-разному. Прессой отмечался неожиданный успех коммунистов, который их руководство рассматривало как создание условий для преобразования КПС в современную левую партию. Действительно, выборы, по сравнению с предшествовавшими им прогнозами, показали, что коммунисты (точнее – обновляющаяся компартия) в тот момент продолжали пользоваться доверием достаточно значительной части населения. Самой влиятельной силой в Словакии, как и ожидалось, оказалось ОПН, а его наиболее серьезным соперником стало ХДД.

Вместе с тем в этот период актуализируются проблемы, связанные с государственно-правовым устройством ЧСФР, с нерешенностью "словацкого вопроса" (т.е. вопроса о месте и правах словацкого народа в чехо-словацком государстве), с положением национальных меньшинств. В Словакии быстро выросли ряды приверженцев националистически ориентированных партий и движений. С другой стороны, осторожность в высказывании взглядов на национальную проблематику, присущая членам и руководителям Демократической партии, очевидно, привела к перераспределению голосов в пользу Словацкой национальной партии (в мае, т.е. за месяц до выборов, социологические опросы показывали, что за ДПС могут проголосовать 7% избирателей, а за СНП – лишь 5%).

Выборы не только не успокоили противоречивые общественные процессы в республике, но и в известной степени даже активизировали их. В частности, усиливалась конфронтация между сепаратистами и сторонниками федерации, обострялись разногласия по проблемам положения национальных меньшинств. Не было единства и по вопросу о

государственно-правовом устройстве страны ни между партиями, ни между руководителями ЧСФР и обеих республик. Трехсторонние встречи и телевизионные дебаты федерального и республиканских премьеров – И. Чалфы, П. Питгара и В. Мечьяра, – посвященные этой проблеме и разделению компетенций между соответствующими органами, проводились неоднократно до конца года. За ними пристально следила вся страна, дискуссии беспрерывно продолжались в средствах массовой информации, на митингах, а переговорам сопутствовали взаимные обвинения в сепаратизме или унитаризме. Посягательства на ограничение суверенных прав Словацкой Республики вызвали взрыв национальных чувств словацкого населения, что привело к резкому обострению межнациональных отношений чехов и словаков. В газетах и на митингах появились давно забытые лозунги: "Хватит нам Праги!", "Словак может сам управлять своей страной!". Вновь начались дискуссии о чехословакизме и проблеме самобытности словацкого народа. "Бархатная революция" вызвала надежды на урегулирование национальных отношений словаков с чехами, на устранение правового и фактического неравенства.

Проблема чешско-словацких отношений, которую А. Дубчек называл застарелой, нелечившейся болезнью, стала одной из главных в общественно-политической жизни Словакии. Наряду с экономической реформой, а нередко и в большей степени эта проблема определяла позиции, тактику и стратегию партий и движений. Их лидеры и сторонники разделились (хотя вплоть до распада ЧСФР недостаточно четко) на сторонников единой демократической федерации, максимально свободного федеративного союза, приближающегося к конфедерации, и независимого словацкого государства. При этом необходимо подчеркнуть, что все сторонники федерации, независимо от различий во взглядах на то, как будет строиться это государство, были за его демократизацию, за преобразование (не декларативное, а подлинное) по принципу "равный с равным", зафиксированному в Кошицкой правительственной программе 1945 г. Сторонников независимого словацкого государства, основным поборником которого выступала СНП, ни в 1990 г., ни в 1991 г., ни в 1992 г. не было много даже среди политиков, не говоря уже о рядовом словацком населении, что показывали регулярные социологические опросы вплоть до осени 1992 г. Большая

часть словацких граждан, как это очевидно из материалов этих опросов, результатов парламентских выборов 1990 г. и 1992 г., была за единую демократическую федерацию, но против чехословакизма и прагоцентризма¹³.

Все это необходимо учитывать, так как иначе трудно и даже невозможно будет разобраться в том, почему та или иная партия распалась, пользуется или не пользуется особым расположением словацких граждан и т.д. Дальнейший ход событий и развитие внутривнутриполитической обстановки в Словакии лишь подтвердили это.

Активизировался процесс дифференциации внутри партий и движений, и основным, хотя и не единственным, пробным камнем в нем был вопрос о чешско-словацких отношениях и государственно-правовом устройстве страны.

ОПН раскололось весной 1991 г., когда из него выделилось возглавляемое В. Мечьяром, нынешним словацким премьер-министром, Движение за демократическую Словакию, с момента образования ставшее в СР наиболее влиятельной общественно-политической силой. Мечьяр, в 1990 г. выступавший за аутентичную федерацию, с весны 1991 г. подчеркивал необходимость обеспечения словацкой государственности. Он активно выступал за заключение государственного договора между республиками, основанного на принципах конфедерации и дифференцированного подхода к проведению экономической реформы в Чехии и Словакии.

Бывшее руководство ОПН, не вошедшее в ДЗДС, во главе с Ф. Галом, твердо стояло на позициях единого демократического чехо-словацкого государства. Осенью 1991 г. из этой части движения сформировалась консервативная партия Гражданский демократический союз (ГДС) во главе с Мартином Порубьяком, близкая по своей программе и позициям к чешской Гражданской демократической партии (ГДП) В. Клауса*.

Распад самой крупной и влиятельной до начала 1991 г. организации Ф. Гал объяснял следующим: Общественность против насилия представляла массу людей, которых объединял образ общего врага – тоталитарной коммунистической власти. А когда он как будто исчез, в движении сразу выделились группы с различными политическими взглядами.

*Руководитель экономической реформы, не учитывавший интересы и особенности Словакии, в настоящее время премьер-министр чешской Республики.

дами. Поэтому распад этой организации был неминуем. Ф. Гал и его единомышленники, не сумевшие, по его собственному признанию, найти язык, понятный и убедительный для широких масс, оказались не у дел¹⁴. На наш взгляд, далеко не последнюю роль в этом сыграла близость этих деятелей к ГДП и то, что уже в силу этого многими людьми они воспринимались как чехословакисты или даже чехисты. Тем же можно объяснить и стабильно невысокий рейтинг Демократической партии Словакии.

Христианско-демократическое движение распалось непосредственно перед парламентскими выборами 1992 г. Поводом к этому послужили различные взгляды на намечавшееся принятие словацкой декларации о суверенитете. Крыло во главе с Я. Чарногурским выступило против этой акции. Хотя Я. Чарногурский постоянно отстаивал словацкую идентичность и равенство словаков с чехами, он, как и руководитель ГДС М. Порубьяк, опасался осложнить и без того нестабильную обстановку, стимулировать распад страны. В этот момент из ХДД выделилась группа во главе с Я. Клепачем, выступившая за немедленное установление суверенитета СР. Она образовала новое движение – Словацкое Христианско-демократическое движение (СХДД). В мае 1992 г. при голосовании в Словацком национальном Совете по вопросу о принятии Декларации о суверенитете Словакии не было собрано необходимого (три пятых) большинства голосов. Председатель совета Ф. Миклошко объявил борьбу за суверенитет в тот момент "авантюристическим шагом", за который несет ответственность СХДД. Я. Чарногурский подчеркнул, что декларация отнимет у Словакии единственного союзника в современной геополитической ситуации¹⁵.

Осенью 1991 г. происходившая на протяжении двух лет дифференциация внутри левого движения в Словакии привела к образованию Партии левых демократов (ПЛД) во главе с П. Вайсом, которая уверенно вышла на словацкую политическую арену.

Еще за год до этого, продолжая находиться в составе Коммунистической партии Чехословакии, словацкие коммунисты на ее XVIII съезде сделали первый шаг к выделению в самостоятельную партию. Они добились, чтобы КПЧ, заявившая о решительном разрыве с идеологическими догмами и организационной структурой прошлой партии, переименовала и свое название на следующее: КПЧ (Федерация коммуни-

224

стической партии Чехии и Моравии и коммунистической партии Словакии – партии левых демократов) . Это решение означало отход от централистского принципа и одновременно продвижение к федерализации партии. Его можно расценить как успех съезда, как шаг по пути нормализации чешско-словацких отношений к их демократизации.

Руководство КПЧС заявило о том, что будет строить свою политику на принципах политического плюрализма и социально ориентированной рыночной экономики. Однако сохранение единой чехословацкой коммунистической партии оказалось невозможным. Под давлением внешних и внутренних обстоятельств КПЧС в конце концов распалась. Партия левых демократов, в которую, по свидетельству П. Вайса, ушла примерно десятая часть членов КПС, решительно сменила коммунистическую идеологию на социал-демократическую.

ПЛД с самого начала опирается на довольно широкую социальную базу; весной 1992 г. от 20 до 30% ее членов составляли рабочие, насчитывается немало и представителей интеллигенции¹⁶. Известный чехословацкий философ, бывший диссидент Иван Свитака писал весной 1992 г., что эта партия представляет в основном среднее поколение бывших коммунистов. Она смогла дистанцироваться от прошлого и "занимает значительное место на словацкой политической сцене, де-факто играя роль социальной демократии в республике, ибо сама социал-демократия в Словакии гораздо более слабая и эту роль сыграть не может"¹⁷.

В своей программе левые демократы поддерживают усилия по созданию демократического государства, защищают интересы рабочих, служащих и мелких предпринимателей в социально ориентированной экономике. Партия выступила за равноправное положение Словакии в федеративном государстве. При этом и в программе, и в выступлениях партийных лидеров постоянно подчеркивалось стремление к сохранению федерации, "к рациональному решению отношений между ЧР и СР"¹⁸.

Таким образом позиция руководства ПЛД в отношении проблемы государственного устройства ЧСФР была достаточно взвешенной и четкой. Накануне выборов 1992 г. в интервью газете "Народна оброда" П. Вайс заявил, что для его партии никогда не было дилеммы: существование с Чешской Республикой или отдельное словацкое го-

сударство. Вопрос состоит в том, на каких принципах строить это сосуществование. "Мы, — подчеркнул лидер левых демократов, — пожалуй, единственная партия в Словакии, которая не изменила своей программы в государственно-правовой области. Мы хотим, чтобы Словакия развивалась как составная часть федерации двух суверенных и равноправных республик. На выборы мы пойдем с концепцией более свободной, децентрализованной федерации, с отдельным международно-правовым статусом федерации, которая будет выгодна обоим равноправным партнерам. Мы поддерживаем договорный и ратификационный принцип обновления государства"¹⁹.

Другие партии левой ориентации продолжали оставаться слабыми и малочисленными, рейтинг их был невысоким; возможно многих словацких граждан отпугивала социалистическая фразеология, ассоциировавшаяся с недавним коммунистическим прошлым. В то же время и они, в первую очередь, словацкие социал-демократы (СДПС), проявляли достаточную решительность, особенно в вопросах защиты прав трудящихся и будущего государственно-правового устройства страны. Так, еще летом 1990 г. СДПС заняла однозначную позицию в отношении заявления девяти националистически ориентированных словацких партий, во главе с СНП, в котором они высказались за будущую Словакию как "самобытную независимую республику". СДПС охарактеризовала это заявление как попытку создания политического блока для "формирования нашей государственности на правых, реакционных националистических принципах". Социал-демократы, подчеркивала СДПС, "однозначно поддерживают существующую федерацию, вместе с тем они сознают необходимость решения ряда вопросов государственно-правового устройства страны, в котором суверенитет Чешской и Словацкой республик был бы само собой разумеющимся"²⁰. Главное заключалось в том, чтобы этот суверенитет можно было использовать для устранения централизма и создания прямых интеграционных связей между ЧР и СР. СДПС, сознавая необходимость формулировки новых принципов совместного проживания чехов и словаков, решительно выступала против всех акций, которые вели к сепаратизму, национализму и шовинизму. Она подчеркивала, что националистически понятая "независимость" Словакии будет означать для словацких граждан снижение жизненного и культурного уровня, социальной уверенности.

Таким образом, в предвыборной компании 1992 г. произошла существенная дифференция словацких политических партий, конкретизировались программы и цели различных общественно-политических формирований. В этой связи интересно, на наш взгляд, ознакомиться с мнениями представителей некоторых партий Словакии о критериях деления на "правых" и "левых"²¹. Мнение ХДД: *правые* во главу угла ставят рыночную экономику, политический плюрализм с акцентом на традиционные ценности – национальные, культурные, нравственные. Допустимо лишь минимальное вмешательство государства в экономику; *левые*, считают христианские демократы, хотя и выступают за рыночную экономику, но при значительном вмешательстве государства; они – за политический плюрализм, но игнорируют указанные традиционные ценности, а интернационализму отдают предпочтение перед интересами нации.

Мнение Словацкой национальной партии: *правые* – политический субъект, который наибольшее значение в своей деятельности придает отдельному индивидууму, отдает ему предпочтение перед группами и коллективами; *левые* – наоборот, основное внимание обращают на ценности и права групп и коллективов; *политический центр* – иллюзия в смысле "золотого среднего пути".

А как определяют себя и правых сами левые партии?

Мнение словацких социал-демократов из СДПС: *правые* – это политическое течение, представляющее интересы богатых и сильных финансовых и предпринимательских кругов и ориентированное на консервативные экономические и социально-политические ценности: свободную неуправляемую рыночную конкуренцию, классическую частную собственность, индивидуализм, элитарность. *Левые* (социал-демократического толка) – течение, представляющее интересы занятых в сфере производства, кооператоров, мелких и средних предпринимателей и интеллигенции. Они ориентируются на достижение социальной справедливости, отношений солидарности в обществе и эмансипации женщин, проводят в жизнь общественный контроль за богатством и регулированием рынка. *Центр* – либеральное течение, опирающееся на такие классические ценности, как политические свободы, свободный рынок, конкуренция, ограничение роли государства и т.д. Центр представляет также часть средних предпринимателей, а также ремесленников и

либеральные слои интеллигенции. Социал-демократы считают, что центристы не ставят своей целью радикальные реформы.

Мнение Союза коммунистов Словакии: серьезные правые политические организации представляют собой консервативное направление, стремящееся к стабильности, создавая тем самым иммунную систему против экстремистских альтернатив. У нас же (т.е. в Словакии — Г.Х.) о них можно говорить прежде всего как о представителях интересов иностранцев и возникающей властной элиты, связанной с влиятельными интеллектуальными и финансовыми кругами; серьезные *левые* политические организации — это направление, недовольное создавшимся положением, внимающее общественным противоречиям и стремящееся к их разрешению. Оно не опускается до авантюризма, является ответственным и творческим. Современного левого направления фактически не существует: поражение бюрократического социализма отеснило левых на периферию общественной жизни. Политические группировки, объявляющие о своей принадлежности к этому направлению, пытаются представить себя в качестве элитарных партий, защищающих интересы народа; *политический центр* — это те, "кто ни справа и ни слева, т.е. нигде, т.е. партии и движения, которые израсходовали свое "историческое топливо"²².

Так высказывались о "правых", "левых" и "центристах" в Словакии представители различных движений. При этом необходимо подчеркнуть, что в предвыборный период (до вторых после ноября 1989 г. парламентских выборов оставалось чуть более месяца) они стремились использовать свои интервью для критики своих политических противников. Например, представители ДПС, считающей себя правой партией, не одобряя недостаточно последовательную политику руководителей ХДД в вопросе о государственно-правовом устройстве Чехо-Словакии, вскользь выразили сомнение в том, что христианские демократы действительно являются правым движением, а деятели Союза коммунистов высказались о своих соперниках из Партии левых демократов, как о не имеющем влияния и истратившим "историческое" топливо политическом центре. Как отметил словацкий политолог Р.Тот, большинство представителей партий и движений придерживались в своих определениях общепринятой в Европе схемы, в соответствии с которой *правые* — это политическое направление, основанное на силь-

ной экономической программе, опирающейся на частное предпринимательство. Социальная политика правых – перераспределение части богатства через налоги. Традиционными "правыми" ценностями являются нация, семья, активность индивидуума, влиятельная элита и политика силы.

Исходным пунктом для левых является комплекс социально-гуманистических идеалов, под влиянием которых организация экономики контролируется и лимитируется государством. *Левые* стремятся к социальной солидарности и в международном контексте, к ответственности государства за каждого индивидуума и к миру во всем мире.

Основными приоритетами *центра* являются гражданские свободы и мир. Функцией центра является создание "моста" между "правыми" и "левыми" и достижение таким образом гармонии в обществе. Без либералов, т.е. без центра, активизировалась бы борьба между обоими полюсами.

Парадоксом же словацкой политической сцены, подчеркивал Р.Тот, являлось (и это уже в 1992 г.) то, что "левые" имели более сильную экономическую программу и делали больший акцент на национальном вопросе, нежели "правое" направление, которое подчеркивало приоритет гражданского принципа над национальным (как либералы), интернационализм (как "левые"), причем у "правых" отсутствовала собственная экономическая программа.

С этими утверждениями словацкого политолога нельзя не согласиться. К сожалению, в публикации Р.Тота практически отсутствует оценка ДЗДС – самого массового движения, которое трудно безоговорочно отнести к какой-либо части словацкого политического спектра. Сами же представители ДЗДС не высказывают своего мнения по данному вопросу. Скорее всего это объясняется нежеланием уменьшать число своих сторонников, конкретно помещая себя в той или иной стороне политической арены.

Перед выборами 1992 г. в словацкой прессе появилось много статей политологов и философов с размышлениями о либерализме и неолиберализме, о демократическом социализме, а также о роли "левых" "правых" в современной внутривнутриполитической жизни страны и в ее будущем развитии. Так, подводя итоги развития Словакии в 1990 г. – начале 1992 г., автор статьи "Либерализм: нищета от свободы?" Ма-

риан Грах подчеркивал, что комплексный старт чешско-словацкой модели либерализма оказался неудачным, системная трансформация экономики и общества в словацких условиях не получилась. "Бывшие диссиденты в своем революционном экстазе не предполагали, что дальнейшее развитие социально-экономической ситуации, особенно в Словакии, окажется настолько неблагоприятным... Мы "имеем" нишету, при этом не только материальную, но, прежде всего, вытекающую из нее духовную и моральную. Разумеется, политическую свободу получил, пожалуй, каждый гражданин, но какую цену он за нее заплатил? Где границы "предложенной" свободы? В какой мере "рядовой" гражданин "должен" – якобы временно жертвовать своим относительным "благополучием" ради обещания "счастливого будущего?" Имеет ли эта жертва вообще какой-то смысл? И не является ли это лишь составной частью следующего исторического обмана и беспрецедентной мистификации и манипуляции в отношении граждан Словакии и ЧСФР вообще"²³.

М. Грах отдает должное либерализму как "либерально-демократической социально-политической системе, создающей адекватные политические и культурные предпосылки для небывалого развития творческих способностей человека как индивидуума, для его самореализации и самоутверждения, в чем нас достаточно убеждает историко-практический опыт развития западноевропейской и американской цивилизации и культуры". Но "либерализм не дает конкретным людям в их конкретно-исторической ситуации равных условий социально-экономического характера"²⁴. А это часто служит барьером для их свободной и оптимальной индивидуальной и общественной самореализации.

Какой же выход видит автор статьи? Во-первых, необходимо путем экономического "принуждения" научить людей "стоять на собственных ногах", т.е. ориентироваться в условиях рыночной экономики и трезво оценивая ситуацию, перестраивать свой менталитет, систему ценностей и т.д. При этом, подчеркивает М. Грах, "приоритетной ролью гражданского общества является систематическая борьба за его человеческое качество, за гуманистический характер, борьба за определенный вид "очеловеченного" либерализма, т.е. за гуманизированный либерализм"²⁵. Таким образом автор выступает с позиций неолибе-

рализма, или демократического либерализма, подчеркивая, что именно свойственный ему "критический рационализм" (вопреки нападкам неоконсервативных кругов) должен быть альтернативой марксизму в качестве основы идейно-политической концепции неолиберального реформизма. Итак, "не классовая борьба, а рациональная критика; не социалистическая революция, а социальная инженерия как основа решения и выбора различных социальных альтернатив, социальных ситуаций и ненасильственное решение социальных конфликтов при которых умирают теории, а не люди"²⁵.

Эта статья – одна из многих, в которых, как и в письмах словацких граждан в газеты и журналы, содержится отрицательная оценка результатов экономической реформы (безработицы, снижения материального уровня жизни большинства людей). В ней, с одной стороны, критика правых, одобряющих эту реформу и, с другой – неприятие левых, включая ПЛД. Вместе с тем такие "центристы" и "неолибералы" вынуждены, как мы видим, хотя бы декларативно поддерживать социально ориентированную политику.

Именно на такую политику сделало ставку ДЗДС, в первую очередь его лидер, нынешний премьер-министр В. Мечъяр, что и привело, в частности, это движение к победе на выборах 1992 г. Вместе с тем ДЗДС, на наш взгляд, нельзя безоговорочно отнести к "левым" организациям и не только потому, что П. Вайс считал его (по крайней мере в тот период) национал-популистским.²⁶ В целом можно, несколько забежав вперед, сказать, что это движение по своей достаточно разнородной программе и политике является скорее центристским. Но уже в 1992 г. руководители ДЗДС понимали, что без определенного сотрудничества с левыми силами как и без социально ориентированной политики не обойтись и поэтому порой не препятствовали тому, что их причисляли к левым.

Об истинных же левых, о необходимости социальной справедливости наиболее убедительно, по нашему мнению, говорил и писал в этот период упоминавшийся выше И. Свитак. Выступая весной 1992 г. на семинаре в Женевском университете, посвященном социально-экономическим преобразованиям в Восточной Европе, он, в частности, заявил: "Рынок обеспечивает разделение доходов, но оно несовершенно. Недостатки должны исправляться вмешательством государства, так как и

обнищавшие имеют свои права. Если человек — свободное творение, а не только "гомо экономикус", то он также должен быть свободным в принятии решений о механизме рынка. Историческое действие экономических критериев, включая рыночную экономику, предоставляет нам надежды, что новая форма социальной справедливости образуется из сегодняшнего распада коммунизма и из кажущейся победы либералов, отождествляемой Ф. Фукуямой с концом истории"²⁷. И. Свитак выразил убеждение, что в дальнейшем будет покончено со всеми общественными системами, основанными на имущественном неравенстве. "Человеческая свобода не может быть сведена к свободе владеть чем-либо. Поэтому социальная справедливость является решающей для нашего будущего... Социальная справедливость — ось нашей будущей свободы".

Исходя из своих взглядов и сделанных в Словакии наблюдений, И. Свитак высказал мнение, что на словацкой политической сцене все большую роль будут играть левые. При этом в одной из своих статей он наиболее положительную оценку дал Партии левых демократов: "В Словакии среднему поколению бывших коммунистов удалось решить первоочередные важные проблемы, т.е. дистанцироваться от прошлого, провести перерегистрацию. ПЛД открыла себе возможность функционирования в будущем. Это — партия, имеющая место на политической арене, откуда ее не удалось вытеснить". Он высказал также надежду, что ПЛД, если и не войдет после выборов в правительство, то сможет и дальше играть роль легальной оппозиции, которую она хорошо выполняла в тот период.

Таким образом, накануне выборов 1992 г. на словацкой политической арене более четко, чем в 1990—1991 гг., определились "правые" и "левые", хотя, как мы видим, это деление было достаточно условным. К "правым" безоговорочно относили сами себя и другие партии — ГДС и ДПС, к "левым" — Союз коммунистов и Коммунистическая партия Словакии (позже, в 1993 г. они объединились в единую Компартию Словакии (КПС)), которые отказывали социал-демократам и ПЛД в праве называться левыми.

Большая часть словацкого общества склонялась на сторону ДЗДС, что показывали регулярные социологические опросы. То, что оно активнее других партий и движений выступало за учет словацкой спе-

цифики в проведении экономической реформы в ЧСФР и за подлинную демократическую федерацию (перейдя вскоре на позиции конфедерации) сыграло основную роль в его победе на выборах 1992 г. Имели значение и определенная доля популизма и национализма (хотя в последнем пальму первенства всегда держали члены Словацкой национальной партии), а также и то, что во главе ДЗДС стояли известные, яркие и популярные в Словакии личности, в первую очередь, В.Мечьяр.

ДЗДС набрало на выборах 35% голосов. Второй была ПЛД. Но ни она, ни другие сторонники чехо-словацкой федерации не смогли остановить распад государства, просуществовавшего 75 лет. Не последнюю роль в усилении тенденции к распаду сыграли именно результаты выборов, столкнувшие на обеих – чешской и словацкой – сторонах непримиримые группировки, которые не сумели или не захотели освободиться от национализма и конъюнктурных интересов ради сохранения стабильной геополитической обстановки "в сердце Европы"²⁸.

Как и предсказывали многие чешские, словацкие и зарубежные политики, ученые и публицисты, распад (как до этого экономическая реформа В. Клауса) наиболее болезненно затронул именно Словакию, ее экономику и все другие стороны жизни, обострив, в частности, и без того сложную проблему национальных меньшинств (прежде всего венгерского)²⁹.

Президентом страны в феврале 1993 г. стал экономист из ДЗДС М. Ковач (до этого – последний председатель Федерального парламента ЧСФР), премьер-министром остался В. Мечьяр. Но вскоре разногласия внутри ДЗДС и вообще в словацких верхах (прежде всего из-за авторитарного стиля руководства премьера) привели к правительственному кризису. Уход из ДЗДС Р. Филкуса и М. Княжко, которые символизировали собой борьбу за словацкую независимость, явился показателем словацкой политической атмосферы в начале 1994 г. На посту премьера с весны 1994 г. до проходивших в сентябре – октябре досрочных выборов находился Й. Моравчик*. Правительство Моравчика за этот краткий период попыталось смягчить обстановку, включая отношение с венгерским национальным меньшинством (о чем, в частно-

---

*До этого министр иностранных дел, лидер центристской партии Демократического союза.

сти, свидетельствует проведение в августе 1994 г. словацко-венгерских переговоров с попыткой заключения договора между Словакией и Венгрией). Были приняты законопроекты о повышении пенсий и пособий семьям с детьми. Однако широкую правительственную коалицию, несмотря на старания президента М. Ковача, создать не удалось.

Летом 1994 г. расстановка сил, согласно социологическим опросам, была следующей: в поддержку ДЗДС высказалось 27,6% избирателей. На втором месте шел левый блок, в который входили Партия левых демократов, Социал-демократическая партия Словакии, Партия "зелёных" и движение аграрников. Их в тот момент поддерживало 14,9% населения. Третью позицию занимало ХДД, за ним – Демократический союз Й. Моравчика. На осенних выборах 1994 г. правые партии и левый блок с ПЛД во главе проиграли, а В. Мечьяр снова с триумфом вернулся в большую политику (ДЗДС набрала около 35% голосов). Вновь сыграли роль популистские обещания снижения цен и налогов, повышения зарплаты, возвращения неправильно приватизированных предприятий и пр. При этом в стороне остался вопрос о том, где взять на это деньги, если в республике огромный дефицит госбюджета, продолжает снижаться ВВП, каждый седьмой словак – безработный и т.д.

Процесс формирования нового правительства затянулся. В. Мечьяр не хотел сотрудничать с Й. Моравчиком, с венгерскими партиями и т.д. В начале ноября ДЗДС и его союзники, прежде всего СНП, используя свое парламентское большинство, сменили генерального прокурора, руководство радио и телевидения, национального информационного агентства, приостановили процесс приватизации. В газетах это было названо "малой ноябрьской социалистической революцией", которая однако ни к какому социализму (включая демократический) не привела. Что касается основного направления во внешней политике, то, как и все другие словацкие руководители, Мечьяр стремится прежде всего быстрее интегрировать страну в западноевропейские экономические и военные структуры.

Приоритетные внутривластные задачи Мечьяр кратко изложил на первом заседании правительства в декабре 1994 г.: "стабилизация политической ситуации и общества во избежание новых кризисов, разворот экономической стратегии на процветание Словакии, улучше-

ние социальной системы" (последнее, в частности, еще перед выборами он видел в создании прослойки богатых людей в Словакии, что повлияет на дальнейшее развитие республики)³⁰. В своих многочисленных выступлениях и заявлениях он говорил, что поставит правительство под контроль парламента, в рамках реформ изменит политическую обстановку, социально-экономическую структуру, отношение к собственности.

Пока можно сделать самые общие выводы о расстановке сил на словацкой политической арене к середине 1995 г.

Выборы в 1994 г. показали (во второй раз), что словацкая общественность отдает предпочтение национал-популистской политике ДЗДС. Сложилась правящая коалиция, в которой анархистское Объединение рабочих Словакии отвергает все западное, включая ЕС и НАТО, не приемлет рыночную экономику, а экстремистская и националистически настроенная СНП выступает против приватизации и каких бы то ни было уступок венгерскому меньшинству в Словакии. Близкие к чешской гражданской демократической партии (ГДП) правые, а также ослабленное расколом ХДД оказались в меньшинстве.

Одной из основных соперниц ДЗДС является ПЛД. В феврале 1995 г. состоялся III съезд этой партии. В принятой резолюции отмечается: "ПЛД не может молча наблюдать за растущим социальным упадком, угрозами демократическим завоеваниям словацкого общества. Нынешние методы реализации власти в стране прямо угрожают демократии. Это проявляется в деятельности правящей коалиции в парламенте, в захвате одной партией руководящих постов в электронных средствах массовой информации, в попытках изменить конституционную систему, парализовать работу местных органов власти. ПЛД будет и впредь вскрывать социальные корни угроз демократии, предпримет все, чтобы не допустить антидемократического политического развития в СР"³¹. Съезд, по оценке его делегатов, подтвердил преемственность линии партии, проводимой с момента ее образования. Поставлена задача подготовить долгосрочную программу ПЛД, которая будет исходить из проверенных практикой положений демократического социализма, учитывать словацкий опыт реформ и новейшие идеи, рождающиеся в соседних странах и в Социнтерне.

Руководители оппозиционных партий приветствовали избрание председателем ПЛД ее пока бессменного лидера П. Вайса. В свою очередь отрицательно работу съезда и избрание Вайса оценили представители ДЗДС и лидер СНП Ян Слота, который высказал уверенность в том, что у ПЛД нет никаких перспектив на будущее, а сохранение на своем посту лидера назвал несчастьем для его партии.

Можно подвести некоторые краткие итоги первого пятилетнего посткоммунистического развития Словакии. Вот как их оценили сами словацкие партии разного направления спустя месяц после выборов 1994 г.

ДЗДС: многочисленные ошибки, сделанные с начала перехода экономики на рыночные рельсы, в основном связаны с неравноценной экономической ситуацией в Словакии и Чехии. Вину за эти ошибки несут защитники идеи сохранения единой чехо-словацкой федерации. Самый крупный успех – рождение независимой Словакии.

ХДД: В ноябре 1989 г. коммунизм выброшен на свалку истории. "Бархатная революция" принесла свободу, но допущены многие ошибки. Реабилитирована национальная идея, выразившаяся в рождении независимой Словакии.

СДПС: большинство людей оценивают происшедшие перемены через призму тягот и лишений, которые обрушились на них. Социальные аспекты реформ оказались глубоко в тени "шоковой терапии", что привело к радикальной поляризации словацкого общества. Дальнейшее сохранение социальной напряженности, политической нестабильности, взаимной нетерпимости и непримиримости приведет Словакию к катастрофе (аналогичную позицию занимает ПЛД).

КПС высказалась наиболее резко, полностью отрицая плюсы посткоммунистического развития: "Массы обмануты "нежной революцией" с ее абстрактными лозунгами о демократии, свободе, плюрализме, приватизации и рыночной экономике. Люди убедились, что приватизация означает бессовестный грабег тех ценностей, что созданы за сорок лет при социализме. Рыночная экономика – это безработица, снижение жизненного уровня народа, а демократия и свобода – только для богатых"³².

Завершая статью, хотелось бы отметить следующее. В течение пяти посткоммунистических лет претворение в жизнь принципов плюра-

лизма привело к образованию различных партий – правых, левых, центристских. Но процесс их дифференциации, как и объединение в блоки еще не закончился. Одни в большей, другие в меньшей степени были причастны к посленоябрьскому социально-экономическому и политическому развитию, к его "плюсам" и "минусам", а в известной степени и несут ответственность за последние. Наибольшую роль на этапе до 1992 г. играли ОПН и Христианские демократы, меньшую – правые партии, близкие чешским (пример, Демократическая партия Словакии – ДП). С 1992 г. и до сегодняшнего момента ведущие позиции занимает ДЗДС, которое вместе с ГДП Клауса ответственно за дезинтеграцию единого чехо-словацкого государства. Националистическая СНП на всех этапах своей деятельности внесла существенный вклад в дестабилизацию обстановки и в области чехо-словацких отношений, и в отношениях с нацменьшинствами. Такие крайние левые, как КПС, имели достаточно много времени в прошлом, чтобы построить "светлое будущее или настоящее". Пока нереализованы возможности социал-демократов в ПЛД и СДПС. Время покажет, за кем будущее – за ныне правящей ДЗДС, или за левыми, или же за какой-либо иной общественно-политической силой.

Примечания

1 Со chceme. 1989. 26.XI. S. 2.

2 Ľas. 1990. 30.IV.

3 См.: Харцьева Г.Ю. Отношение словацких партий и движений к дезинтеграции ЧСФР // Политические партии и движения Восточной Европы: Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1993. С. 222–241.

4 Ľas. 1990. 30.IV.

5 Slovenský dennik. 1990. 16.IV.

6 Ľud. 1990. 19.II.

7 Ľud. 1990. 27.I.

8 Подробнее об этом см.: Харцьева Г.Ю. Политическая картина в Словакии после ноябрьских событий // Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 261–265.

- 9 Pravda. 1990. 28.II.
- 10 Čas. 1990. 25.IV.
- 11 Pravda. 1990. 8.III.
- 12 Čas. 1990. 18.III.
- 13 Политические партии и движения ... С. 222–241.
- 14 Výber. 1992. № 44. S. 18–20.
- 15 Lidové noviny. 1992. 8.V.
- 16 Výber. 1992. № 12. S. 16.
- 17 Nové slovo. 1992. № 10. S. 7.
- 18 Rudé právo. 1991. 17.II; Národná obroda. 1992. 6.V.
- 19 Ibidem.
- 20 Verejnost. 1990. 19.888.
- 21 Národná obroda. 1992. 21.IV.
- 22 Ibidem.
- 23 Výber. 1992. № 29. S. 18.
- 24 Ibidem.
- 25 Ibid. S. 19.
- 26 Харцьева Г.Ю. Словакия: свет и тени посленоябрьского пятилетия // Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995. С. 121.
- 27 Svítak I. Čte Bůh von Hajeka? //Nové slovo. 1992. № 12. S. 4–5.
- 28 Svítak I. Ľavica bude partnerom //Nové slovo. 1992. № 10. S. 7.
- 29 Подробнее см.: Харцьева Г. Ю. Словакия: свет и тени посленоябрьского пятилетия // Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995. С. 132 – 133.
- 30 Národná obroda. 1994. 13.VII.
- 31 Národná obroda. 1995. 21.II.
- 32 ИТАР–ТАСС. Вести Европы. Проблемы. Анализы. Перспективы. 18 ноября 1994. Серия "СЕ". С. 9–10.

ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ В ЧЕХИИ: СТРУКТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПРИОРИТЕТОВ

В июне 1996 г. в Чехии состоятся парламентские выборы. Это будет ключевое политическое событие не только для страны, но и региона, который сегодня именуется "Центральной Европой" и лидеры которого ориентируются на полное вхождение в такие структуры, как Европейский Союз (ЕС), НАТО и др. Правящие политические элиты Чехии считают, что их страна в наибольшей степени готова к вхождению в эти структуры, по многим параметрам опережая другие государства региона. Однако сдержанное отношение к указанному стремлению со стороны ЕС (несмотря на вдохновляющие словесные заверения), как бы внезапно возникающие экономические барьеры перед товарами и рабочей силой посткоммунистических стран, некая отчужденность в отношениях после эйфории революционных преобразований начала 90-х годов, свидетельствуют, что проблем здесь больше, чем представлялось ранее.

Все это, безусловно, отражается на внутривнутриполитических процессах, в частности, на приоритетах и эволюции политических партий и движений. В Чехии это выражается в готовности провести выборы 1996 г. под лозунгом: "В Европу!", которому придаются различные толкования со стороны партий и движений как правой, так и левой ориентации (при всей условности подобных определений). Этим партиям и движений накануне последних парламентских выборов (5–6 июня 1992 г.) в ЧСФР было зарегистрировано свыше 140 (данные на апрель 1992 г.), в том числе действовавших на территории Чешской Республики – 29¹. При этом в соответствующем справочнике тогда еще единой Чехо-Словакии слово "словацкая" содержалось в на-

звании 17 партий, "чешская" ("моравская") – 11, а определение "чехословацкая" – 14 партий².

По заявленным ориентациям наиболее многочисленную группу представляли так называемые "народные" партии, число которых достигало 11 (из них большинство – словацкие). Насчитывалось 10 партий, именовавших себя "демократическими", 9 – "социал-демократическими", 6 – "аграрными", по 5 "христианскими" и "коммунистическими", 4 – "республиканскими", а 3 – "либерально-демократическими". Это был пик количественного роста партий и движений, а также их разбросанности по национальному и политическому спектрам. После распада ЧСФР число партий и движений в двух частях прежде единого государства даже если заметно и не сократилось, то их социально-политические приоритеты изменились. Ведь надо было считаться с факторами существования двух стран с неодинаковыми уровнями развития и с разными ориентациями. Чехия стремилась слиться с Европой, в какой-то мере "денационализируясь"; в Словакии же сохранялась сильная инерция идеи национального государства, получившего крупнейшее, почти 600-тысячное венгерское этническое меньшинство (то есть ситуация национального размежевания как бы повторилась, но в масштабах новой страны). "Новые" политические партии хотя и появлялись внутри Федерального собрания, но формировались по преимуществу в рамках республик. При этом в Словакии инициатива была перехвачена сепаратистами. Здесь ни одна из партий, ратовавшая за союз (федерацию), не выиграла выборы 1992 г.

В Чехо-Словакии партии с названием "словацкая" зачастую образовывались, чтобы дистанцироваться от общегосударственных партий. Дистанцировались – и то ли прекратили свое существование в новом государстве, то ли слились в более крупные единицы³. Партии с названием "чехословацкая" в своем большинстве утратили смысл существования, но не титул. Иногда последний еще обладает известным потенциалом, ибо разъединение страны во многом произошло против воли народов Чехии и Словакии, а сохранение термина "чехословацкая" напоминает об этом.

Чешские партии не имели особой мотивации подчеркивать в своем названии национальный момент – они не считали себя дискримини-

рованными. Поэтому мозаика партий здесь определялась сложившимся с начала 90-х годов противостоянием коммунистов, с одной стороны, и Гражданского форума, а затем, после его раскола, господствующей Гражданской демократической партии (ГДП), – с другой. В чем-то эта мозаика напоминает партийные структуры Чехии в составе Австро-Венгрии в межвоенный период, а также в 1945–1948 гг. То есть речь идет о партиях, выступающих за активную социальную политику (в Австро-Венгрии и первой Республике к ним относились в основном социал-демократы и коммунисты; в современной Чехии – коммунисты, социал-демократы и аграрии, пока не образующие альянсов), которым противостоят политические силы, ориентирующиеся на упрочение рынка и одновременно защиту национальных интересов (в Австро-Венгрии это были младочехи и Чешская народная партия; во времена первой Республики – Национально-демократическая партия).

Такая пока еще слабо отрефлексированная преемственность и дает основание говорить об относительной упорядоченности политической жизни страны к середине 90-х годов. Однако эта упорядоченность по параметру внутреннему не значит "спокойной" жизни для чешских партий. И главным, что нарушает относительную стабильность политической жизни в Чехии выступает фактор внешний – устремленность республики на Запад.

Что здесь особенно сложно? Интегрироваться стремится в первую очередь ГДП, полагая, что это легче сделать, последовательно проводя антисоциалистические установки. Но, и это следует подчеркнуть особо, например, Европарламент и другие представительные общеевропейские структуры характеризуются сильным влиянием в них социалистов. Так, на апрель 1995 г. из 626 мест в Европарламенте 221 занимали представители европейских социалистических партий⁴. Получается, что больше всего там "ждут" именно социал-демократов. Но они-то как раз ставят акцент на необходимости первоочередного решения внутренних проблем. Этот конфликт ожиданий и функций определяет и сложность, и своеобразие политической структуры страны. С учетом этого мы и будем анализировать структуры и цели политических партий и движений Чехии, уделяя основное внимание представленным в чешском парламенте.

Первое крупное политическое событие в Чешской Республике после выборов президента (во многом декоративных, как отмечалось аналитиками) – коммунальные выборы, состоявшиеся 18–19 ноября 1994 г. (об их итогах будет сказано ниже). К моменту их проведения в стране насчитывалось 46 партий и 26 политических движений.

Из числа действовавших на территории бывшей ЧСФР политических партий и движений в Чехии к сентябрю 1994 г. оставалось 38: Ассоциация радикалов за Соединенные Штаты Европы; Гражданская Демократическая партия; Гражданский демократический альянс (ГДА); Движение -90; Движение ангажированных цыган; Движение за социальную справедливость; Движение земледельцев; Движение чехословацкого взаимопонимания; Демократическая партия Чехословакии; Демократическая уния; Демократы -92 за единое государство; Клуб ангажированных беспартийных; Консервативная партия; Левый блок; Либерально-социальная уния (ЛСУ); Моравская национальная партия; Национально-демократическая партия; Национально-социальная партия – Чехословацкая национально-социалистическая партия; Независимая инициатива; Общегосударственный актив граждан; Партия граждан с ослабленным здоровьем, пенсионеров и социально незащищенных; Партия демократических левых; Партия предпринимателей, ремесленников и крестьян Чешской Республики (до 1993 г. – Партия чехословацких предпринимателей и ремесленников); Партия зеленых; Республиканская партия; Республиканская уния; Республиканцы; Объединение за Республику – Республиканская партия Чехословакии; Соуществование; Уния самоуправляющейся демократии; Христианская и демократическая уния – Чехословацкая народная партия (ХДУ-ЧНП); Христианско-демократическая партия; Цыганский национальный конгресс; Цыганская гражданская инициатива ЧСФР; Чехословацкая партия интеграции; Чехословацкая социалистическая партия; Чешская социал-демократическая партия (до 1993 г. – Чехословацкая социал-демократическая партия – ЧСДП); Чешско-моравская народная партия (до 1993 г. – Чешско-словацкая народная партия).

Из старых политических партий и движений, действие которых ограничивалось в бывшей единой республике территорией Чехии, к этому времени сохранилось 16. Это: Аграрная партия; Аграрная Ре-

спубликанская партия; Движение за равноправное положение женщин в Чехии и Моравии; Движение за самоуправляющуюся демократию – Объединение за Моравию и Силезию; Земледельческая партия; Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ); Корона чешская; Левая альтернатива – Движение за демократический и самоуправляющийся социализм; Партия друзей пива; Партия моравской деревни, Партия свободных демократов; Свободные демократы (ранее Гражданское движение); Чешская национальная партия; Уния городов и сел.

Наконец, в современной Чехии образовались новые политические партии и движения. Всего их к сентябрю 1994 г. насчитывалось 18: Движение за самоуправляющуюся демократию Моравии и Силезии; Движение самоуправляющихся Моравии и Силезии; Инициатива граждан Праги; Либеральная национально-социальная партия; Масариковская демократическая партия; Объединение независимых кандидатов города Чешске Будейовице; Объединение независимых Праги; Объединение пенсионеров Чешской Республики; Партия национально-демократического единства; Партия граждан цыганской национальности Северо-Чешского края; Пенсионеры за уверенность в жизни; Пражане–Праге; Христианская и демократическая партия цыган; Христианско-социальная уния; Чешская и Моравская аграрная партия; Чешские правые; Чешско-Моравская партия центра; Национальное чешское и цыганское движение в Чешской Республике.

Естественно, уже к концу 1994 г. количество и "качество" указанных партий в чем-то изменилось. Вместе с тем блоки правых и левых партий и движений лишь четче выявили при этом свои позиции. Кто же относится к первым и кто ко вторым? Ответ на эти вопросы следует искать в результатах не только коммунальных выборов 1994 г., но и парламентских 1992 г. К тому времени уже произошло политическое оформление сил, выступавших за разделение страны, вследствие чего перед выборами в Федеральный парламент в 1992 г. 72% граждан не доверяли ему как социальному институту, хотя собирались голосовать 90%. Лозунг "Правда и любовь победят ложь и ненависть" тоже звучал не столь уж громко. Правые способствовали созданию ситуации, когда была развернута мощная пропагандистская кампания против левых. Но некоторые ее инициаторы проиграли сами: Гражданское движение (лидер – И. Динстбир) и некоторые другие "не взяли" пяти-

процентного барьера. В целом победа правых была хрупкой: ГДП в коалиции с христианскими демократами собрала треть голосов в Чехии и Моравии (ультраправая Республиканская партия Сладека – 6% голосов). Примечательно, что ровно столько же собрало и Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) на своей территории. Левый блок (ЛБ) – КПЧМ в союзе с Демократической левой – получил 14% голосов в Чехии и ровно столько же – Партия левых демократов набрала в Словакии. Из 42 партий и движений к выборам оформились группы (коалиции) правых: ГДП (В. Клаус)⁵; Гражданский демократический альянс (В. Длоуги); Гражданское движение (И. Динстбир) и др. Левые: Чехословацкая социал-демократическая партия, Либерально-социальная уния (объединившая "аграриев", зеленых и социалистов), а также Левый блок.

В Федеральном парламенте партия В. Клауса из 300 мест получила 80, а партия В. Мечъяра – 54. Левый блок занял 50 мест (включая 14%, или 30 мест, в Чехии и 16%, или 20 мест, в Словакии).

В парламенте Словакии (Словацком Национальном Совете – СНС) из 150 мест 72 получило ДЗДС В. Мечъяра, 32 места – Партия левых демократов (бывшие коммунисты), 14 мест было у Словацкой национальной партии.

Каково же распределение мест в Чешском Национальном Совете (ЧНС) – парламенте Чехии, сохраняющем свои полномочия и поэтому определяющем характер политической жизни страны до 1996 г.

Победа ГДП на выборах 1992 г. в ЧНС выглядела немногим более внушительно, чем в прекратившем свое существование Федеральном собрании ЧСФР. Она собрала в ЧНС 37,5% голосов, что составляет 75 мест из 200. В тесном блоке с ГДП выступала Христианская и демократическая уния (объединявшая Чехословацкую народную партию и Христианско-демократическую партию), получившая 15% голосов. Тем самым "строго правая" группа депутатов имела в ЧНС 90 мандатов, или 45% мест. К этим же партиям примыкал и Гражданский демократический альянс с 14 голосами (т.е. 7%). Ультраправая – Объединение за Республику – Республиканская партия Чехословакии, которую сравнивают с российской ЛДПР В. Жириновского, получила 14 мест, или 7%.

Коалицию Либерально-социальная уния имевшую 16 мест, можно считать, хотя и во многом условно, центристской, равно как и Движение за самоуправляющуюся демократию – Объединение за Моравию и Силезию, у которого 14 мест (всего 30 голосов, т.е. 15%). Наконец, левые: это 35 мест (17,5%) Левого блока с лидирующей ролью коммунистов и 16 мест (8%) ЧСДП. То есть всего 51 голос, или немногим более 25% мест. Нужно отметить при этом явную взаимную неприязнь основных составляющих лагеря левых. Но если правые могут позволить себе дистанцироваться от лидера Республиканской партии Чехословакии М. Сладека, не теряя при этом контроля над местами в парламенте, то конфликт между социал-демократами и коммунистами деструктивен для левой оппозиции. Поэтому термин левые вдвойне условен, а их малые шансы на победу подтверждаются вполне.

С учетом сказанного можно дать краткую характеристику основных чешских политических партий, включая не вошедшие в парламент, имея в виду условность наименований правые и левые, равно как и крайнюю неопределенность центра.

Гражданская Демократическая партия (ГДП) – лидер современной Чехии. Ее председатель – премьер-министр В. Клаус. Партия была создана 26 февраля 1991 г. на чрезвычайном республиканском съезде Гражданского форума (ГФ), на котором произошел его раскол на ГДП и Гражданское движение (ГД). Учредительный съезд ГДП состоялся в г. Оломоуце 20–21 апреля 1991 г., где она заявила о себе как о правой партии, исповедующей идеологию реализма и прагматизма. В начале 1994 г. ГДП насчитывала около 27 тыс. членов (в 1991 г. – около 25 тыс.).

Гражданский демократический альянс – неконфессиональная партия демократического правого течения. Председатель партии – П. Братинка. Создана 17 декабря 1989 г., являлась составной частью ГФ вплоть до его раскола. В парламентских выборах 1990 г. участвовала в коалиции с Партией чехословацких предпринимателей и ремесленников, а также Либеральной демократической партией. Были заключены соглашения с Клубом ангажированных беспартийных (апрель 1991 г.), ГДП (ноябрь 1991 г.) и Либеральной демократической партией (ЛДП) (январь 1992 г.). Как отмечается в программе, выступает за общест-

во, базирующееся на свободе, справедливости и гуманизме. Подчеркивает приоритет правового государства, парламентской демократии, местного самоуправления, либерализации рыночных отношений и социальной ответственности. ГДА поддерживает демократические принципы в экономике, основанной на защите прав собственности со стороны государства, свободную конкуренцию. Партия объявляет себя сторонницей западного консерватизма. В апреле 1994 г. в ее рядах насчитывалось 2052 чел.

Чехословацкая народная партия (ЧНП). Председатель – Й. Лукс. Возникла в сентябре 1918 г. в результате объединения нескольких католических партий; осенью 1938 г. – распущена. В 1945 г. восстановилась как партия Национального фронта чехов и словаков. В ноябре 1989 г. возобновила свою дофевральскую традицию несоциалистической партии, строящейся на принципах христианско-социального движения. В программных документах заявляет о себе как о правой партии с программными целями, базирующимися на христианских ценностях. Выступает за всестороннюю поддержку частной собственности и частного предпринимательства. Вместе с тем при переходе к рыночной экономике поддерживает "ответственную социальную политику по отношению к слабым". ЧНП – составная часть коалиции Христианская и демократическая уния. Количество членов на июнь 1991 г. – 100 тыс. человек, но в это число входят и те, кто не вовлечен активно в политику.

Христианско-демократическая партия (ХДП). Председатель – В. Бенда. С 1990 г. – в составе коалиции Христианско-демократической унии, заключала также соглашение с ГДП. Партия возникла в середине 80-х годов в качестве неформальной экуменически ориентированной христианской группы. 15 ноября 1989 г. учреждается как автономный Христианско-демократический клуб; с 3 декабря 1989 г. – политическая партия. Именует себя надконфессиональной партией правого центра консервативной ориентации. Объединяет верующих и неверующих граждан, признающих христианские ценности, и считает себя открытой для всех, кто воспринимает эти ценности как неотъемлемую часть общественной жизни. ХДП ставит целью активизацию христиан, выступает за разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; в экономике ратует за равноправие трех форм соб-

ственности: частной, кооперативной и государственной. Поддерживает экономическую трансформацию с акцентом на гуманистическом, социальном и экономическом ее аспектах.

Объединение за Республику – Республиканская партия Чехословакии (ОЗР–РПЧ). Председатель – М. Сладек. Организация основана 26 декабря 1989 г. как партия радикальных правых. Учредительный съезд состоялся 24 февраля 1990 г. В своей программе партия поддерживает в первую очередь уважение прав и свобод индивидуума. Функции государства должны заключаться в формировании оптимальных юридических условий для обеспечения развития демократического общества, прав и свобод личности. Выступает против революции и классовой борьбы, отрицает идеологию марксизма-ленинизма и диктатуру любого вида; поддерживает принципы рыночной экономики. Партия отстаивает идею федеративного государства с присоединением Подкарпатской Руси. В ноябре 1994 г. в рядах партии насчитывалось 40 тыс. человек.

Либеральная социальная уния – коалиция Либеральной партии национально-социальной*, Земледельческой партии, Партии зеленых, Движения земледельцев, а также независимых. Председатель – Ф. Трнка. Начала свою деятельность 20 мая 1991 г. как коалиция политического центра. Ее программные цели – идеи свободы, демократии, социальной справедливости, гуманизма и толерантности. Выступает в поддержку плюралистической парламентской демократии; защищает интересы нации и национальных меньшинств, проживающих на территории страны; отстаивает идею самоуправления на местном уровне. Поддерживает ускоренный, но вместе с тем взвешенный переход к социально ориентированной рыночной экономике с учетом фактора защиты окружающей среды. ЛСУ выступает за государственные гарантии социальной защиты индивидуума. В начале 1994 г. преобразована в политическую партию.

Движение за самоуправляющуюся демократию – Общество за Моравию и Силезию (ДЗСД–ОМС). Председатель – Я. Кричер. Созда-

---

*Либеральная партия национально-социальная (ЛПНС) – до 30 октября 1992 г. имела названия: Чехословацкая социалистическая партия, Либерально-социальная партия – Чехословацкая социалистическая партия (с 20 июня 1993 г.). В январе 1994 г. число членов партии не превышало 15 тыс. человек. Председатель – П. Гириш.

но 1 апреля 1991 г. как политическое движение центра. В программных документах провозглашается требование самоуправления Моравии и Силезии в рамках единого государства, введение земского управления. Выступает за утверждение мораван как этноса с собственной правовой субъективой. Оказывает поддержку в создании культурных и профессиональных обществ в Моравии, Силезии, за рубежом.

Свободные демократы (до января 1994 г. – Гражданское движение). Председатель – И. Динстбир. Движение возникло 23 февраля 1991 г. на упоминавшемся чрезвычайном съезде Гражданского форума. В отличие от правой ориентации ГДП оно заявило о своем центризме. Программные цели – свобода индивидуума, гуманизм как мировоззренческая ориентация, плюралистическая демократия и уважение нравственных ценностей, основанных на сознании ответственности гражданина за себя, свою семью, государство в духе традиций европейской цивилизации. Основанное на гуманистических и демократических традициях первой республики и современных западных демократий, движение выдвигает, в частности, такие цели: 1) не допустить, чтобы граждане, ведомые страхом перед будущим, искали выход в возврате к прошлому; 2) предложить каждому гражданину возможность участия в управлении общественными делами на местном уровне, в регионе и государстве в целом; 3) добиться перехода к такой рыночной экономике, которая будет уважать социальные интересы и экологические требования; 4) уважать гуманистические, демократические, культурные и христианские традиции страны и ее духовные заветы.

Указанные цели хорошо сбалансированы, выглядят привлекательно для людей с разными политическими убеждениями. Но это безусловное преимущество целей оборачивается недостатком при обосновании средств их достижения. По логике: кто слишком многого желает, мало чего достигнет. Отсюда поражение на выборах 1992 г. и относительно небольшие, как представляется, шансы на выборах 1996 г. Согласно данным социологической службы "Фактум", если бы выборы состоялись в апреле 1994 г., движение получило бы лишь 3,4% голосов. Однако есть основания предполагать, что Свободные демократы все же возьмут пятипроцентный барьер. Это произойдет, в частности, если в третьей из поставленных целей будет соблюден баланс трех составляющих, а он может быть найден, ибо такой баланс в наибольшей сте-

пени подходит политически зрелому электорату. Степень же зрелости избирателей Чехии, безусловно, повысится по сравнению с 1992 г. Количество членов движения на сентябрь 1994 г. – около 3 тыс. человек.

Левыми партиями в Чехии считаются ЧСДП и КПЧМ, хотя это определение не столько сближает их, сколько разводит. Дело в том, что с численно мощной КПЧМ не желают сотрудничать авторитетные партии любой ориентации, и чем ближе возможность (и неизбежность) такого сотрудничества, тем интенсивнее степень отторжения.

До середины 1993 г. в рамках Левого блока* взаимодействовали КПЧМ и Демократическая левая. Во главе коалиции, образованной в январе 1992 г., – Л. Индрих и И. Свобода.

Демократическая левая – надпартийное политическое движение с центром в г. Брно. Возникло в начале 1990 г. и ставит своей целью координацию сотрудничества левых партий и движений, а также граждан левой ориентации, независимо от их политической принадлежности и религиозных верований. Цели Демократической левой – плюралистическое общество с равными условиями и возможностями для каждого. Движение выступает за возрождение и модернизацию идей демократического социализма; поддерживает формирование рыночной экономики со всеми формами собственности при сохранении экономического суверенитета страны.

Коммунистическая партия Чехии и Моравии. Председатель И. Свобода не представляет собой политика-лидера. Партия сильна классовостью и нацеленностью на защиту интересов людей наемного труда. Учредительный съезд КПЧМ состоялся 31 марта 1990 г. Возникнув в качестве территориальной организации КПЧС, она заявила, что главную цель видит в защите людей, которые своим ежедневным трудом создают и приумножают материальное и духовное богатство общества. Свою деятельность связывает с укреплением чешской государственности, прав человека и свобод, усилением уверенности и социальной справедливости для каждого гражданина. I съезд КПЧМ 13–14 октября 1990 г. в г. Оломоуце подчеркнул социалистическую ориентацию партии, а также ее левые политические позиции и приоритеты.

---

*18 августа 1993 г. Левый блок был преобразован в политическую партию, объединившую 2500 человек. Председатель – М. Стиборова.

Программа КПЧМ декларирует демократический социализм, который представляет "соединение идеалов демократии и гуманизма, прав и свобод человека, социальной справедливости и жизненных гарантий трудящимся". Основа политики – научное понимание, открытый и равноправный диалог, демократический плюрализм, политическая конкуренция всех взаимно уважающих конструктивных сил общества. Выступая против монополии политической власти, партия стремится к преодолению раскола коммунистического и социалистического движения, а также к включению в спектр левых сил в качестве его составной части.

В феврале 1992 г. партия насчитывала 380 тыс. членов, т.е. в ее рядах каждый тридцатый житель страны! Вероятно, эта цифра и более поздние – завышены. Но ясно и другое: период декларативных заклинаний и проклятий в адрес КПЧМ закончился. С нею надо считаться как с активной политической силой, определяющей многие стороны "левизны" политического спектра Чехии.

Чешская социал-демократическая партия. Председатель – М. Земан. Возобновила свою деятельность 19 ноября 1989 г., основываясь на традициях социал-демократического движения в стране и мире⁷. Это партия – левая; в соответствии с провозглашенными ею лозунгами защищает интересы рабочих и всех трудящихся, традиции в борьбе за социальную справедливость. В то же время ее программа, в отличие от программы КПЧМ, ратует за соединение интересов предпринимателей и наемных рабочих в рамках так называемой системы социального партнерства. Социал-демократы выступают за социально ориентированную рыночную экономику с плюрализмом и равноправием всех форм собственности, допускают быстрое развитие частной собственности и открытость страны иностранному капиталу. Но вместе с тем партия – за квалифицированное регулирование экономики с помощью государственного вмешательства. Количество ее членов на май 1991 г. – более 13 тыс. человек.

В целом коммунальные выборы 1994 г. – первое общенациональное мероприятие в рамках Чехии, ставшее серьезной проверкой популярности политических партий и их лидеров, – проходили довольно спокойно.

Итоги коммунальных выборов⁸

Партии	% голосов в территориальных органах самоуправления	Число мандатов	% голосов в органах самоуправления по населенным пунктам
Независимые	53,1	31.705	14
ХДУ–ЧНП	13,3	7.968	8,9
ГДП	12	7.160	32,4
КПЧМ	10,5	6.292	13,3
ЧСДП	2,6	1.580	8,8

Один из главных результатов выборов – определенность политического лица партий и их приоритетов на фоне относительной индифферентности электората. Дело в том, что избиратели активно предпочитали независимых кандидатов, следуя принципу доверия компетентности, а не политическим призывам. Причина, как представляется, в том, что основные события внутри страны – в первую очередь приватизация и распад ЧСФР – уже в прошлом, и на первое место выходят внешние политические инициативы. Здесь, конечно же, больше пространства для маневра отдельных партий и движений. Центральным вопросом, понятно, является вступление Чехии в НАТО и ЕС.

Несмотря на то, что на коммунальных выборах победу одержали независимые кандидаты, противостояние двух партий в Чехии носит наиболее серьезный характер. Это касается оформленности политических линий, определения противостоящих позиций и т.п. Употребляя слово "серьезный", мы ориентируемся в первую очередь на степень дифференцированности политических и социальных сил в стране. Поскольку Чехия наиболее близка к ЕС по уровню промышленного развития, политической культуре, степени определенности социальных структур, дифференциации политических сил, постольку и политические партии выглядят здесь наиболее серьезно по сравнению с остальными странами региона.

Нужно отметить, что особо значимой в коммунальных выборах оказалась победа ГДП в Пражском магистрате. Из 55 мест она полу-

чила 23, на втором месте КПЧМ – 6, у ЧСДП и ГДА – по 5 мандатов⁹. Внушительная победа ГДП свидетельствует о большом потенциале партии, которой удалось сделать столицу своеобразной "витриной капитализма". Открытость города повлекла появление многих дополнительных рабочих мест, особенно в сфере услуг, однако потолок насыщенности, по свидетельству чешского историка Я. Шедивы, достигнут, и во весь рост встает проблема структурной перестройки промышленности, которую эта занятость лишь прикрыла¹⁰. Получив большинство в Пражском магистрате, ГДП будет контролировать нечто большее, чем местную власть, ибо Прага, перестав быть столицей федерации, непропорционально резко увеличила свой удельный вес в жизни Чехии. Можно назвать победу ГДП здесь основным фактором в будущей победе на парламентских выборах 1996 г. Но для этого надо дать электорату уверенность в процветании, что возможно, в частности, за счет других городов и регионов.

По свидетельствам аналитиков (и личным наблюдениям), в ходе предвыборной кампании ГДП очень активно добивалась контроля над магистратом столицы, отказавшись от присущей ее элите установки на своеобразный политический аскетизм (мы-де не можем расходовать слишком много средств на выборы: наше дело – экономический рост и т.п.). Кроме того, партия начала широкое маневрирование в поисках союзных сил, не ставя акцентов на абсолютном доминировании свободного рынка. Хотя есть основание для вывода о том, что оформление нового блока – признак скорее политического взросления страны.

"Партия способных и предприимчивых", как она себя рекомендует, ориентируется на сознательность и ответственность граждан. Еще в 1992 г. она заявила себя преемницей "традиций европейской христианской цивилизации", обозначив этими словами возможность союза с христианскими партиями и устремленность в Европу. В то же время она подчеркнула верность идеалам первой Республики. И хотя редко какая партия, кроме, пожалуй, коммунистической, не подчеркивает этой приверженности, ГДП выделяет здесь четкий показатель: экономический подъем страны, которая вошла в десятку наиболее развитых стран того времени.

Опыт современных западных демократий – также в числе первостепенных ценностей для ГДП, но здесь тоже проявляются некоторые

сбои. Указанный опыт – это и опыт социал-демократии, но это и тенденция к социализации в экономике, исходя из технологических приоритетов, а не идеологических установок.

Есть основания утверждать, что ГДП будет эволюционировать к мягкому, "бархатному" национализму и с большей уважительностью тяготеть к традициям. У нее появятся признаки респектабельного консерватизма. В то же время социал-демократы должны освоить нишу, занимаемую коммунистами, определяясь как партия активной социальной политики. Экономические приоритеты при этом будут самодостаточны. Законы рынка утратят новизну агрессивности, а умеренное вмешательство государства в экономику будет диктоваться соображениями технологической целесообразности. Эта относительная независимость политики от экономики, на мой взгляд, – свидетельство дрейфа страны к стабильности.

Каковы же перспективы других политических партий и движений? Они больше авторитетны за рубежом, чем внутри страны и вряд ли могут стать третьей силой, определяющей политический курс. Можно говорить о большей вероятности их союза (не слияния) с ГДП.

Аграрные партии, естественно, будут усиливать градус агрессивности в связи с усложнением проблем в сельском хозяйстве. Но они ближе к социал-демократам. Правда, Чехия – страна городов, а после распада еще и страна города – Праги.

Результаты коммунальных выборов все же не могут служить четким индикатором распределения политических сил и тем более основанием для стопроцентного прогноза на парламентских выборах 1996 г. Ясно, однако, что больше чем половина мандатов, полученных независимыми кандидатами, свидетельствует об определенной усталости чешского электората от политических партий. Данная усталость (а, может быть, и определенное неверие в партструктуры, имеющее истоком память о результатах проигнорированного референдума о разделе страны), как ни парадоксально, освобождает пространство для маневра тем же политическим партиям. Какая будет направленность этого маневра? ГДП, как представляется, исчерпав потенциал "общекapиталистических" установок, будет приобретать более четкую национальную направленность, но в таком случае ей труднее будет осуществлять политический курс на вхождение страны в единую Ев-

ропу. Что касается основных оппонентов – социал-демократов, – то они будут поставлены перед необходимостью выработки альтернативного или хотя бы критически ориентированного политического курса в конструктивном духе. Социал-демократы могут при этом воспроизвести реформистскую парадигму с упором на социальную защиту населения, но уже не на уровне голой критики, а на уровне позитивных программ. Фактически это будет "забота о своем народе". Но данная программа как раз и явится более оптимальной для вхождения в ЕС. По крайней мере, как уже отмечалось, структура мест в Европарламенте является свидетельством того, что социал-демократические партии пользуются большим авторитетом в рамках всего ЕС, даже если они не представлены с такой полнотой в парламентах своих собственных стран. Таким образом, линия на укрепление позиций социал-демократических партий – полнее совпадает с устремленностью Чехии в Европейский Союз.

Накануне коммунальных выборов лидер ЧСДП М. Земан явно подчеркивал поэтому важность внешнеполитических инициатив. Однако, по его мнению, для вступления Чешской Республики в ЕС "необходимо сделать несколько постепенных шагов"¹¹. Один из них – создание еврорегионов в пограничных областях республики с тем, чтобы по крайней мере часть Чехии путем повышения уровня экономического и культурного сотрудничества смогла интегрироваться в Европу быстрее, чем отдаленные от границы области¹². Но в ряде случаев в политике чешского правительства наблюдается, по словам М. Земана, "евроскептицизм". Так, правительство "отвергает идею еврорегионов, и хотя оно выступает на словах за наше вступление в Европейский союз, но сводит европейскую интеграцию только лишь к зоне свободной торговли в духе Маргарет Тэтчер"¹³. Но ЕС, по утверждению лидера ЧСДП, – это еще и соответствующее социальное, экологическое, культурное, политическое единство, а также единство в области безопасности. Сводить же его к зоне свободной торговли неправомерно. ЧСДП считает обязательной интеграцию страны в систему безопасности, но вместе с тем столь же обязательным для нее является и подписание Европейской социальной хартии, а также Европейского соглашения против отмывания грязных денег. Это следовало бы делать более-менее одновременно. Но чешское правительство, как подчер-

254

кивает М. Земан, отказывается предложить для ратификации ЧНС Европейскую социальную хартию. Кроме того, несколько лет тому назад чешский премьер заявил, что он не может отличить чистые деньги от грязных. Данные сюжеты, пожалуй, одно из главных на сегодняшний день противоречий между ЧСДП, ратующей за комплексность в подходе к решению вопроса об интеграции ЕС, и ГДП, предпочитающей частичное решение проблемы. Таким образом, социал-демократы определяют важнейшие аспекты своей внешнеполитической программы, отторгая ее от курса ГДП.

Куда актуальнее для социал-демократов задача отношения к КПЧМ. Член Центрального Исполнительного Комитета ЧСДП О. Новотны отметил, что стратегия на отрыв избирателей от коммунистов не удалась. Итоги выборов 1992 и 1994 г. показали, что КПЧМ с 1990 г. удерживает значительное число избирателей (около 750 тыс. человек) и этих избирателей трудно от нее оторвать¹⁴. Приверженцы данной альтернативы живут в каком-то "мифологическом представлении" об "объединении левых сил". Это объединение могло бы состояться только в результате преодоления исторического противоречия между социал-демократами и коммунистами, так как лишь в этом случае левые смогут конкурировать с правыми. Но при этом коммунисты в Чехии проявляют меньше всего воли отказаться от идеологических догм и принципиально дистанцируются от социал-демократии.

Важная стратегия роста ЧСДП – прагматический сдвиг. Его мотивы нашли отражение в документах июньского заседания Исполкома партии (1994 г.), в заявлении Президиума ЧСДП о положении в чешском обществе (октябрь 1994 г.), в предвыборной программе партии (с этим документом партия идет на парламентские выборы в 1996 г.). В этих документах партия взяла на себя обязательства проводить радикальную и вместе с тем дифференцированную избирательную критику правительства. Партия отказывается от прежних оценок своих оппонентов как "врагов"; дистанцируется от призывов как правых, так и левых экстремистов к гражданскому неповиновению, присоединяется к идеалам открытого общества (комбинирующих традиционные социал-демократические ценности и современный либерализм); отрицает не только надменное поведение правительства, но и оппозиции ("мы не считаем... что обладаем патентом на разум"); вместо деятельности

в соответствии с идеологическими догмами она предпочитает поиск позитивных решений актуальных общественных проблем¹⁵. Эта стратегия источником дальнейшего роста партии рассматривает не коммунистический электорат, а в первую очередь масштабную группу избирателей левоцентристской и правоцентристской ориентаций. ЧСДП понимает, что без привлечения большинства представителей данного политического спектра на победу не может рассчитывать ни одна партия. ЧСДП далека от иллюзии относительно того, что возможное ухудшение социально-экономического положения в стране автоматически повысит шансы ЧСДП на выборах. Вот почему партия ориентируется "на реализацию методов, делающих возможным успех на выборах и в условиях относительной конъюнктуры"¹⁶.

Еще до парламентских выборов независимые чешские социологические центры внимательно проанализировали политическую ситуацию в Чехии – острове стабильности в регионе Центральной Европы. Однако, по их выводам, большинство граждан считают политическую ситуацию в своей стране как раз нестабильной в связи с обостряющейся конфронтацией между левыми и правыми партиями. 55% из опрошенных социологами 900 граждан неудовлетворены нынешней ситуацией, однако 61% из них намерены принять участие в выборах. Политические симпатии при этом распределились следующим образом: 21% из них отдадут свои голоса кандидатам от ЧСДП; 20% поддержат коммунистов (КПЧМ) и близких им по программе независимых кандидатов (тем самым левые собирают около двух пятых голосов); 11% симпатизируют ГДП; 7% будут голосовать за кандидатов ГДА (т.е. менее одной пятой голосов за правых). Не вызывает беспокойства политическая ситуация в республике у 39% граждан. 84% из них намерены участвовать в парламентских выборах; симпатии их на стороне правоцентристских партий и движений. Наибольшее число сторонников у ГДП – 46%, у ГДА – 10%. Левые менее популярны у этой категории населения: ЧСДП поддержит 7% из них, а КПЧМ – 2%¹⁷. Нестрогие количественные подсчеты показывают, что будь выборы в апреле 1995 г., – победили бы левые. Но все политические силы знают, что в день выборов побеждают не мнения, а голоса. Отсюда усиление некоторых моментов стратегии ЧСДП, в частности, большая определен-

ность политического курса М. Земана, повторно избранного председателем партии на съезде ЧСДП, проходившем в г. Богумин (Северо-Моравская область) 24 апреля 1995 г. Лидер социал-демократов уверен, что возглавляемая им партия получит на предстоящих выборах в парламент не менее 25% голосов избирателей. Результаты последних опросов населения страны свидетельствуют – если бы выборы состоялись весной 1995 г., то ЧСДП получила бы 21% голосов¹⁸. Большинство избирателей сходятся в том, что количество ее сторонников увеличивается ежемесячно. Делегаты съезда исключили возможность создания предвыборных коалиций и вообще любых форм сотрудничества с экстремистскими партиями. Это крайне левые и крайне правые, среди которых называется КПЧМ и ОРЗ-РПЧ¹⁹.

Согласно данным социологической службы "Фактум", в будущий парламент имеют шанс войти лишь кандидаты от ГДП, ЧСДП, КПЧМ и ХДУ-ЧНП, так как остальные политические организации Чехии не смогут преодолеть установленный законом 5% барьер²⁰. Так, активно действующие в стране Свободные демократы и ОРЗ-РПЧ имеют лишь по 3,4% сторонников, Моравская национальная партия – 2,3%. При этом среди сторонников ГДП преобладают молодежь и люди среднего возраста; она особенно популярна в Праге и других крупных городах. Потенциальные избиратели ЧСДП – рабочие и пенсионеры, жители небольших городов, а также население Восточной Чехии. Судя по опросам населения, КПЧМ может сойти с политической арены. Ее социальная база – граждане, возраст которых более 60 лет – постоянно сужается. Кроме того, коммунистов поддерживают люди с очень низкими доходами, число которых в республике незначительно. На выборы в будущем году намерены прийти 73% избирателей. Нежелание участвовать в них выразили 8,1% опрошенных²¹.

Пожалуй, шансы Свободных демократов и КПЧМ занижены, а ГДП – завышены: надо учитывать, к примеру, что электорат в Центральной Европе "привык" свергать кумиров, каким сегодня является В. Клаус. Хотя здесь может проявиться скорее не свержение, а демонстрация намерений. В целом анализ как результатов коммунальных выборов (1994 г.), так и опросов (1995 г.), указывает на относительную усталость чешского электората от политики, что как раз и обеспечивает большую свободу маневров для партий; порождает тенденцию к офор-

мленности политических структур в виде классической двухпартийной политической системы. Это говорит о более высоком по сравнению с другими странами региона уровне политической культуры и фактической готовности страны вступить в ЕС. Но несмотря на то, что Чехия приближается к классической парадигме партийной структуры (например, в отличие от Испании или Греции), она, на мой взгляд, не может автоматически войти в ЕС, так как принадлежит региону Центральной Европы. Региональные границы останутся куда более прочными, чем это предполагают политические деятели с самыми оптимистическими установками. И Чехии скорее всего придется входить в ЕС вместе, по крайней мере, с группой стран региона, например, Вишеградской четверкой. При этом как ни странно, распад Чехо-Словакии как раз замедлил, а не ускорил указанное вхождение²².

Проведенный анализ дает основание для некоторых выводов прогностического характера.

1) На парламентских выборах 1996 г.* победит ГДП с коалиционными партиями, но, повторим, это будет, скорее всего, пиррова победа, поскольку потенциал активного внедрения капиталистических порядков в Чехии подошел к своему потолку.

2) Социал-демократы составят ядро оппозиции, усиливаясь в той мере, в какой они будут тоже "за капитализм"; партия выступит в качестве реального и мощного противовеса, с "теневым кабинетом", а не всего лишь оппозиционной силы.

3) Возврат бывших коммунистов в других странах походил, скорее, на обратную волну: в Чехии они станут обычной левой партией и не исчезнут вследствие фактора "старения", как это предсказывают социологи.

4) Борьба между ГДП и ЧСДП будет похожа на противостояние консерваторов и лейбористов в Англии, христианских демократов и социал-демократов в Германии и т.п. При этом следует подчеркнуть особо, что сегодня видны лишь контуры такого подобия.

---

*Итоги выборов в парламент 31 мая – 1 июня 1996 г.: ГДП получила 29,6% голосов, ЧСДП – 26,5, КПЧМ – 10,5, ОЗР-РПЧ – 8,4, ГДА – 6, ХДУ-ЧНП – 7,9%.

Примечание

¹ Подсчитано по: Adresář politických stran, hnutí a sdružení občanů v ČSFR. 1992. Praha, 1992.

² Подсчитано по: Politické strany a hnutí v ČSFR. 1992. Praha, 1992.

³ Подробнее см.: Olson D. Sundered state. Federalism and parliament in Czechoslovakia //Parliament in Transition // Ed. by Remington. Oxford, 1994. P. 97–123. Svátek F. Political culture and new political elites in Czechoslovakia after 1989//Meyer G. (Hrsg.) Die Politischen Kulturen Ostmitteleuropas in Umbruch. Tübingen, Basel, 1993. S. 303–310; Brokl L., Mansfeldová Z. Die Wahlen in der ČSFR 1992 und der Weg in die Auflösung der Föderation//Meyer G. Op. cit. S.271–301.

⁴ Economist. 1995. April 15. P. 42. Из остальных партий в Европарламенте 31 место занимает группа Левого Единства, близкая к социал-демократам; 25 – представители партии зеленых; 25 – представители коалиции "Радуга", выступающих за разоружение. В своеобразном "центре" 79 мест получили независимые. Условно правыми партиями можно считать представителей либерально-демократических и реформистских групп, имеющих 52 места. 173 места у европейских народных партий и 26 – у представителей Европейского демократического альянса.

⁵ В ходе кампании постоянно воспроизводились слова М. Тэтчер: "... это счастье, что Чехословакия (так говорила М. Тэтчер, а писалось Чехо-Словакия –Э.Э.), что она имеет Вацлава Клауса, лучшего министра финансов в мире" (Time. 1992. May 16).

⁶ Český deník. 1994. 19.XI. S. 4.

⁷ Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Экономические программы и политическая активность социал-демократов в Чехо-Словакии// Политические партии и движения Восточной Европы: проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994. С. 241–279.

⁸ Hospodářské noviny. 1994. 23.XI. S. 1.

⁹ Ibid.

¹⁰ Лекция Я. Шедивы в Посольстве Чешской Республики в Москве 18 мая 1995 г. о современном социально-экономическом и политическом положении Чехии.

¹¹ Právo lidu. 1994. 4–10. X. S. 7.

¹² Ibid.

- 13 Ibid.
- 14 Rudé právo. 1995. 22.II.
- 15 Právo lidu. 1994. 24.VI; Východiska volebního programu České strany sociálně demokratické. Praha, 1995.
- 16 Ibid.
- 17 Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС) 1995. 7.IV. С. 13.
- 18 Там же. 1995. 25.IV. С. 20–21.
- 19 Там же.
- 20 Там же. 1995. 10.IV. С. 18–19.
- 21 Там же.
- 22 Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии Наук. 1993. № 12. С. 1103–1109; *она же.* Вацлав Гавел – драматургия президентства // Кентавр. 1995. № 5. С. 10–22.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю.С. Новопашии</i> . Введение	3
<i>Ю.Ф. Зудинов</i> . Болгария: политические метаморфозы первого посттоталитарного пятилетия	12
<i>Б.Й. Желицки</i> . Многопартийность и политическая панорама в современной Венгрии	55
<i>В.В. Мирошников</i> . Основные контуры политического развития Польши во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов	95
<i>О.Н. Майорова</i> . Правые группировки на польской политической сцене	128
<i>А.Б. Едемский</i> . Политическая жизнь Сербии после выборов 1993 г.	157
<i>С.А. Романенко</i> . Хорватское демократическое содружество президента Франьо Туджмана в первые годы независимости Хорватии. 1991–1995 гг.	183
<i>Г.Ю. Харцьева</i> . "Левые" и "правые" в современном политическом спектре Словакии	214
<i>Э.Г. Задорожнюк</i> . Партии и движения в Чехии: структурная эволюция и проблема приоритетов	239

Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Ю.Ф. Зудинов

Сборник подготовлен к печати в редакционно-издательском
отделе Института славяноведения и балканистики РАН

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 20.05.1997 г. Печ. л. 16,2

Тираж 300 экз. Заказ № 435 . Цена договорная.

Типография ППТК "Логос" ВОС 129164 Москва. Маломосковская, 8

